

КОНЕЦ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИМПЕРИИ

29 мая 1453 года – трагическая дата в мировой истории. В этот день Константинополь – центр православного мира, столица некогда могучего государства, Византийской империи, пал под ударами турок.

Во второй половине XIII века пришедшая из Хорасана небольшая орда тюрков-огузов образовала свое государство на территории бывшего Сельджукского султаната. В 1281 году во главе его встал молодой и энергичный предводитель Осман, давший имя Османской империи и ставший основателем великой династии, правившей в Турции до 1923 года.

Вначале византийские правители не были обеспокоены появлением в Малой Азии нового небольшого государства. Их гораздо больше волновали другие эмираты – осколки бывшего государства сельджуков. Но уже в начале XIV века османы громко заявили о себе, захватив еще оставшиеся в руках византийцев земли в Малой Азии, и вскоре начали экспансию за ее пределы.

Следующим шагом было укрепление турок на Европейском континенте. Традиционно виновником их появления на Балканском полуострове принято считать Иоанна Кантакузина, будущего императора, честолюбивого и амбициозного политика, в руках которого в период правления императора Андроника III (1328–1341) находилась вся внутренняя и внешняя политика Византии. Борясь за власть и мечтая об императорском престоле, он призвал себе в союзники турецкого правителя Урхана, наследника Османа. Чтобы

еще больше скрепить союз, он даже отдал ему в жены свою дочь Феодору. После захвата трона Кантакузин также нередко использовал турок в борьбе против набиравшей силу Сербии. К середине XIV века турки уже прочно осели во Фракии. Иоанн Кантакузин, конечно, несет свою долю ответственности, однако основную причину этих роковых для Византии событий нужно искать во внутренней и внешней ситуации в ослабленной междоусобными войнами империи, и в недалёковидности ее правителей, не сумевших распознать серьезную опасность и не нашедших в себе силы сплотиться даже перед лицом страшной угрозы.

Дальнейшему продвижению турок по Европейскому континенту уже никто не мог воспрепятствовать. В 1365 года султан Мурад I перенес столицу Османской империи в Адрианополь, и территория, еще остававшаяся в руках византийцев, — Константинополь с окрестностями, — со всех сторон оказалась окружена турками. Византийцы испытали крайнее унижение, когда император Иоанн V (1341–1391) согласился выплачивать султану дань, а его сын Мануил был вынужден отправиться в Порту в качестве заложника. В 1387 году пала Фессалоника, а вскоре и морейским деспотам пришлось признать свою вассальную зависимость от султаната.

После битвы с турками на Косовом поле в 1389 году сербское государство почти полностью прекратило свое существование, и к концу XIV века у Османской империи практически уже не осталось серьезных соперников на Балканском полуострове. Через четыре года Тырнов, столица Болгарии, был завоеван турками, а немногим позже и вся болгарская территория вошла в состав Османской империи.

От некогда огромных территорий Византии почти ничего не осталось, со всех сторон на нее наступали несметные турецкие полчища, ее население резко сократилось, — и в этой отчаянной ситуации единственным возможным союзником для умирающей империи могли оказаться только ее западные «братья-христиане». К ним-то и был вынужден отправиться византийский император, чтобы униженно умолять о помощи.

Византия имела долгий и печальный опыт общения с западными державами. Существует даже мнение, что именно Запад подготовил почву для турецкого вторжения и стал косвенным ви-

новником падения Византийской империи. Предпосылки этой трагедии некоторые ученые ищут в XIII веке и даже раньше.

Собственно, вражда между греками и «латинянами» зародилась еще в период Первого крестового похода в конце XI века. Западные «воины Христовы» прошли тогда по византийским землям с огнем и мечом, неся опустошение и разорение городам и селам.

В 1204 году Константинополь с его прекрасными дворцами, церквями и храмами, памятниками древности и произведениями искусства был захвачен и разграблен участниками уже Четвертого крестового похода, после которого Византия надолго прекратила свое существование как единое государство.

Раздражение византийцев вызывала и экономическая экспансия Запада. Уже к началу XIII века вся Византия оказалась наводнена иностранцами, главным образом венецианцами и генуэзцами, которые, прочно обосновавшись по всей территории империи и заняв целые кварталы в самой столице, прибрали к своим рукам большую часть промышленности и торговли.

Взаимная ненависть и вражда между византийцами и «латинянами» усиливалась еще и религиозными разногласиями. После схизмы 1054 года, когда произошло разделение церквей на Западную и Восточную, для «латинян» греки превратились в схизматиков-еретиков, а многие греки стали относиться к «латинянам» как к настоящим варварам. Несмотря на латинофильство некоторых императоров, со временем пропасть, разделявшая западных и восточных христиан, становилась все шире.

Таким образом, к XV веку отношения между Западом и Византией были отягощены трудным опытом прошлого. Тем не менее иного выхода не было, и для византийских государственных деятелей было очевидно, что без помощи Запада империи не выстоять. Однако залогом этой помощи должна была стать уния с католической церковью, а это был трудный и мучительный вопрос. Ни Михаил VIII, ни Иоанн V, ни большинство последующих императоров не придавали большого значения богословским вопросам и были согласны идти на уступки. Интеллектуальная верхушка также была готова поддержать унию, ведь преимущества ее заключения казались очевидными: догматические расхождения для людей просвещенных казались не столь существенными, а союз с Западом означал не только военную помощь, но и возможность

расширения культурных контактов, прежде всего с Италией, где уже начинался культурный подъем, приведший, в конце концов, к великой эпохе Возрождения. В Италии в это время с восторгом принимали греческих ученых, и они не только получали доходные профессорские кафедры, но и распространяли греческую образованность, способствуя интеграции греческой и итальянской культур. Гораздо более сложным вопрос об унии представлялся богословам, монахам и низшим слоям духовенства. Первые думали, что с момента схизмы между двумя христианскими церквями накопилось слишком много непреодолимых разногласий в богословских, догматических и литургических проблемах. Что касается низшего духовенства, то его, конечно, мало интересовали подобные вопросы, зато оно твердо хранило в памяти разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году и другие «обиды», и именно оно настраивало паству против унии. Несомненно, огромную роль играла и элементарная ксенофобия, застилавшая глаза народу даже в самые критические моменты его истории и заставлявшая его поступать даже вопреки собственным интересам. В столице росло напряжение, население возмущалось, роптало и обвиняло во всех своих несчастьях императора. Однако Мануил II делал все возможное, чтобы получить помощь Запада. В 1399 году случилось неслыханное: сам царь отправился в путешествие по странам Западной Европы. Византийцы с трудом могли поверить в происходящее: никогда раньше их правители не покидали пределов страны (разве что во главе военной экспедиции), ныне же их император является ко двору западных «государей-схизматиков» в качестве просителя и униженно умоляет их о помощи! Такое трудно было себе представить – и еще труднее пережить.

Сначала Мануил прибыл в Венецию. Там он был принят со всем подобающим ему почетом и уважением, но поскольку коммерческие интересы Венеции нередко вынуждали ее заключать торговые договоры с турецким султаном, она не могла открыто оказать помощь Византии. Затем Мануил посетил Францию и Англию. Путешествие императора по странам Западной Европы продолжалось более трех лет, но не принесло желаемых результатов: все, чего добился Мануил, – это множество заверений в дружбе и обещаний помощи, в большей части которых пришлось потом разочароваться.

Итак, унижение Мануила реальных результатов не принесло, но окончательно раскололо византийское общество; каждая из образовавшихся «партий» пыталась предложить свой путь спасения: латинофилы отстаивали необходимость союза с Западом, а представители «православной партии» уповали на Бога и видели единственное средство спасения в твердом следовании традициям ортодоксальной церкви. Но были и те, кто считал, что империю вообще не стоит «спасать», что в нынешней ситуации, когда от некогда огромной империи остался только Константинополь с окрестностями, турки выступают в качестве не завоевателей, а освободителей. Такие на первый взгляд парадоксальные туркофильские настроения распространились в основном в среде купечества и среди части феодальной знати, так как именно эти социальные слои в первую очередь страдали от конкуренции с итальянскими купцами и, уже отчаявшись получить помощь от центральной власти, связывали надежды на улучшение своего положения с приходом к власти турецкого султана...

Раскол общества только приближал роковую развязку. Угроза усиливалась. На протяжении первой четверти XV века турки уже дважды осаждали Константинополь, и оба раза только «чудо» спасало город. В 1402 году Константинополь был избавлен от угрозы османского завоевания благодаря монгольским полчищам Тимура, который в битве при Ангоре разбил армию султана Баязида. Второй раз византийской столице угрожала непосредственная опасность в 1422 году. Однако силы турок еще не вполне восстановились после Ангорской битвы, и внутренние распри заставили Османов снять осаду.

Всем было ясно, что такое положение не может сохраняться долго: небольшой осколок некогда могучей империи рано или поздно покорится грозным Османам. И вновь возник план, уже не раз терпевший неудачу в прошлые годы: опять обратиться за помощью к Западу. Но будут ли западные государи помогать тем, кого они считали схизматиками? Единственным выходом оставалась уния с Католической церковью. Однако даже в такой отчаянной ситуации в Константинополе продолжали громко звучать голоса тех, кто считал, что уния неприемлема, что она нарушит чистоту греческого православия и приведет лишь к политическому преобладанию Запада. Тем не менее в 1438 году в Ферраре был

созван собор, который в следующем году, из-за чумы, был перенесен во Флоренцию. В историю он вошел как Ферраро-Флорентийский собор. Все заседания его были обставлены с необычайной торжественностью. Очень представительными были также делегации обеих сторон. Византию представляли: сам император Иоанн VIII с братом, деспотом Димитрием, Константинопольский патриарх Иосиф II, митрополит Никейский Виссарион и недавно назначенный митрополитом в Москву Исидор (два последних – сторонники унии), а также Марк, митрополит Эфесский, ярый ее противник. Кроме духовных лиц в состав делегации вошли четыре философа-мирянина, из которых самым известным был противник унии Георгий Схоларий (монашеское имя Геннадий), будущий первый греческий патриарх в Османской империи. В этих условиях согласие не могло быть достигнуто не только между западной и восточной делегациями, но и среди представителей греческой церкви. В конце концов разногласия в греческом стане переросли в открытую вражду, что позволило латинским богословам одержать победу в спорных вопросах и, главное, заставить греков признать догмат о главенстве римского папы. Церемония подписания состоялась 6 мая 1439 года во Флорентийском соборе Santa Maria del Fiore. Некоторые греческие епископы во главе с Марком Эфесским не захотели поставить свои подписи. Отказались признать ее также представители Грузинской и Русской церквей, еще раньше покинувшие Флоренцию. Фактически заключение унии означало полную победу Католической церкви по всем догматическим вопросам. Хотя пункт о главенстве папы и был изложен в несколько туманных выражениях, тем не менее грекам пришлось пережить унижительную церемонию: преклонить колени перед папой и поцеловать его руку.

Однако жертва, принесенная императором и греческой делегацией, оказалась напрасной: унию на Востоке в очередной раз не приняли, да и император испытывал сомнения и не торопился проводить ее в жизнь. Первая униатская служба была проведена только 12 декабря 1452 года в храме Святой Софии. Сторонник союза с католиками Виссарион вскоре был вынужден удалиться в Италию, Исидор, пытавшийся ввести унию в России, по приказу Василия II был схвачен и заключен в монастырь, откуда затем бежал в Рим. Другие восточные патриархи приняли униатов с нескрываемой враждебностью.

Может быть, конечно, византийцы иначе отнеслись бы к унии, если бы получили от Запада реальную военную помощь, однако организованный папой в 1444 году крестовый поход закончился полным разгромом сил крестоносцев в битве при Варне, после которой уже никто не ожидал никакой поддержки. Константинополь был оставлен на произвол судьбы. Византия вступала в решающую фазу своей истории.

В 1448 году, после смерти императора Иоанна VIII, на византийский престол взошел его брат Константин XI. Многим тогда вспомнилось древнее предсказание, согласно которому последний византийский император будет носить такое же имя, что и первый (Константин, сын Елены).

Правда, какая-то тень надежды появилась в 1451 году, когда после смерти Мурада II султанский престол занял его сын Мехмет, которому исполнился 21 год. Про него распространяли слухи, что человек он не очень далекого ума, вряд ли представляет опасность для христианского мира, да и, кроме того, находится под сильным влиянием своего главного визиря Халилия, сторонника миролюбивой политики. Однако, как вскоре стало ясно, молодого султана явно недооценили. В его натуре жестокость сочеталась с прекрасной образованностью (он знал, к примеру, пять иностранных языков), а кровожадность – с любовью к наукам. Кроме силы воли Мехмет обладал удивительной целеустремленностью, а главную свою цель видел в покорении Константинополя.

Первым его шагом было строительство на европейском берегу Босфора, в самой узкой его части, крепости, известной сейчас под названием Румели-Хиссар. Эта крепость, оснащенная пушками, вместе с крепостью Анатоли-Хиссар, возведенной на восточном берегу Босфора еще при султани Баязите, позволила туркам полностью взять под свой контроль подвоз в Константинополь хлеба из причерноморских степей. Это был, пожалуй, самый решительный шаг к установлению блокады города. О дальнейших событиях, осаде и взятии города, повествуют тексты четырех историков, публикуемые ниже.

* * *

Трагическая весть о взятии Константинополя удивительно быстро облетела все страны Европы. У одних она вызвала горечь и

сочувствие, у других – страх и недоумение, но никого не оставила равнодушным и безучастным. О такой реакции свидетельствует множество сочинений различных жанров, в которых падение второго «вечного города» приравнивалось к космической, вселенской катастрофе, а султан Мехмет II Завоеватель отождествлялся с Антихристом, чей приход предвещал конец света. Вся Европа была потрясена: казалось невероятным, что город, окруженный мощнейшими стенами и получавший помощь и поддержку со всего Европейского континента, может погибнуть за какие-нибудь несколько месяцев.

Однако сквозь охватившие всех чувства боли, скорби и негодования прорывалось и осознание ужасной реальности: падение Константинополя открывало туркам путь в Европу. Новой целью западноевропейских правителей стало не просто попытаться отвоевать христианскую столицу, но и предотвратить дальнейшее расширение турецкой экспансии. Несколько раз были предприняты попытки организовать крестовые походы против турок. Особенно активно к этому стремились кардиналы Исидор и Виссарион и папский легат в Германии Эней Сильвио Пикколомини, будущий папа Пий II. Однако и их усилия оказались бесплодны: сложная внутренняя ситуация мешала европейским государям сплотиться и организовать новое наступление на Восток. Константинополь казался потерянным навсегда.

Турецкого вторжения не избежали и другие страны Восточной Европы. И только одно православное государство сумело остаться в стороне от турецкой экспансии. В то время как другие государства Восточной Европы одно за другим попадали во власть «безбожных агарян», Московское государство росло и крепло. В 1480 году оно окончательно освободилось от монголо-татарского ига, обрело независимость и ощущение свободы.

Естественно, что тут же возникают идеи о преемственности роли «хранителя православия», играть которую в то время могла только освободившаяся Русь.

На этой исторической волне вновь вспомнились многочисленные легенды и предания о пророчествах и знамениях, касающихся уготованной Руси судьбы. Говорили, что сам апостол Павел благословил горы Киевские и предсказывал расцвет на Руси истинной веры; утверждали, что знаки царского сана, шапка Монома-

ха и его оплечья, давно были переданы греческим царем Константином Мономахом русскому князю Владимиру Мономаху; сложилась даже легенда о том, что Рюрик, давший начало династии русских князей, был потомком Пруса, брата императора Августа. Но самым убедительным доказательством преемственности между Византией и Русью служил брак «крестителя» Руси князя Владимира с порфирородной принцессой Анной, сестрой византийского императора Василия II. Все это способствовало рождению новой теории, называемой «Москва – третий Рим». Ее автором стал псковский инок Филофей, написавший великому князю Василию III послание, в котором доказывал, что сначала мировым центром был Рим, ему наследовал новый Рим, Константинополь, а теперь пришло время Москвы, третьего Рима. «Два Рима падоша, – говорил Филофей, – а третий стоит, а четвертому не быти».

Итак, Константинополь «уступил свое место» хранителя православия Русскому государству, а сам превратился в столицу Турции, город Стамбул. Турецкое владычество на Балканах продолжалось почти четыреста лет, и только в 1822 году потомки византийцев вновь обрели независимость. Следует иметь в виду, что большинство греков так никогда и не смогло смириться с мыслью об утрате былого могущества. Вскоре после освобождения возникает мысль о единстве греческих территорий, сформулированная в доктрине, известной под названием *Μεγάλη Ιδέα* (Великая Идея), которая продолжает оказывать некоторое влияние на сознание греков и на политику греческого государства даже по сей день. Согласно этой доктрине, новое независимое государство со столицей в возрожденном Константинополе должно вобрать в себя все те земли, которые когда-либо населялись греками и входили в ареал византийской культуры.

На протяжении нескольких веков мечта о возвращении «вечного города» питалась появившимися сразу после его захвата легендами и пророчествами. Согласно одной из них, последний византийский император не погиб в битве, как это утверждают некоторые историки, а спасся, чтобы по прошествии многих веков вернуться в освобожденный и возрожденный Константинополь. Другая легенда гласит, что священники, служившие литургию в храме Святой Софии, в тот момент, когда туда ворвались турки, со Святыми дарами в руках вошли в открывшуюся перед ними юж-

ную стену храма и останутся там до тех пор, пока это священное здание, превращенное Мехметом II в мечеть, вновь не станет христианской церковью.

Мечта эта не умерла окончательно; даже теперь в патриархальных греческих домах на стенах рядом с портретами предков висят картины с изображением византийской столицы. Более того, никогда ни один грек не произнесет названия Стамбул, поскольку этот город навсегда остался для него Константинополем, городом Константина Великого, символом целой эпохи в жизни греческого народа, его религии и культуры.

Многие, конечно, понимают, что восстановление Византийской империи не более чем утопия, однако значительная часть греческих интеллектуалов видела – и даже поныне видит – свою задачу в том, чтобы очистить греческую культуру от следов, оставленных завоевателями за четыреста лет их господства над греческим народом...

* * *

Основными греческими источниками, повествующими об истории захвата Константинополя и падении Византийской империи, являются произведения четырех историков: Дуки, Лаоника Халкокондила, Критовула и Георгия Сфрандзи, из которых только последний был очевидцем этих печальных событий. Все они по-разному относятся к происшедшей трагедии. Сочинение Георгия Сфрандзи, бывшего участником осады и даже в плену у турок сохранившего верность традициям Православной церкви и дому Палеологов, пронизано любовью к погибшей родине и ненавистью к ее завоевателям. Дука, латинофил, сторонник унии, в первую очередь старался показать заслуги генуэзцев, сражавшихся на стороне византийцев, и испытывал вместе с тем любовь и острую жалость к своим несчастным соотечественникам. Лаоник Халкокондил, единственный афинянин в византийской литературе, ставит в центр своего повествования историю необыкновенно быстрого подъема молодого Османского государства, развившегося на развалинах бывшей Византийской империи. И наконец, Критовул, перешедший на сторону завоевателей, за что некоторые современные исследователи прозвали его «изменником-ренегатом», посвятил свою

историю царю-завоевателю Мехмету II, но при этом сохранил уважение и привязанность к своим соотечественникам.

Разные позиции четырех историков, по-разному повествующих об одних и тех же событиях и как бы освещающих их с различных точек зрения, придают объемность вырисовывающейся картине и создают впечатление полноты сообщаемых сведений. Впрочем, судить об этом лучше самому читателю...

Т. И. Соболев

МИХАИЛ КРИТОВУЛ

Михаил Критовул родился приблизительно в первом десятилетии XV века на острове Имврос. Об этом, как и о других фактах его жизни, нам известно в основном из его «Исторического сочинения»; других свидетельств практически не сохранилось.

Себя в своем произведении он именует «Критовул – островитянин, первый из Имвриотов» («Κριτόβουλος ὁ νησιώτης, τὰ πρῶτα τῶν Ἰμβριωτῶν»), – что, по-видимому, свидетельствует не только о той политической роли, которую он играл на своей родине, но так же о его знатном происхождении. Подтверждением этому служат дошедшие до нас записки некоего Кириака из Анконы, большого почитателя греческой культуры и собирателя древних рукописей, который сообщает, что во время его посещения острова Имврос в сентябре 1444 года его сопровождал знатный имвриот, очень ученый человек Гермодор Михаил Критовул. Имя Гермодор (то есть «Гермесов дар») встречается только в этом случае, и можно предположить, что речь идет не о подлинном имени, а о выдумке Кириака, который хотел таким образом подчеркнуть, что путешествие с Критовулом стало для него даром судьбы, даром Гермеса. Михаилом его, скорее всего, назвали при крещении, а Критовул – его родовое имя. Вполне вероятно, однако, что его настоящим именем было Κριτόπουλος, но сам автор истории намеренно архаизировал и «облагородил» его.

Кириак называет Критовула очень образованным человеком, и немало доказательств этому можно найти в самом тексте «Исторического сочинения», где встречается множество мифологических

и исторических реминисценций: Кривовул знает о героях троянской войны, Ахиллесе и Аяксе, и о походах Дария и Ксеркса, о борьбе Рима и Карфагена и о захвате Рима кельтами; говоря о возведении крепости, он упоминает мифы о Геракле, о Язоне и аргонавтах, а рассказывая о постройке пушки, сравнивает ее с осадными орудиями древних. Кроме того, сам текст «Истории» не оставляет сомнений в том, что ее автор был прекрасно знаком с трудами древних историков, в первую очередь Геродота и Фукидида, а в уста своих персонажей он вкладывает речи, подобные тем, которые можно встретить у античных авторов.

Вероятно, Кривовул обладал также немалыми познаниями в области медицины: при описании чумы в Константинополе он использует медицинскую терминологию, которую не мог заимствовать у другого историка.

Кривовул был, по-видимому, удачливым дипломатом. В 1453 году весть о падении Константинополя достигла островов Эгейского моря; их жители в панике и страхе перед ожидаемым нападением турецкого флота поспешно стали покидали свои дома. В этот момент Кривовул нашел решение: он предложил отправить посольство с богатыми дарами к султану в Адрианополь, благодаря чему острова были спасены от разграбления и сохранили свою независимость. В 1456 году Кривовул становится наместником острова Имврос, в 1457 году предотвращает захват острова итальянцами, по-видимому подкупив командира итальянской эскадры, а в последующие годы способствует освобождению острова Лемнос от власти итальянцев и передаче его султану.

О дальнейшей судьбе Кривовула мы можем только догадываться. Вероятно, в 1466 году, когда острова Имврос, Фасос и Самофракий были захвачены венецианцами, Кривовул покидает родину и уезжает в Константинополь, где ему приходится пережить страшную эпидемию чумы 1467 года. Что касается его судьбы после 1467 года, то у нас сохранилось всего одно свидетельство: это письмо Георгия Амирутци, знаменитого туркофила, трапезундского ученого и философа, к Кривовулу, из которого можно сделать вывод, что в 1468 году Кривовул все еще находился в Константинополе. Больше никакими фактами мы не располагаем.

Впрочем, существует легенда, которая гласит, что на закате жизни Кривовул, впавший в немилость у султана, удалился в мо-

настырь и закончил свои дни в монашеской келье на Афоне. Согласно другой легенде, Критовул был секретарем (γραμματεὺς) у султана. Вероятно, первая легенда возникла потому, что некоторые исследователи посчитали фразу Критовула «Критовул, ничтожный раб» («Κριτόβουλος δοῦλος εὐτελής») как намек на его стремление оставить мирскую жизнь и удалиться в монастырь. А вторая обязана своим появлением ошибочной интерпретации текста «Истории», в котором на самом деле нет прямых указаний на то, что Критовул действительно являлся секретарем султана Мехмета II.

Михаил Критовул – автор ряда теологических сочинений и философских трактатов, однако основное его произведение – это уже упомянутое «Историческое сочинение» (авторское название «Ἐυγγραφή ἱστοριῶν»). Этот труд дошел до нас только в одной рукописи, он разделен на пять книг и охватывает события с 1451 по 1467 год. Критовул начал работу над ним летом 1453 года. Сам он не был очевидцем событий осады и взятия Константинополя, но многие сведения, сообщаемые им, уникальны и не содержатся больше ни у одного из других историков этого времени; только Критовул рассказывает нам о расположении турецких войск, называя имена военачальников, описывает походы султана против крепостей Студия, Ферापиа и острова Принкипо.

Идеологическая позиция Критовула вызвала множество споров, сомнений и весьма отрицательных отзывов. В рукописи тексту «Исторического сочинения» предшествует письмо, обращенное к Мехмету II, где Критовул называет султана «царем царей», «счастливым», «непобедимым» и «господином земли и моря»; на протяжении всего произведения он присваивает ему титул василевса, хотя византийская имперская идеология позволяет именовать таким образом только византийских императоров.

Вообще, целью этого сочинения является прославление подвигов Мехмета II. Критовул воспекает мудрость, ум, красноречие и добрый характер султана, его милостивое отношение к покоренным народам, строительную деятельность и попытки вновь заселить Константинополь. Все это привело к тому, что автор этого труда стал выглядеть изменником-ренегатом не только в глазах современников, но и в глазах потомков, и стал чуть ли не самым известным туркофилом в истории Византии. Чувства «патриотов» (главным образом греческих) можно понять, однако уже настало

время оценить позицию Критовула в более широкой исторической перспективе.

Нельзя не отметить, что Критовул не только льстит Мехмету, но и сохраняет уважение к своим соотечественникам: он описывает их мужество, стойкость и доблесть во время осады и нередко выказывает свое сочувствие к ним. В этом отношении особенно показательна эпитафия царю Константину XI, где Критовул во множестве расточает похвалы уму, добродетели и храбрости последнего византийского императора.

Что касается отношения Критовула к третьим действующим лицам этой драмы – итальянцам, то его ненависть к ним очевидна: он с упоением пишет об их поражениях, изображает их трусость и лицемерие и утверждает, что именно угроза заключения союза с Западом была причиной, по которой Мехмет был вынужден начать войну. Знаменательно, однако, что эта вражда, по-видимому, вызвана постоянными столкновениями византийцев и итальянцев на почве торговых интересов и не имеет никакого отношения к религиозным разногласиям, из-за которых западные правители фактически отказали Константинополю в помощи и бросили его на произвол судьбы.

Судьба сочинения Критовула трагична: в 1467 или 1468 году Критовул отослал его султану, но оно либо не попало в его руки, либо не понравилось ему – и в результате на целых четыреста лет затерялось в залах Серальской библиотеки и стало известно ученому миру всего 130 лет назад.

Текст Критовула переведен по изданию: *Critobuli Imbriotae Historiae*. Rec. D. R. Reinsch. Berlin, 1983.

Т. И. Соболев

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ (ГЛ. 6–72)

6 (1) Он <Мехмет> делает все ради достижения намеченной цели. Она же была такова: он задумал построить мощную крепость на европейском берегу Босфора, напротив крепости, расположенной на противоположном азиатском берегу¹, там, где пролив был наиболее узким, а течение наиболее быстрым; таким образом он хотел запереть пролив и соединить два материка – Азию и Европу, чтобы владеть ими обоими как единым целым и чтобы в его, а не в чужой воле было решать, когда переправляться. (2) Ведь он хорошо знал, сколько трудностей доставляла переправа в прежние времена, при его деде и отце², как это мешало их делам и как часто они едва не лишались власти над одним из материков, ибо ромейский царь, удобно расположившись в Городе и господствуя на море, внимательно следил за тем, что у них происходит, и то и дело натравливал на них по собственному выбору кого-нибудь из их рода³; с другой стороны, итальянцы, а особенно венецианцы, на больших триерах⁴ различного вида постоянно ходили по Босфору и Геллеспонту и препятствовали переправе. (3) Но не только это заставило его начать возведение крепости; он также полагал, что она поможет ему осуществить намеченную цель, и считал ее очень важной для готовящейся осады Константинополя: с ее помощью он надеялся не только отрезать Город от обоих материков, Азии и Европы, но и закрыть доступ к обоим морям – к верхнему, Понту Евксинскому, через Босфор, и к нижнему, Эгейскому, а также ко всему Греческому морю⁵ через Геллеспонт. (4) Замыслив такое, он зимой приказывает заготовить все для возведения крепости, я говорю о камнях, древесине, железе и других необходимых материалах, назначает руководить строительством самых усердных и опытных мужей и велит им как можно скорее закончить приготовления, чтобы с наступлением весны начать работы⁶. И было так.

*Посольство императора Константина
к автократору Мехмету с требованием остановить
строительство крепости*

7 (1) Когда император Константин и жители Константинополя услышали об этом, они осознали грозящую им опасность, вос-

приняли происходящее как начало великих бед, увидели в нем несомненное предвестие порабощения, чем это на самом деле и было, и с ужасом поняли, чем это строительство грозит Городу. (2) Исходя из обстоятельств, Константин решил отправить послов, чтобы они попытались любым возможным способом остановить строительство; и послы отправились в путь. (3) По прибытии к Мехмету послы использовали все свое красноречие, чтобы напомнить царю⁷ о договорах и соглашениях, подписанных его предками, его отцом, а также им самим, в которых не только запрещалось строить на этой территории крепость или что-либо другое, но и предписывалось всячески препятствовать тому из участников договора, кто задумает или примется за строительство; с тех пор и до сегодняшнего дня соглашение не нарушалось. «Это свободная земля, — сказали послы, — предназначенная исключительно для перехода ваших войск и для провоза поклажи с одного берега на другой». Вместе с тем послы потребовали, чтобы никто не нарушал заключенные недавно соглашения по пустякам, чтобы с ними не поступали несправедливо, так как они в свою очередь никакой несправедливости не причинили.

Ответ царя Мехмета послам

8 (1) Царь ответил им: «Ромей, я полагаю, что мы ничем не обижаем вас, не нарушаем ни договоров, ни соглашений, касающихся этого дела; мы всего лишь стремимся обезопасить себя, не причинив при этом никакого вреда вам. Каждый имеет право защищать себя и укреплять свое положение, если при этом он не создает неприятностей своим союзникам; справедливость этого всеми признана и никем не оспаривается. (2) Я, как вы видите, владею Европой и Азией, двумя материками, отделенными друг от друга, многие жители которых недовольны нашей властью и встают против нее, но я должен присутствовать везде и управлять обеими землями, если не хочу передать их добровольно в руки наших врагов. (3) Вы хорошо знаете, как обстояли дела во времена царствования моего отца: с его позволения триеры итальянцев, в то время как мы воевали с пэонийцами⁸, плавали вокруг наших земель, по нашему морю и мешали проходу наших кораблей⁹. (4) Поэтому теперь нам необходимо выстроить эту крепость не во вред

вам, но чтобы охранять нашу землю, дабы не заслужить обвинения в том, что мы не способны защитить наше море и нашу державу. (5) Та территория, на которой я собираюсь построить крепость, принадлежит нам, и под нашей властью находится переход из Европы в Азию, с одного материка на другой, поэтому вам лучше заниматься своими делами, если вы хотите сохранить с нами мир, в противном же случае, если вы захотите помешать нам организовать переправу, разговор будет другим. (6) Я, в свою очередь, не нарушаю никаких соглашений и даже не имею таких намерений, пока вы остаетесь на своей земле, не вмешиваетесь в наши дела и не изъявляете желания заниматься тем, что вас не касается».

9 (1) Дав такой ответ, царь отпустил послов. Они возвратились назад и сообщили императору Константину и власти имущим ромеям о положении дел и главным образом о том, что не словами и не уговорами, а только силой можно остановить строительство крепости, если это вообще возможно. (2) Они (хотя понимали, что строительство крепости несет угрозу для их страны, как это и было на самом деле) не знали, как действовать, и скрепя сердце решили сохранять мир.

*Продвижение царя по суше и по морю
и прибытие к Босфору для возведения крепости*

10 (1) Как только наступила весна¹⁰, царь Мехмет, воспользовавшись благоприятными условиями, построил 300 триер, хорошо вооружил их для сражения (на случай, если будет необходимость и возникнет сопротивление), подготовил также другие суда, в основном грузовые, и приказал им идти из Галлиполи к Босфору, а сам с большим войском отправился по суше. (2) На седьмой день пути он прибыл к переправе и разбил лагерь. Затем Мехмет сам вместе с приближенными и некоторыми из стариков, у которых, как он знал, был ценный опыт в подобных делах, верхом осмотрел местность, ее расположение, наиболее узкую часть пролива, внимательно исследовал изгибы береговой линии, обилие мысов и заливов, перекааты, повороты, места наиболее быстрого течения, участки, где из-за изгибов берега образовывались водовороты, омуты и все остальное, что затрудняет переправу и препятствует переходу. (3) Древние греки, зная об этих преградах, назвали это место Сим-

плегадами¹¹; говорили, что первым их преодолел Геракл, затем Ясону вместе с аргонавтами¹² удалось проплыть здесь, хотя и с большим трудом, так как в проливе множество скал, он очень узок и затруднен из-за обилия выдающихся в море мысов и врезающихся в берега бухт, так что создавалось впечатление, что суша окружает со всех сторон входящего в пролив и выходящего из него, словно попадаешь в маленькое озеро, откуда нет выхода, а потом волны усиливаются, течение становится стремительнее, и огромный и просторный Понт Евксинский вносит свои воды в узкий пролив; они сталкиваются, теснятся, бурлят, снося все на своем пути, низвергают камни и разбивают о скалы корабли, если только большая осторожность и опытность не спасают мореплавателей. (4) Измерив пролив в том месте, где он был наиболее узким, царь получил около семи стадиев¹³.

Строительство крепости

11 (1) Когда царь Мехмет как следует все осмотрел и тщательно обдумал, он выбрал место, которое показалось ему наиболее подходящим, и отметил знаками ту территорию, на которой намеревался развернуть строительство. (2) Царь спланировал местоположение крепости, размер башен, величину их оснований и промежутков между ними, хорошо продумал расположение бойниц, зубцов, ворот и всего остального, затем распределил работу между своими приближенными и приказал завершить строительство как можно скорее, пообещав щедрые награды тому, кто лучше и быстрее всех с этим справится; кроме того, Мехмет сам принял участие в постройке стены, обращенной к морю.

Обрати внимание на быстроту строительства и на надежность постройки

(3) Возведение крепости началось в середине весны. Строители не жалели ни сил, ни стараний, ни денег, соревновались в усердии, и еще не подошло к концу лето¹⁴, когда они завершили строительство самой укрепленной, самой надежной и самой известной из всех когда-либо существовавших крепостей, которая была сложена из огромных отборных камней, тщательно укреплена железными гвоздями, свинцовыми скрепами и многим другим. Часто-

та и величина башен, надежность возвышающихся укреплений, прочность зубцов, высота и ширина стен – все это делало крепость совершенно неприступной.

Обрати внимание на план крепости

(4) Ширина стен в самом широком месте достигала двенадцати локтей¹⁵, а высота была в четыре раза больше; по величине сооружение было подобно не крепости, а маленькому городу. В плане крепость образовывала треугольник: один из его углов был расположен на возвышении (здесь местность плавно поднималась вверх) и соединял две спускавшиеся к морю стены, а над ним, подобно утесу, высилась огромная, хорошо укрепленная башня; два других угла основания располагались внизу, у моря, по обе стороны стены, их соединявшей, и были также укреплены огромными, неприступными башнями. Сами стены тоже изобиловали башнями, меньшими по размеру, чем те, что находились на углах, но ни в чем не уступавшими им по мощи. (5) Такое местоположение крепости и ее планировка позволяли, с одной стороны, сделать большую часть морского берега доступной для камнеметных орудий (по замыслу Мехмета, большинство из них были обращены в сторону моря, чтобы стрелять по судам, проходящим по проливу), а с другой стороны, контролировать возвышенность, оборонять крепость и отражать врагов с далекого расстояния. Пушки устрашали войска неприятеля издали, дабы те, стреляя с возвышенности, не могли причинить вреда воинам, стоящим у зубцов.

Обрати внимание на расположение камнеметных орудий

(6) Соорудив крепость вышеупомянутым образом, царь Мехмет стал готовить разного рода оружие: луки, стрелы, копья, щиты, доспехи и тому подобное, но прежде всего он снабдил все башенные бойницы, зубцы и участки стен между башнями большими и маленькими камнеметными орудиями и пушками, а самые большие орудия он расположил внизу у моря, на протяжении всей прибрежной стены, о которой я уже говорил, и направил их не прямо, а в разные стороны моря, так что стоящие справа были обращены налево, а стоящие слева – направо, и таким образом они обстреливали пролив с высоты, как я уже говорил, препятствуя проходу судов. (7) Они метали огромные, круглые камни, нагроможденные

у моря, и обстреливали пространство от этой крепости вплоть до другой на противоположном берегу, а оттуда другие камнеметные орудия стреляли подобным же образом и не давали пройти по проливу не только кораблю, триере или какому-либо грузовому судну, но даже маленькой лодке: они разбивали их в щепы и погружали в пучину волн. Так происходило и днем, и ночью, если корабль пытался пройти пролив без ведома начальника крепости.

Посмотри на способ соединения материков

(8) Вот так царь Мехмет воздвиг крепость, соединил два материка и обеспечил себе переправу. Он тщательно все подготовил, расположил орудия, снабдил крепость необходимым или, точнее сказать, совершенно неодолимым многочисленным гарнизоном, назначил начальником одного из своих самых верных людей, представил к пушкам воинов, сведущих в этом деле, и уже к концу осени возвратился в Адрианополи¹⁶. Так завершился шесть тысяч девятьсот шестидесятый год, второй год правления царя¹⁷.

*Возвращение царя в Адрианополи
и постройка нового дворца*

12 (1) В это же время у города Адрианополя, находящегося на другом берегу реки Эврос, он строит прекрасный дворец, украшенный драгоценными камнями и светлым мрамором, сверкающий внутри и снаружи золотом и серебром; кроме того, дворец изобилует произведениями резного и изобразительного искусства и был пышно отделан другими предметами роскоши. (2) Вокруг дворца царь разбил сады с разнообразными кустарниками и деревьями, изобилующими прекрасными плодами; в этих садах он поселил ручных и диких животных, стаи птиц и украсил их всем тем, что, как он знал, приносит удовольствие, покой и наслаждение. (3) Рядом с дворцом он построил еще один роскошный царский дом и поселил туда множество новобранцев и пеших воинов, обеспечив, таким образом, охрану со всех сторон. Но хватит об этом.

13 (1) Он решил больше не медлить, не откладывать и довести до конца то, о чем он давно думал, что мучило его и к чему он стремился с самого начала, а именно начать войну с ромеями и царем Константином и осадить Константинополь. (2) Он считал, и так это и было на самом деле, что если он любым способом

завоюет Город и станет его повелителем, то ничто не сможет помешать ему, используя его в качестве акрополя¹⁸, совершать набеги на окружающие территории и в течение короткого времени подчинить их своей власти. (3) Поэтому ничто не могло удержать царя; он больше не хотел оставаться в бездействии, решил нарушить мирный договор и как можно скорее захватить и разрушить Константинополь. (4) К этому же его побуждали и божественные знамения, прорицания, предсказания и пророчества, которым он верил и по которым люди обычно стремятся узнать свое будущее. Они обнадеживали его и предрекали, что Константинополь покорится ему. (5) Итак, созвав всех людей начальствующих, я говорю о сатрапах, стратигах, илархах, тагматархах¹⁹ и командирах отрядов, он произнес следующую речь.

Речь царя, в которой он призывает своих подданных к войне с Константинополем, напоминает о делах, совершенных их предками, и дает краткое описание своего царства

14 (1) Друзья и подданные наши, вы очень хорошо знаете, что царство, которым мы владеем, наши предки завоевали во многих битвах и в величайших опасностях, сохранили его, передавая от отца к сыну, и поручили его мне; самые старшие из вас были участниками некоторых из этих событий, а те, кто молод, слышали о них от своих отцов. Эти деяния свершились в недалеком прошлом, и прошло не так много времени, чтобы о них забыть, но о них больше свидетельствует мнение тех, кто о них говорит, чем слова тех, кто был их очевидцем²⁰. Ведь они произошли совсем недавно²¹.

Посмотри на мужество людей

(2) Ведь на всей нашей земле и теперь ясно видны доказательства славных деяний наших предков: стены недавно разрушенных крепостей, городов, земля, обгаренная и смешанная с кровью наших предков, и многое другое – все это прекрасные памятники их храбрости и доблести и вечные свидетельства их бесстрашия. Ибо они всегда обладали таким мужеством души, твердостью мысли и величием духа, что с самого начала, имея очень небольшую силу и власть, помышляли о свержении господства ромеев и о покорении всей Европы и Азии; и они не обманулись.

Посмотри на наступление на Азию

(3) Начав наступление с гор Киликии и Тавра, с небольшими, как было сказано, силами, но продуманно и с точным расчетом они совершают набеги на Ликию, Памфилию и Верхнюю Фригию, покоряют лидийцев, карийцев, мизийцев, жителей Нижней Фригии, ионийцев, все греческое побережье, одерживают победу над галатами, каппадокийцами, пафлагонцами, халибами, вифинцами, жителями Геллеспонта, короче говоря, захватывают и подчиняют себе всю территорию, ограниченную горами Тавра и называемую Нижней Азией, от Киликии до Синопа на Понте Евксинском²².

Посмотри на начало перехода в Европу

(4) Итак, овладев всей этой территорией, побережьем и находящимися на нем городами, они превратились в полновластных повелителей и сделали город Прусу своей столицей²³; позднее некоторые из них пересекают Геллеспонт, но не для того, чтобы вести открытую войну, а для того чтобы, на время переправившись, совершать грабежи и разбои, а потом возвращаться под натиском ромеев, которые все еще удерживали море в своих руках. (5) Захватив вершину горы, расположенной рядом с надгробным камнем Геллы²⁴ и перешейком Херсонеса, они сначала внезапно хитростью овладели крепостью²⁵ и, продвигаясь дальше, стали грабить и исподтишка нападать на окрестных жителей.

Наступление на Европу

(6) Продвигаясь понемногу вперед и принимая в свои ряды новых воинов, они покоряли близлежащие крепости, одни натиском и силой, а другие хитростью; а когда они спустились на равнину, уже ничто не мешало им разорять поля и грабить деревни, захватывать города и разрушать крепости, побеждать армии и подчинять своей власти большие племена. Коротко говоря, они вскоре покорили всю Фракию и Македонию, сломили сопротивление мизийцев, живущих в глубине материка на берегу Истра, а также иллирийцев, трибаллов, греков и многих других племен, захватили неприступные крепости и большие города, расположенные на материке и на побережье. (7) Но к чему тратить время, перечисляя города и народы! Они покорили, разорили и обложили данью всех,

живущих на землях от устья Истра на Понте Евксинском до места впадения в Истр реки Саос, и дальше территории между вострами и далматами, а также пэонийцев за Саосом и иллирийцев к югу от них вплоть до Ионического залива, а с ними и гетов, живущих за Истром²⁶. Кроме Пелопоннеса в их руках оказались все приморские области окружностью в несколько тысяч стадиев. (8) Они завоевали и сохранили власть и поныне не без великих трудов, не так просто, как можно рассказать об этом, не беспрепятственно и легко, и не без огромного риска, но ценой большой крови и пота, многочисленных потерь и трудов. (9) Многие большие народы в Европе и Азии обнажили против них оружие и яростно сражались за свободу до самой смерти. В этих областях немало больших городов, оснащенных стенами, телами, оружием, богатством и доблестью жителей, встали на свою защиту. Нашим войскам препятствовали мощные и неприступные крепости, непроходимая местность, бездорожье и одна за другой реки без переправ, но, самое главное, — силы ромеев, которые противостояли им на суше, и на море, сражались с ними и наносили большой урон.

Посмотри на хвалу этим мужам и их царям

(10) Но ничто из этого не могло сдерживать их порыв, обуздать их натиск и доблесть до тех пор, пока они не разрушили и не покорили все, не упрочили и не укрепили власть над всеми. Они проявили себя доблестными мужами и сохранили при этом разум и расчет, свойственные им с самого начала. (11) Одерживая верх над врагами, они вырывались далеко вперед, побежденные, не отступали и не теряли надежды, целиком полагаясь на свое мужество и веря в будущее, и, даже когда исход был им неясен, они брались за дело, дерзали больше, чем позволяли их силы, и без размышлений подвергали себя опасностям; в тяжелых обстоятельствах они всегда питали надежду на лучшее, неутомимые в трудах, были готовы на все ради славы, не медлили ни в чем добром, быстро решали, что надо делать, и сразу претворяли в дело задуманное. (12) Они всегда радовались продолжительным походам, желали приобрести то, чего у них не было, не довольствовались своим и не позволяли этого другим; ни во что не ставя то, что у них было, они всегда стремились к тому, чего у них не было, с тем же, чем они не обладали, но собирались овладеть, они поступали,

словно со своей собственностью. Не довольствуясь тем, что у них было, из-за стремления к большему, они постоянно мучились желанием получить то, чего они не имели, и насладиться этим. В трудах и опасностях они обращались со своим телом, словно с чужим, совершенно не щадили себя, нередко попадали в беду, но неизменно сохраняли твердость духа. Таким образом, они весь свой век проводили в боевых трудах и заботах, положили свою жизнь ради того, чтобы вознести державу на вершину славы и могущества и чтобы ценой своих жизней, имущества, оружия, триер и всего, чем они обладали, сделать ее могучей, великой и на войне, и в мире и в таком виде передать ее нам. (13) Да не превратимся мы в предателей нашей земли, не посрамим подвигов наших предков и не омрачим славу, которую своей храбростью, военным искусством и доблестью стяжали уже давно, ведь до сих пор мы у всех слышем и на деле являемся непобедимыми. Так неужели мы отступим перед этим единственным Городом, который уже не может положиться на себя, в котором почти не осталось жителей, ведь все его бывшие красоты и достоинства исчезли и разрушены долгим временем, постоянными набегами и осадами наших войск²⁷. Да собственно и Города уже никакого нет, осталось только имя, а все остальное, как вы видите, — это вспаханная земля, растения, виноградники, бесполезные постройки, пустые стены, да и те большей частью в развалинах. (14) Вы видите, что этот Город находится в самом сердце нашего царства, что он удобно расположен и на суше и на море и что он и с самого начала доставлял нам хлопоты и затевал войны, доставляет их и теперь, вмешивается в наши дела, подкарауливает нас в беде и причиняет вред.

*Посмотри на переход пэонийцев через Истр
и поражение от руки Баязита*

(15) Кто не знает, что во время правления нашего предка Баязита царь этого Города обратил против нас весь Запад: со стороны океана и Масилии — западных галатов, пиренейцев и испанцев, а со стороны реки Рейн — северных кельтов, кельтивиров и германцев, а также царя пэонийцев и даков, который вел за собой большое сухопутное войско и по реке — триеры? Те, кто перешли Истр и разбили лагерь на нашем берегу, думали только о

том, как бы уничтожить всю нашу силу и державу и изгнать нас из Европы и Азии, и им бы это удалось, если бы не воинское искусство, опыт и отвага Баязита, который помешал им, разрушил их замыслы, нанес им сокрушительное поражение и уничтожил их: одни были убиты на месте, а другие утонули в Истре, и из многочисленного войска в живых остались лишь немногие, да и те едва спаслись²⁸.

(16) И вскоре снова этот Город поднял против нас Тимура скифа из Вавилона²⁹; вы знаете, что мы от него претерпели: мы чуть не лишились нашей державы и войска и едва не потеряли один из материков³⁰. (17) С тех пор и до сего дня этот Город не перестает настраивать нас друг против друга, ссорить, беспокоить нас и чинить вред нашей державе³¹; еще совсем недавно он послал против нас гета Иоанна с пэонийцами и даками, который дважды или трижды переходил Истр, вторгнулся в нашу страну со своим войском и причинил моему отцу много бед³². (18) Я уже не говорю о том, что творили перебежчики, причем не только рабы, но и свободные, и о том вреде и ущербе, который мы несли от них каждый день.

(19) Дело ясное, — этот Город не успокоился и никогда не успокоится, будет противиться и сопротивляться нам, не прекратит войну и смуту до тех пор, пока мы терпим его, не уничтожим или не покорим своей власти.

15 Итак, друзья, — этот Город враждебен нам, тайно или явно постоянно злоумышляет против нашей державы, а мы медлим, ничего не делаем и не спешим его разрушить, пока он сам не причинит нам зла, и думаем, что в нашей власти начать войну тогда, когда мы этого захотим. Разве мы не знаем, что удача в войне и благоприятный момент не ждут, что для времени нет ничего невозможного, что пути судьбы неисповедимы, исход вещей изменчив и непредсказуем, и что нужно позаботиться о нем заранее, всегда помнить об этом и при удобной возможности самим нападать на врагов, не ожидая, когда они сами нападут на нас, а нам придется лишь защищаться; чтобы не понести ущерба, разве не нужно действовать самим, быть готовыми ответить ударом на удар, нанести ответный удар и полагать для себя выгодным в таких обстоятельствах опередить врага, обмануть и одолеть его? Таковы законы войны: они основываются не на договорах, а победа боль-

шей частью достается тому, кто может и хочет действовать тайно, опередить врага и таким образом получить преимущество.

16 (1) О мужи, размышляя таким образом, руководствуясь такими мыслями и основаниями и к тому же подвергаясь многим упрекам, я собрал вас здесь, поскольку считаю такое положение дел невыносимым и хочу убедить всех присоединиться к моему мнению. Я утверждаю, что мы со всем жаром и рвением должны начать наступление, развязать войну и как можно скорее покорить этот Город, иначе мы не сможем больше располагать собственной державой и ее благами и быть уверенными в своем будущем. (2) Ибо она не может оставаться в спокойствии, а имущество наше в безопасности, пока мы или не захватим этот Город, или не уничтожим его. (3) Одним словом, я предпочитаю или владеть и этим Городом и державой, или расстаться и с тем, и с другим, ведь вы хорошо знаете, что с ним все, чем мы обладаем, – прочно, а чем не обладаем – будет приобретено, а без него, или если все останется как есть, и наше будет ненадежно, и на новое не останется надежды. (4) Ведь если они будут владеть Городом и, опасаясь нашего натиска, привлекут большие силы союзников и станут господствовать над нашим морем, то наша держава будет постоянно находиться в войнах, опасностях и нести нескончаемые расходы, исход же войны никому не известен, так как в таких делах все часто случается вопреки расчетам и ожиданиям, а в затянувшейся войне многое определяет случай. (5) Если же они, не в состоянии сохранить Город, передадут его тем, кто сильнее их и кто прекрасно оснащен людьми, деньгами, триерами, оружием и всем прочим, а те возьмутся за дело с еще большим упорством, как за свое собственное, то тогда подумайте, в каком положении мы окажемся! (6) И вот я решил идти войной на этот огромный Город, удобно расположенный на суше и на море, постоянно пользующийся нашими слабостями и имеющий ныне силу сразиться с нами на равных. Я не хочу сказать ничего дурного, да падет проклятье на головы врагов, но как это ни тяжело слышать, нынешнее положение дел не служит ни нам, ни нашей выгоде.

(7) Поэтому нельзя медлить, терять время и уклоняться от боя, нужно разом напасть на Город всем войском и мощью, пока вышние силы³³ на нашей стороне; мы на войне не должны жалеть никого и ничего: ни людей, ни денег, ни оружия и ничего другого, –

и в то же время нужно ценить все это превыше всего, пока мы либо не уничтожим этот Город, либо не подчиним его себе. (8) Пусть никто из вас не думает, что взять этот Город невозможно, и не ссылается на пример моего отца и деда, которые, приняв решение, с самого начала повели непримиримую войну, окружили Город всей силой и мощью своего оружия, истощили его долгой осадой и страшным голодом, но не смогли его покорить³⁴. (9) Страх и такие мысли были бы обоснованны, если бы тогда Город выстоял благодаря только собственной мощи и силе, превзошел бы своего врага воинами, деньгами, оружием и всем прочим, а его противники уступили бы в оснащении и силах и лишь по этой причине не смогли бы взять Город. (10) Но кто же сейчас не знает, что только неожиданная случайность, как это часто случается у людей по воле божества, вырвала Город из рук Баязита? Уже было решено, что в условленные дни горожане сдадутся сами и отдадут Город, поскольку они не могли больше выносить голод и долгую осаду, однако внезапно появившийся из Европы царь даков и пэонийцев³⁵, а немного позднее еще и вавилонянин Тимур из Азии заставили его снять осаду и отвлекли его на себя; поэтому получилось так, что Город, спасенный неверным случаем, не был захвачен. (11) Вы знаете, с каким оснащением и с какими силами выступил против Города мой отец: он так крепко держал его в осаде, что защитники, забрасываемые градом стрел и камнями из метательных орудий, не могли даже появиться на стенах, — вот так он держал Город в своих руках! И он бы покорил Город силой оружия, если бы люди, которым он доверял, не начали тайно злоумышлять против него и переходить на сторону врага ради собственной выгоды. Именно они заставили его снять осаду и таким образом спасли Город³⁶. (12) И даже если бы случилось так, что Город спас себя собственными силами (предположим и это), вспомним, что тогда дела обстояли иначе, чем теперь, как для них, так и для нас: ведь тогда в Городе находились более разумные и опытные в подобных делах военачальники, его защищали царь, архонты и множество жителей, кроме того, Город властвовал над морем, к нему примыкавшим, да и подмога из Италии частью уже пришла, частью ожидалась; были тогда у него и другие преимущества. (13) Сейчас же Город стал слабее и хуже во всех отношениях: его население поредело, моря он лишился, царь и его приближенные — такие противники, о каких

можно только мечтать, надежды на помощь от итальянцев иссякли, поскольку они постоянно враждуют по поводу божественного учения³⁷, – по этим-то причинам в Городе царят раздор и смута; посмотришь повнимательнее – найдешь и множество других слабостей. (14) Наша же держава во многом окрепла: в нашем распоряжении находится множество отборнейших воинов, как конных, так и пеших, вооруженных лучше, чем когда-либо; у нас много молодых новобранцев, наша гвардия³⁸ обладает огромной силой, у нас много денег и в сокровищницах, и от ежегодных податей, мы в изобилии обладаем оружием, пушками и другим военным снаряжением; немало у нас и триер и многого другого, так что всего этого было бы достаточно для покорения не только одного этого Города, но если разделить войско, то и для захвата многих других городов, равных этому по силе. (15) Мы царствуем и на море у наших земель, и у Города, мы окружили его крепостями с севера и с юга, мы заперли его со стороны материков и проливов³⁹, на море и на суше. Немало у нас и других преимуществ, и, учитывая все это, я верю, что Город не устоит и что мы либо внезапно возьмем его силой и приступом, либо захватим после непродолжительной осады.

(16) Только не будем медлить и не дадим ему времени злоумышлять против нас, а как можно скорее проявим себя доблестными мужами и докажем ему и всем людям, что они уцелели до сих пор не из-за нашей трусости, нерешительности или слабости, а скорее из-за нашего промедления, беспечности и беззаботности; да не посрамят мы мужество и доблесть наших предков и не покажем себя недостойными людьми, которые позволяют, чтобы в сердце такой великой державы оставался Город, который, словно тиран, всеми способами злоумышляет против нее. Давайте докажем, что мы происходим от наших предков и унаследовали от них их мужество и доблесть. (17) Ведь они за короткое время подчинили своей власти всю Азию и Европу, овладели ими в трудах и опасностях, завоевали множество больших городов, захватили укрепленные крепости и покорили бесчисленные народы; мы же возьмем этот Город и из него, будто из акрополя, в короткий срок и малыми трудами завоюем все остальные земли, и ничто не устоит перед нашим натиском, ничто не сможет противостоять нашей силе и державе, и скоро мы станем владыками земли и моря.

(18) Итак, не будем больше откладывать, как можно скорее двинемся на Город всеми нашими силами, с намерением захватить и уничтожить его, не отступать, а, если нужно, то и умереть, чтобы овладеть им. (19) Я сам первый буду вместе с вами, охотно разделю ваши труды, встану в один ряд со всеми и хорошо награжу щедрыми дарами по мере заслуг каждого, насколько он проявит себя в опасностях или отличится какой-нибудь другой доблестью.

Царь и остальные голосуют за войну

17 (1) Этими словами он высказался за войну, и почти все присутствующие начали рукоплескать речи царя, восхваляя его рассудительность, ум, мужество и доблесть, одобряя и даже побуждая его к войне; одни делали это ради собственной выгоды и честолюбия, надеясь побольше приобрести на войне и возвыситься, другие – в угоду царю и тоже думая о своей выгоде, а третьи, молодые и неопытные в этих делах, – потому что не понимали, что такое война. (2) Те же, кому это дело пришлось не по душе – из-за бедствий, всевозможных случайностей на войне и по другим причинам, – хотели было сказать что-то против войны, но, видя настойчивость царя, а также воодушевление всех прочих, как мне кажется, испугались, нехотя отступили и присоединились к большинству; таким образом, единогласно было принято решение о начале войне.

Набег на окрестности Константинополя и разграбление

(3) Царь тотчас приказывает епарху Европы⁴⁰ быстро собрать войско, напасть на сам Город, на его окрестности и на все земли, принадлежащие ромеям. Тот же без промедления собирает войско, нападает на окрестности Города и городские владения вплоть до самых ворот и грабит все; также он нападает на Силимврию и ее окрестности, захватывает ее прибрежные области, Пиринф и другие земли; ему сдается крепость Эпиваты, к нему переходит побережье Черного моря, которое было подвластно ромеям, сдается и крепость в Месемврии; он грабит и многие другие земли и распоряжается ими по своему усмотрению⁴¹.

18 (1) Император Константин и жители Города были в ужасе от неожиданных перемен и непредвиденного нападения; они ви-

дели, что война началась вопреки ожиданиям, без объявления (незадолго до этого ими было заключено перемирие)⁴², и потому решительно отказались отправлять новое посольство и напоминать царю о соглашении и мирном договоре. (2) Они знали, что это не остановит наступление царя, ибо с самого начала видели, что он творит, и понимали, что все их действия не принесут никакой пользы; поэтому они ожидали такой осады, какой еще никогда не видели, войны без передышки на море и на суше и всех тех трудностей, которые она им принесет: плен, тяготы плена, убийство стариков, грабеж имущества, осквернение святынь, рабство и насилие над женщинами и детьми. (3) Они понимали, что в этой войне, надвигающейся на них с моря и с суши, они не смогут выстоять даже короткое время. Так сразу изменилось их настроение, они отчаялись и уже не ожидали для себя ничего хорошего; их посещали мысли только об их безнадежном и отчаянном положении, они махнули на себя рукой и совершенно утратили надежду на спасение. (4) И на то была причина: во время предыдущих осад у них было много союзников, и они всегда могли надеяться на победу; они господствовали на море, омывающем их земли, и вели войну только на суше. Ее они переносили легко, так как противостояли врагам только на суше, в то время как по обоим морям ходили грузовые суда и большие корабли, благодаря чему продолжалась торговля, пополнялся запас продовольствия и всего необходимого; Город располагал деньгами своих жителей и чужеземцев, хранящимися в общих, частных и храмовых хранилищах, в нем находились корабли, оружие, снаряды и многое другое, так что осада не казалась серьезной угрозой. (5) Теперь же все и было, и выглядело иначе: море было перегорожено крепостями, возведенными к северу и югу по проливу, и закрыто для кораблей, война велась на обоих материках, и ожидалось нападение большого флота на морские стены; сражаться по всей окружности стен оказалось невозможно из-за нехватки людей, денег не было ни в государственных, ни в частных хранилищах, Город был лишен всего самого необходимого, и ниоткуда не предвиделось никакой помощи.

Обрати внимание на страшные знамения

(6) Не меньше их тревожили происходившие тогда странные события, которые они принимали за божественные знамения: нео-

бычные толчки, землетрясения и небесные явления, громы и молнии, ужасные перуны, яркий свет, страшные порывы ветра, сильные потоки дождей и ливни, а кроме того, появление неизвестных звезд: беспорядочное движение и исчезновение одних и долгое стояние со шлейфом из дыма других. (7) И многие другие чудесные и необыкновенные вещи указывали на божественную волю, предсказывали ужасное будущее и грядущие великие перемены: иконы в храмах, колонны и статуи святых истекали потом, мужчины и женщины неожиданно впадали в безумие и неистовство; пророки давали дурные предсказания и не предрекали ничего хорошего, распевались старые прорицания, разыскивались и другие предзнаменования, короче говоря, происходило все то, что обычно случается в таких обстоятельствах, вселяет ненужный страх, внушает ужас, выводит из себя и отнимает надежду на будущее. (8) Впрочем, и в этом бедственном положении, немного придя в себя, они принялись копать рвы, восстанавливать пострадавшие участки стены, заново оснащать зубцы, снаряжать башни и пространство между ними и укреплять все стены, сухопутные и морские. Они также сооружали склады оружия, стрел и всевозможных орудий, оснащали оружием окрестные крепости, отправляли защитников для охраны островов и перегородили цепью залив и Золотой Рог в самом узком месте от верфей Галаты⁴³ до ворот Евгения⁴⁴. (9) Они собирали деньги из государственных, частных и храмовых хранилищ, завозили хлеб и продовольствие, запасались, насколько возможно, всем другим необходимым и готовили Город и стены к осаде с суши и с моря.

19 Кроме того, они разослали посольства повсюду, откуда надеялись получить хоть какую-то помощь: на Пелопоннес, к местным властителям⁴⁵, прося хлеба и воинов (они полагали, что осада затянется и Город не будет взят приступом, как это затем случилось), к великому архиерею Рима⁴⁶, на которого возлагали большие надежды, и к другим предводителям Италии и других западных народов, так как нуждались в союзничестве и как можно более быстрой помощи, ибо, окруженные опасностями, опасались еще больших угроз. Так обстояли дела.

20 (1) Царь Мехмет, который уже успешно вел войну, земли в окрестностях Города частью атаковал и разграбил, а частью подчинил себе и захватил, готовился с наступлением весны напасть и

на сам Город с суши и с моря. (2) Прежде всего он стягивал силы, сосредоточивал войска, собирал отовсюду, из Азии и Европы, конницу и пехоту, а также отбирал гоплитов, лучников, пращников и копейщиков и делал смотр всем другим отрядам; для защиты воинов, сражающихся в первых рядах, он изготовлял щиты, шлемы, панцири и доспехи, снаружи обитые железом, а еще стрелы, копья, мечи и многое другое, необходимое для штурма стены, — все это он делал с великим усердием; вдобавок он построил невиданные стенобитные, камнеметные и другие орудия, приспособления удивительные и неслыханные, и, как оказалось, способные разрушать все, что угодно.

21 (1) Но прежде всего он заботился о флоте: построил новые триеры, старые обновил, имеющие течь — починил и восстановил, а кроме того, соорудил большие и хорошо защищенные суда, быстроходные тридцати- и пятидесятивесельные корабли и со всей возможной быстротой изготовил все необходимое для них, ничего не жалея для этой цели. (2) К тому же он собрал моряков со всего подвластного ему побережья Азии и Европы, гребцов, тех, которые сидят на верхних и нижних скамьях и на палубе, а также кормчих, триерархов, навархов⁴⁷ и стратигов и с большим тщанием и усердием позаботился о подготовке экипажей судов. Ведь для осады и войны, как он считал, важнее флот на море, чем войско на суше, и поэтому он уделял ему главное внимание и проявлял большее старание и рвение к тому делу, которое полагал для себя главным.

Великое наступление царя на Город с суши и с моря

22 (1) Таким образом обстояли дела и шли приготовления зимой, а с наступлением весны царь быстро снарядил корабли для отправки из Галлиполи (именно там они находились) и назначил командиром над ними Палдоглу, сатрапа Галлиполи. (2) Говорят, их было триста пятьдесят, разумеется, не считая грузовых кораблей и тех, которые прибыли с торговыми или какими-то иными целями⁴⁸. Они плыли с большой скоростью, гребцы кричали, шумели, улюлюкали, вопили и орали, соперничая друг с другом, так что было слышно по всему Геллеспонту, и те, кто их видел, испытывали великий страх и ужас. (3) Дело в том, что на море уже давно не появлялось такого огромного флота и такой армады. И это зрелище еще больше потрясло несчастных ромеев, повергло их в отчаяние, страш-

ное уныние и лишило всякой надежды на лучшее. (4) Ибо ранее, во время нападений, враги осаждали их только на суше, а сами ромеи сохраняли господство на море, располагали обильными припасами, вели морскую торговлю, с легкостью переносили осаду и без труда отражали нападения, поскольку у них было достаточно воинов, чтобы сражаться только лишь на суше; теперь же, увидев, что на них идут войной и с суши, и с моря, они, конечно, испугались, поддались страху и не знали, что им делать. Так с моря двигался на них царский флот.

23 (1) Сам же царь со всем конным и пешим войском, везя с собой также и орудия, выступил из Адрианополя по суше, приводя всех в трепет и замешательство, сея ужас и панику среди тех, кто попадался ему на пути; на десятый день он подошел к Византию и разбил лагерь близ стен Города, в четырех стадиях от так называемых ворот Романа. (2) Корабли же выстроились в ряд напротив Города, заняв всю береговую линию.

Обрати внимание на многочисленность войска

(3) Все же войско, как говорят, насчитывало более трехсот тысяч строевых воинов, не считая еще великого множества других, следовавших за ними⁴⁹.

24 (1) Ромеи, увидев, что на них с суши и с моря движутся и огромное войско, и флот с таким вооружением, были потрясены неожиданностью зрелища и внезапностью наступления, но, тем не менее, не остались в бездействии и не пренебрегли ответными приготовлениями к войне, а делали все необходимое, ничего не упустив из виду. (2) Прежде всего в устье Большого залива⁵⁰, у цепи, они тесно выстроили огромные грузовые корабли носами вперед, а вокруг расположили триеры, тем самым перекрыв вход противнику. (3) Случилось так, что как раз в это время там находились итальянские и венецианские триеры, которые прибыли не для войны, а по своей надобности; также с торговыми целями пришли большие грузовые суда с Крита, и ромеи уговорили их остаться и помочь в войне⁵¹.

*Приход в Константинополь на помощь
итальянца Джустиниани с двумя грузовыми кораблями*

25 (1) В эти же дни прибыл и некий итальянец по имени Джустиниани, человек могущественный, благородного происхож-

дения, к тому же опытный в войне и очень мужественный; он привел с собой два больших грузовых корабля, которые отлично оснастил у себя на родине, снарядил воинами и разнообразным оружием (на палубах этих кораблях было четыреста мужей-катафрактов)⁵²; с этими силами он находился неподалеку от Хиоса и Родоса, где подстерегал на море каких-то своих неприятелей. Своевременно узнав о войне, о предстоящей осаде Константинополя и о великих приготовлениях царя Мехмета, он добровольно вместе с кораблями отправился на помощь ромеям и царю Константину. Но есть люди, которые утверждают, будто Константин призвал Джустиниани и пообещал после войны отдать ему Лемнос в качестве награды за помощь. (2) Джустиниани вскоре представил надежные доказательства своей воли и расположения, они обменялись клятвами, и Джустиниани был торжественно принят и осыпан милостями царем, вельможами и горожанами; его назначили всевластным главнокомандующим, несущим ответственность за все советы и решения, действия явные и тайные, оружие, воинское довольствие и снаряжение. (3) Заняв эту должность, Джустиниани стал всеми возможными способами готовить Город к войне: он оснастил оружием всю стену на суше, установил у зубцов каменнотные орудия и всевозможное оружие, тщательно расставил бойцов первого ряда – каждого, где следует, – и объяснил им, как надо отражать атаки наступающих и оборонять стену; кроме того, как говорят, он выделил триеры для защиты залива, грузовые суда и разнообразные орудия, а стену, выходящую к морю, укрепил должным образом, как и ту, что обращена к суше; как я уже говорил, он был опытен в военном деле и весьма искушен в вопросах осады и обороны городов. (4) Участок стены против лагеря царя, наиболее удобный для приступа, где находилось отборнейшее войско царя, его личный отряд и гвардия и куда противники должны были подвести орудия, он взял на себя, чтобы самому сражаться в первых рядах и обороняться вместе со своими воинами; было же под его командованием, как я уже сказал, четыреста мужей-катафрактов, не считая экипажей кораблей. (5) Тогда произошла короткая вылазка: защитники Города напали на воинов царя, которые безо всякого порядка вырвались вперед, некоторых убили и немногих ранили; когда же им навстречу бросилось множество бойцов из войска, они скрылись в Городе, закрыли ворота и больше не выходили, а только защищали Город.

26 (1) Царь Мехмет разбил свой лагерь где-то около так называемых Месотихия и Мириандрия⁵³, недалеко от стены, как можно ближе к ней, но так, чтобы оставаться в недосыгаемости для стрел. Прежде всего он счел нужным попробовать предложить ромеям мир с условием, что они отдадут ему во власть и себя, и Город и тогда, получив согласие и клятвы, вместе со своими женами, детьми и всем имуществом останутся невредимы, не претерпят ничего дурного и будут пользоваться своей собственностью; с этой целью он отправил послов, которые явились в Город и объявили о предложении царя. (2) Ромеи, однако, на такие условия не согласились, сказали, что хотят иного мира и что не могут сдать ему Город. (3) Царь, услышав об этом, тотчас опустошил земли и спалил все в окрестностях Города. Затем он призвал Загана и Халиля⁵⁴, первых из своих соратников, и с ними, а также с другими своими сатрапами обошел обращенную к суше часть Города, осматривая стену: где она более всего пригодна для приступа, а где менее всего, и куда следует подвести орудия, дабы ее разрушить.

Расстановка всего войска и распределение царем Города на суше и на море между сатрапами

27 (1) После этого царь выстроил все войско, сатрапов, илархов, тагматархов и командиров отрядов, каждому указал позицию и место, где следует обороняться и сражаться, и объяснил, что именно нужно делать. (2) Город и стену, как со стороны суши, так и со стороны моря, он разделил на части, при этом Загану и его отряду, а также некоторым другим лохагам⁵⁵ он доверил осаду Галаты и всей территории рядом с ней, включая Золотой Рог и залив, вплоть до так называемых Деревянных ворот Города, а также поручил перекинуть мост через Золотой Рог от Керамика⁵⁶ к стенам Города на противоположном берегу; дело в том, что он решил перебросить по нему гоплитов⁵⁷ и лучников, чтобы со всех сторон напасть на Город и замкнуть кольцо осады вокруг него. (3) Эпарху же Европы Карадже и остальным сатрапам достался участок стены от Деревянных ворот до дворца Константина Багрянородного, вплоть до так называемых Харисийских ворот; в их распоряжение поступили пушкари и несколько орудий, которые должны были ударить по стене в том месте, где она была непрочной и уязвимой, и разрушить ее. (4) Исхаку, управлявшему Азией, и Махмуту, быв-

шему в то время комитом⁵⁸, мужам доблестным, опытным и отчаянно храбрым, был доверен участок от Мириандрия до Золотых ворот и морское пространство в той части. (5) Сам же царь вместе с обоими пашами, Халилем и Сараджой, взял на себя центр Города и среднюю часть стены на суше, по его мнению, наиболее уязвимую; вместе с ним была вся царская гвардия, я говорю о пеших воинах, лучниках и щитоносцах, а также еще один отряд, составлявший самую отборную часть войска.

28 (1) После того как царь таким образом расположил войско на суше, осадил стену и окружил ее со всех сторон своими воинами, он поручил военные действия на море Палдоглу, мужу доблестному, искусному военачальнику, опытному в морском деле, и назначил его, сатрапа Галлиполи, начальствовать над флотом и над всем азиатским и европейским побережьем. (2) Тот окружил своими кораблями всю морскую стену от мыса у Золотых ворот до верфей Галаты, что составило сорок три стадии, включая цепь и стоявшие там боевые и грузовые корабли. Каждый день он совершал нападения, пытаясь прорваться в залив, чтобы начать сражение у стены, обращенной к Золотому Рогу. (3) Протяженность стен Города, окруженных войском с моря и с суши, составляла сто двадцать шесть стадиев; не осажженной оставалась только стена вдоль защищенного цепью Золотого Рога, тридцать пять стадиев в длину, все же остальное находилось в осаде.

29 (1) Завершив все это, царь призвал пушкарей и стал советоваться с ними об орудиях и о стене, как легче всего ее разрушить. Они пообещали, что осуществить это будет просто, если вдобавок к уже имеющимся орудиям (которые были изготовлены ранее) соорудить еще одну пушку, способную, по их мнению, сотрясти и разрушить стену; для этого, однако, потребуются значительные затраты, очень много меди и немало других материалов. (2) Царь быстрее, чем сказывается слово, предоставил им в избытке все, что было необходимо, и они изготовили пушку – вещь невиданную, неслыханную и неопишемую. Я поведаю о ее изготовлении, виде и действии, насколько это возможно.

Описание изготовления пушки, ее формы и действия

Много дней они замешивали глину, добавляли лен, коноплю и другие измельченные скрепляющие и связывающие материалы, что-

бы сделать ее как можно более жирной, чистой и мягкой, а затем все это соединили и перемешали, так что получилась единая сплошная масса. (3) Из нее была изготовлена круглая, цилиндрическая, вытянутая форма длиной в сорок пядей; она представляла собой середину конструкции. Передняя ее часть, предназначенная для помещения туда камня, составляла двенадцать пядей в окружности, задняя же, куда кладут так называемую траву, — четыре пяди с небольшим, думаю, для соразмерности всей конструкции. Другая, наружная форма была внутри полой, служила вместилищем для первой формы и была достаточно широка, чтобы принять ее целиком, при этом между двумя формами оставался зазор, одинаковый по всей длине, шириной в пядь с небольшим⁵⁹; в этот зазор из плавильни должны были залить расплавленную медь для изготовления корпуса пушки. (4) Эту форму, я говорю о наружной, изготавливали из той же глины; затем ее обкладывали и укрепляли железом и деревом, а сверху клали землю и камни, дабы огромная тяжесть залитой внутрь меди не разрушила бы форму и не привела бы ее в негодность. (5) Рядом, с обеих сторон, были установлены плавильные печи, очень мощные и надежные, изнутри выложенные обожженным кирпичом и хорошей, жирной глиной, а снаружи укрепленные громадными камнями, известью и всем другим, пригодным для этого. (6) Огромная масса меди и олова, — как говорят, свыше тысячи пятисот талантов, — была залита в плавильни⁶⁰. Кроме того, плавильни были снаружи обложены большим количеством угля и дров, толстым слоем покрывших печи сверху, снизу и со всех сторон, исключая, разумеется, отверстия. (7) Вокруг установили меха, с помощью которых раздували пламя и непрерывно, три дня и три ночи, жгли уложенные материалы, пока медь совершенно не расплавилась и не стала жидкой и текучей. Потом отверстия открыли и медь по желобам заливали в формы до тех пор, пока она совершенно не заполнила пространство между ними, покрыв при этом внутреннюю форму примерно на локоть. Таким образом была сделана пушка. (8) Когда медь охладилась и застыла, внешняя и внутренняя формы были удалены, а пушка была выскоблена и отдраена скребницами до блеска. Так отливали пушку, и такой вид она имела; а теперь я расскажу о ее действии.

30 (1) Прежде всего воронку в задней части пушки и дуло пушки до жерла второго дула, в которое затем закладывали камень, наполняли так называемой травой⁶¹. (2). Потом в жерло

помещали большой пыж из крепчайшего дерева, сильно и плотно забивали его внутрь железными шомполами, и он запирал и удерживал там траву так крепко, что его никаким образом нельзя было извлечь оттуда, кроме как силой подоженной травы. Затем закладывали камень, забивали его внутрь, пока он не доходил до пыжа, и заклинивали его со всех сторон. (3) После этого пушку поворачивали в ту сторону, куда собирались стрелять, с помощью специальных измерений и расчетов наводили на цель, затем подстилали под нее большие бревна, хорошо подогнанные одно к другому, нагромождали сверху огромные камни для утяжеления и закрепляли ее сверху и снизу, сзади и со всех сторон, чтобы из-за силы толчка и рывка она не сдвинулась со своего места и не выстрелила мимо цели.

(4) Потом к пушке подносили огонь через небольшое отверстие в задней ее части и поджигали траву. Она воспламенялась быстрее, чем сказывается слово, и сначала раздавался ужасный рев, земля под пушкой и вокруг вздымалась, затем слышался грохот, какого себе и не представить, после чего с невероятным громом, страшным шумом и с огнем, воспламеняющим и сжигающим все вокруг, забитый внутрь пыж выходил наружу под давлением сухого и горячего ветра и с силой толкал камень. (5) А тот летел с огромной силой и скоростью, попадал в стену, сотрясал и разрушал ее, разбивал на множество осколков, рассеивал и разбрасывал их повсюду и убивал всех, оказавшихся на его пути. Иногда он уничтожал целый участок стены, иногда половину, иногда разрушал большую часть башни, стены между башнями или зубца, иногда — только немного повреждал их, и не было такой прочной, защищенной и толстой стены, чтобы выдержать и отразить силу и мощь удара камня.

(6) Итак, эта пушка имела столь необычный вид и была таким невероятным орудием, которого древние цари и полководцы не имели и не знали. Ибо, если бы она у них была, ничто не могло бы им противостоять и никто при осаде не мог бы оказать им сопротивление; им не нужно было бы множество людей, чтобы сотрясти стены и разрушить укрепления, им не нужно было бы возводить осадные сооружения, рыть рвы, делать насыпи, вести подкопы и делать многое другое, чтобы захватывать города и подчинять крепости, ведь если бы у них были пушки, то все, разбитые и унич-

тоженные, сдавались бы им быстрее, чем сказывается слово; но у них не было пушек. (7) Это новое изобретение германцев и кельтов, которому около 150 лет или немного больше⁶², очень сложное и хитрое, особенно же состав травы и ее изготовление из очень сухих и горячих веществ, натрия, серы, угля и трав, производящих сухой и горячий ветер; этот ветер, заключенный в цельном, крепком, отлитом из меди корпусе, может вырваться оттуда, только вытолкнув с силой изнутри огромный и тяжелый камень, однако при этом он часто разрывает медь. И поскольку для этой пушки не существует древнего слова, если только не называть ее «осадной машиной» или «метательной машиной», сейчас все называют ее общим именем «орудие». Такова эта пушка, о которой я рассказал, как только смог.

31 (1) После того как постройка пушек была завершена, царь Мехмет приказал пушкарям подвести их к стенам, напротив Месотихия, в месте, где находился турецкий лагерь и где также стояла и его палатка, и повелел, чтобы три выбранные им огромные и самые мощные пушки стали обстреливать стену в этом месте и обрушили ее; остальные орудия он приказал одно за другим установить напротив самых удобных для нападения и наименее защищенных участков стен. Он хотел разрушить стену во многих местах, чтобы затем атаковать со всех сторон и с легкостью захватить ее. Так и случилось. (2) Пушки были подведены под стены, сотрясли ее и разрушили, исполнив свое дело.

Затем царь приказал принести камни, дерево, землю и другой материал и засыпать ров напротив пушек, чтобы после обрушения стены гоплиты беспрепятственно могли бы перейти ров, приблизиться к Городу и начать штурм. (3) Кроме того, он повелел сделать под стеной подкопы и провести подземный ход, чтобы ночью через него гоплиты незаметно вошли в Город⁶³. И это было выполнено. Но позднее это оказалось лишним и ненужным, так как исход сражения решили пушки.

Прибытие царя к крепости Фераций и ее захват за два дня

В то же время царь, взяв с собой несколько отрядов и всю царскую гвардию, отправился к хорошо укрепленной крепости Фераций и, установив пушки, сотряс и почти уничтожил ее. Многие из находившихся внутри крепости были убиты камнями из пушек,

а оставшиеся в живых были уже не в силах сопротивляться и сдались, пожелав заключить с ним договор на его условиях. Он же посадил их на кол, а было их сорок человек⁶⁴.

*Прибытие на следующий день к крепости Студий
и ее захват в тот же день*

Оттуда на следующий день он отправился к крепости Студий, сотряс ее пушками, разрушил и захватил в тот же день; мужчин, числом тридцать шесть, он приказал посадить на кол перед стенами Города, чтобы их видели его жители⁶⁵.

*Нападение флота Палдоглу на остров Принкипо,
осада и захват крепости на острове*

33 (1) В эти дни и Палдоглу, предводитель флота, оставив большую часть судов на якоре у входа в залив охранять цепь, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти, взял остальные корабли и по приказу царя отправился к острову Принкипо. Там находилась неприступная крепость, гарнизон которой составляли тридцать мужей-катафрактов, не считая жителей. (2) Итак, он окружил крепость частоколом, приказал подвести пушки, которые сотрясли и обрушили участок стены, начал штурм и всяческими способами пробовал захватить крепость, но не сумел. В конце концов он решил прибегнуть к помощи огня и попытаться, если удастся, воспользовавшись благоприятным ветром, сжечь крепость. (3) Он приказал быстро собрать как можно больше вязанок соломы, хвороста, сена, разных веток и других легко воспламеняющихся материалов и сложить их у стены. Рабочих рук было много, приказ был быстро исполнен, и, когда у стены образовалась большая куча горючего материала, воины поднесли огонь и подожгли ее с помощью серы и смолы. Огонь тут же занялся, поднявшийся ветер раздул пламя, и оно поднялось так высоко, что перебросилось через стену, распространилось внутри крепости и спалило многих ее обитателей; погибли чуть ли не все. (4) Однако оставшиеся в живых с трудом и великой опасностью избежали смерти в огне и сдались ему без всяких условий. Всех взятых в плен жителей острова он продал в рабство, а оставшихся в живых защитников крепости предал смерти. Так было там⁶⁶.

34 (1) Когда ромеи и Джустиниани увидели, что стена так сильно повреждена пушками и разрушается и снаружи и изнутри, они прикрепили к стенам наверху большие бревна, закрепили их веревочными петлями и обвесили стены мешками, наполненными шерстью и другим подобным материалом, чтобы смягчить, насколько это возможно, удары камней и остановить их. (2) Но словами можно описать лишь немного из происходящего; пушка все разбрасывала и разбивала на мелкие осколки, стена разрушалась (уже сильно обрушилась наружная часть Малой стены, две башни Большой и участок стены между башнями)⁶⁷, и тогда они придумали другое: они привезли огромные бревна и, крепко связав их, загорюродили проломы в стене, я имею в виду наружную стену. Затем они принесли сюда разные ветки, камни и связки хвороста, траву, прутья, солому и множество другого материала, смешали все это с глиной и уложили крест-накрест и возвели высокий вал с частоколом. (3) Этот деревянный вал они покрыли шкурами и кожами, чтобы зажигательные стрелы не могли ему повредить. Вдобавок они сделали большую насыпь напротив внутренних стен, недалеко от них, которая вместе с валом служила защитникам вместо стены и, кроме того, задерживала в мягкой и упругой земле летящий с силой камень, не позволяя ему пробить мощную и прочную стену⁶⁸. (4) На верху вала с частоколом и насыпи вместо зубцов были установлены огромные, наполненные землей амфоры, которые защищали их от стрел.

Первая попытка царя штурмовать стену и неудача

Через несколько дней после своего возвращения от крепостей царь Мехмет решил попытаться захватить Город, используя проломы в стене; взяв гоплитов, лучников, копеейчиков и пеших воинов из своего личного отряда, он атаковал стену; к этому времени ров был уже засыпан. (2) Пехотинцы тотчас с криком и улюлюканьем перешли ров и начали штурм. Сначала они попытались поджечь деревянное ограждение в надежде уничтожить частокол, вызвать замешательство и посеять ужас в рядах защитников во время сражения; однако, потерпев неудачу, (воины на валу отважно сражались и гасили огонь), они решили использовать другой способ. (3) Крюками, прикрепленными на концах копий, они сбрасывали сверху амфоры, лишая защиты сражающихся

в первых рядах (эти сосуды были для них вместо стены и зубцов), и поэтому лучники, пращники и копейщики могли легко метать в них снаряды; другие воины подносили к стене лестницы и пытались подняться по ним, а пушки непрерывно метали камни в защитников и наносили им большой урон. Так это было.

36 (1) Джустиниани и его воины (он, как и многие ромеи, находился у пролома в стене) были защищены панцирями и поэтому не страдали от стрел и других снарядов, а сражались мужественно и отважно, отражали удары нападавших и казались неуязвимыми. (2) В конце концов ромеи и Джустиниани одолели противников, с легкостью отразили атаку и обратили их в бегство, ранив большинство нападавших, многие из которых затем умерли. Каждый день одна за другой предпринимались попытки штурмовать стену у пролома, однако защитники Города не отступали, а сражались изо всех сил и мужественно сопротивлялись.

37 (1) Палдоглу же, оставив крепость, двинулся на кораблях к заливу, где стояли на якоре другие триеры; на второй или третий день он получил от царя приказ тщательно подготовиться, выстроить корабли в боевой порядок, начать сражение с грузовыми судами и триерами, стоящими рядом с цепью у входа в залив, и если удастся, ворваться внутрь. (2) Ибо царь понимал, что необходимо любым способом захватить залив и Золотой Рог, чтобы наступать на Город со всех сторон, и с суши, и с моря. Он полагал, как это и было на самом деле, что если он получит возможность штурмовать ту стену, то будет легко взять Город, так как у защитников недостаточно воинов, чтобы охранять стены на всем их протяжении.

Нападение Палдоглу на грузовые суда, стоящие рядом с цепью у устья залива, тяжелое сражение и неудача

(3) Палдоглу выстроил в боевой порядок все корабли и находившихся на них бойцов, хорошо их вооружил и с большим напором, гневом, натиском, криком и улюлюканьем двинулся на грузовые суда и цепь. Сначала они удерживали вражеские корабли на расстоянии полета стрелы и перестреливались издали, бросая дротики и получая в ответ стрелы и камни, летящие из орудий, но затем турецкие корабли с силой устремились в центр строя грузовых судов. Из находившихся на кораблях гоплитов одни держали

наготове огонь, чтобы поджечь грузовые суда, другие пускали огненосные стрелы, третьи пытались обрезать якорные канаты, четвертые перекидывали абордажные крюки и лестницы, чтобы подняться на корабли, а остальные поражали защитников пиками, копьями и длинными мечами. Силен был их натиск и боевой пыл.

(4) Воины же на грузовых судах (они уже были научены великим дукой, который командовал флотом и охранял морские подходы к Городу)⁶⁹, принялись с высоты, а особенно с верхушек мачт своих кораблей, метать вниз камни, пики, копья и дротики и многих ранили и убили; к тому же они стали сбрасывать висевшие наверху на веревках большие, наполненные водой амфоры, и тяжелые, привязанные веревками камни, чем нанесли большой урон. (5) Обе стороны отчаянно бились, одни, чтобы одолеть врага и войти в залив, а другие – чтобы защитить его и отогнать корабли нападавших; в конце концов сражавшиеся на грузовых судах обратили нападавших в бегство, отразили натиск противника и показали себя прекрасными воинами.

Посмотри на изобретение нового вида пушки

38 (1) Царь Мехмет, потерпев на этот раз неудачу, решил создать пушку другого вида и, созвав пушкарей, спросил, возможно ли разбить и потопить грузовые суда у входа в залив пущенными из орудий камнями. Они сказали, что это невозможно, так как помимо всего прочего этому мешают стены Галаты. (2) Тогда царь предложил им другой путь и новый вид орудия. Он сказал, что, если они постараются, можно построить другую пушку, немного изменив ее и придав ей форму «гаммы», так чтобы она выстреливала камень вверх, а он падал в гущу судов и топил их; но прежде должно тщательно рассчитать ее размер, вес, пропорции и в соответствии с ними правильно установить пушку напротив грузовых судов; и царь объяснил ее устройство. (3) Они, обдумав, решили, что это возможно, и изготовили пушку, предложенную царем. Они выбрали место недалеко от Галаты, на небольшом холме прямо напротив грузовых судов, хорошо подготовили орудие, установили его на нужном расстоянии и подожгли фитиль; пушка выстрелила, камень полетел высоко вверх, но с первого раза не попал в корабли, а погрузился в море недалеко от них.

Посмотри на удивительное

(4) Они снова зарядили пушку и, немного наклонив, выстрелили: камень, поднявшись на огромную высоту, упал с ужасным грохотом и силой, попал в середину судна, разбил его и потопил, а из матросов одни были убиты, а другие утонули. Немногие оставшиеся в живых с трудом доплыли до находившихся поблизости грузовых судов и триер.

(5) Это неожиданное происшествие привело в замешательство всех, находившихся в Городе, повергло их в ужас и посеяло тревогу. Однако они отвели немного подальше, насколько это оказалось возможным, остальные суда и триеры, поставили их в более безопасное место и сберегли корабли, которые не понесли больше никакого вреда от камней и надежно охраняли гавань и Золотой Рог.

39 (1) Между тем не прошло и трех-четырёх дней, как в открытом море появились три больших грузовых корабля⁷⁰ с провиантом и подмогой, которую римский архиерей отправил в Константинополь из Италии. Узнав о войне и готовящейся осаде, он заранее, пока еще не был готов остальной флот, послал суда, а в Италии начал снаряжать в помощь ромеям и императору Константину еще тридцать триер и грузовых судов, чтобы отправить их вслед, но те уже опоздали.

(2) Итак, заметив плывущие в открытом море грузовые суда, дозорные сообщают об этом царю, который тут же призывает к себе предводителя флота Палдоглу и приказывает ему как можно быстрее снарядить весь флот и экипажи кораблей, гребцов и других матросов, разумно выстроить воинов на палубах и вооружить катафрактов; он отправляет на корабли и множество всякого снаряжения: круглые и четырехугольные щиты, шлемы и панцири, а также стрелы и дротики, длинные копья и мечи – все необходимое для битвы. Кроме того, он сажает на корабли как можно большее число гоплитов, лучников и отборных воинов собственной гвардии, а также самых храбрых в сражении и прекрасно вооруженных солдат. Отправив на корабли лучших мужей и разнообразные орудия, он приказывает им или захватить грузовые корабли и привести к нему, или не возвращаться живыми.

*Нападение флота царя на появившиеся в море
грузовые корабли, упорное и неудачное морское сражение*

40 (1) Палдоглу со всем своим флотом тут же выходит в море и с силой, рвением и надеждой на успех устремляется к грузовым кораблям; он был уверен, что суда уже почти у него в руках. Оказавшись на расстоянии полета стрелы, противники остановились, а затем стали яростно обстреливать друг друга из луков и камнями из орудий и метать огненосные стрелы, чтобы поджечь паруса и сами корабли. (2) Матросы на грузовых судах храбро сражались и оборонялись с высоты, а особенно с мачт и деревянных башен своих кораблей, безжалостно осыпали неприятеля сверху стрелами, копьями и камнями и по большей части попадали в цель; поднялся громкий крик, и было много убитых и раненых и с той и с другой стороны. (3) Затем, решив, что этого достаточно, Палдоглу громкогласно приказал своим воинам следовать его примеру и стремительно, с военным кличем бросился в атаку на корабли; завязалась рукопашная, и воины, так же как и он, пустили в ход оружие ближнего боя. Это было страшное зрелище: одни старались поджечь корабли противников снизу, другие копьями и мечами пытались разломать борта кораблей, третьи снизу метали копья и дротики в сражающихся в первых рядах, четвертые стреляли из луков и пращей, пятые перекидывали крюки и веревки, пытаясь по ним подняться на палубы, а остальные сражались иными способами, с гневом и яростью губили врагов и сами гибли под их ударами.

(4) Итальянские катафракты отважно оборонялись с высоких палуб и с силой отражали натиск неприятеля. Они сбрасывали вниз большие, наполненные водой сосуды и привязанные веревками тяжелые камни и таким образом тушили огонь и уничтожали противников, ибо всей своей тяжестью и силой камни стремительно обрушивались на тех, кто попадался им на пути, одних – топили, а других убивали. (5) После этого одни стали обстреливать противников копьями, стрелами и дротиками, другие сбрасывали сверху камни, третьи обрубали мечами руки тех, кто пытался вскарабкаться на корабль, четвертые обрушивали на головы нападающих удары палиц и дубин. Со всех сторон поднялся шум и крик возбужденных людей, обстреливающих и обстреливаемых, убивающих и убиваемых, отесняющих и теснимых, ругающихся, проклинающих,

угрожающих, стонущих и творящих ужасные вещи. (6) Хотя экипажи грузовых кораблей храбро сражались, постепенно турецкий флот начал брать верх благодаря многочисленности войска, а также тому, что они сражались попеременно, заменяли раненых и вставляли в строй вместо убитых. А экипажи грузовых кораблей, сражавшиеся в боевом порядке, наверное, потерпели бы поражение, если бы не сильный южный ветер, который внезапно налетел, с силой надул паруса и сдвинул суда с места; таким образом, триеры постепенно ослабили натиск и уже не могли преследовать суда противников, сражение прекратилось, грузовые корабли, вопреки всем ожиданиям, избежали опасности, спались и присоединились к остальным судам в устье залива. Корабли прибыли, несмотря на эту страшную опасность.

41 (1) Царь Мехмет, сидя верхом на коне, наблюдал за происходящим с берега, вселяя в воинов отвагу своим присутствием и в то же время издали следя за исходом сражения; он считал, что его флот в любом случае одержит верх над грузовыми кораблями, выиграет битву и приведет к нему захваченные суда. Он был весьма доволен. Но когда он увидел, что подул порывистый ветер и что, вопреки всем ожиданиям, грузовые корабли спаслись, он разозлился и, пришпорив коня, в полном молчании удалился. (2) Как говорили, на итальянских кораблях погибло всего двадцать два человека, раненых же оказалось свыше половины всего экипажа; у турок же было убито немногим более сотни человек, и свыше трехсот – ранено. (3) Так случилось, что Палдоглу, предводитель турецкого флота, в бою был ранен камнем в глаз, и именно это происшествие отчасти позволило итальянским судам спастись, а Палдоглу – избежать казни по приказу царя⁷¹, который был в ярости из-за бегства кораблей и с трудом перенес это известие. Более того, он обвинил Палдоглу в трусости и робости, а его беззаботность и легкомыслие счел за предательство. (4) Он воспринял это поражение в битве с итальянскими кораблями как дурной знак для предстоящего предприятия, тут же отстранил Палдоглу и передал управление флотом и наместничество в Галлиполи Хамза-бею, одному из своих соратников, которому больше всех доверял в таких обстоятельствах.

(5) Ромеям же это неожиданное событие принесло облегчение, немалое утешение и преисполнило их надеждой, не только из-

за настоящих событий, но и из-за благоприятных известий, однако все это лишь до тех пор, пока их не постигли великие страдания и несчастья; радоваться же им оставалось лишь до времени, пока они не попали в плен и на них не обрушились все беды: пленение и порабощение, убийства, грабежи, насилие над женщинами и детьми. Вот так обстояли дела.

Посмотри на удивительный замысел и решение

42 (1) Царь Мехмет долго размышлял над тем, что выгодно предпринять в его положении, чтобы захватить залив и открыть вход в Золотой Рог для своих кораблей, поскольку, используя все хитрости и уловки, турецкий флот так и не смог прорваться в него. И вот он задумал думу мудрую, достойную его ума и силы, которая могла бы не только поспособствовать, но и положить конец всему предприятию. (2) Он приказывает находившимся на кораблях воинам как можно скорее проделать борозды, ведущие из внешнего моря во внутреннее, я говорю о заливе и Золотом Роге, к месту, называемому Двойные колонны⁷², и выложить их бревнами. (3) Путь от моря до моря составлял приблизительно восемь стадиев, причем большая часть дороги поднималась в гору, до вершины холма, а оттуда по склону вела во внутреннее море, то есть Золотой Рог. (4) Когда борозды, быстрее, чем сказывается слово, были проделаны руками многочисленных воинов, царь приказывает провести суда. Подложив под них с обоих бортов большие бревна и балки, которые держали их на себе, опоясав их веревками и привязав к якорям длинные канаты, он велит воинам тянуть суда кому вручную, а кому – специальными устройствами. (5) Суда тащили очень быстро; некоторые из моряков, видимо, в шутку и насмешку над происходящим, стали делать на суше то же самое, что и на море: с громким криком, будто на самом деле плывя, они подняли паруса, которые тут же надул ветер, гребцы взяли в руки весла, привязанные к бортам, делая вид, что машут ими, старшины гребцов, встав у мачт, свистом, криками и ударами плети стали отдавать команды, а корабли неслись по суше, как по воде: одни поднимались на крутую вершину холма, другие по склону спускались вниз, в залив, и там под громкие крики с шумом спустили паруса.

(6) И можно было наблюдать зрелище удивительное, а для тех, кто его не видел, невероятное: корабль с экипажем, с грузом, с

поднятыми парусами несется по суше, словно по морю. (7) Я полагаю, что это было более неслыханное и невиданное зрелище, чем канал Ксеркса у Афона⁷³. Более того, это недавнее событие, представшее перед нашими глазами, придало достоверность тому давнему, ибо иначе рассказ о нем слыл бы мифом и пустой болтовней. (8) Таким образом, в залив, называемый Долиной Источников, который находится чуть выше Галаты, входит довольно большой флот в шестьдесят семь кораблей⁷⁴ и встает на якорь.

43 (1) Ромеи, никак этого не ожидавшие, увидели вражеские корабли в Золотом Роге, были поражены этим невероятным зрелищем, поняли, что оказались в затруднительном и безвыходном положении, впали в отчаяние и не знали, что предпринять. (2) Стена у Золотого Рога длиной приблизительно тридцать стадиев еще раньше осталась совсем без защиты, при этом для охраны и боя у других стен не хватало ни воинов, ни горожан, ни наемников и на два-три зубца приходилось всего лишь по одному защитнику. Теперь же было необходимо оборонять и эту стену, ставшую уязвимой для нападения, а для этого пришлось снять воинов, охранявших другие зубцы, и перевести их сюда; однако было очень опасно оголять другие стены: остающихся там воинов было мало и недостаточно для защиты.

(3) Но не это было главной бедой, а то, что противники перекинули, наконец, мост⁷⁵ и по нему к стене уже переправлялись гоплиты и лучники, поэтому необходимо было обороняться и на этом участке; в еще большей защите нуждались атакованные со всех сторон корабли, триеры и другие суда, стоявшие на якоре у входа в залив и у заградительной цепи. Положение во всех отношениях было и казалось безвыходным, хотя люди делали все, что было в их силах.

44 (1) Джустиниани выводит из устья залива одно грузовое судно и три итальянские триеры, направляет их в устье бухты, где стоит на якоре флот царя, и ставит их там так, чтобы с них вести бой, задержать боевые корабли неприятелей, не позволить им выйти из бухты и напасть на стоящие в Золотом Роге суда. Ему казалось, что это наилучшее решение, мысль удачная и своевременная. (2) Увидев это, царь Мехмет со своей стороны придумывает следующее: он приказывает пушкарям ночью тайне установить орудия на берегу, напротив того места, где стоят итальянские триеры

и грузовое судно, и обстрелять их камнями. Пушкари очень быстро исполняют приказ, забрасывают камнями одну из триер и топят ее вместе с экипажем, за исключением тех немногих моряков, которым удается выбраться из воды на другие триеры. Корабли тут же отходят как можно дальше и бросают якорь; если бы они действовали не так быстро, то и грузовое судно, и триеры ушли бы под воду вместе с людьми, которые бы даже не успели осознать свалившейся на них беды. Вот таким образом они оказались на краю гибели, ведь пушки уже были готовы поразить их камнями. (3) Ромеи же, потерпев и тут неудачу, не знали, что и делать, и только обстреливали турецкие корабли с городской стены из камнеметных орудий и пускали в них стрелы, чтобы, насколько это возможно, помешать кораблям противника маневрировать. Иногда византийские триеры, стоявшие в устье залива, выходили днем, чтобы оттеснить турецкие суда и не позволить им натворить беды в заливе; при этом часто случалось, что триеры доходили до берега и поворачивали обратно, но вслед за ними заворачивали и неприятельские суда, которые следовали по пятам, нанося и принимая удары; и так перестрелки длились целыми днями.

Посмотри на чудесное явление

45 (1) В эти дни произошло нечто такое, что стало божественным знамением, возможно, предрекающим грядущие беды в Городе. За три-четыре дня до сражения, когда все жители Города, и мужчины и женщины, обходили Город с иконой Божьей Матери, творя молитвы, она внезапно безо всякой причины или принуждения выпала из рук несших ее и упала на землю. Все закричали и бросились поднимать икону, но она стала тяжелой, словно свинец, и совершенно неподъемной, так что казалось, будто она приросла к земле. (2) Это длилось достаточно долгое время, и лишь только с большими усилиями, громкими криками и молитвами всех присутствующих священникам и носильщикам удалось поднять и установить икону на плечи державших ее. (3) Это странное происшествие вызвало у людей ужас, огромную тревогу и страх, и они решили, как и было на самом деле, что это падение случилось не к добру.

Посмотри и на другое чудо

(4) Сразу после этого, не успела процессия пройти немного дальше, как в полдень раздался жуткий гром, сквозь облака засверкали молнии и хлынул такой сильный ливень с ужасным градом, что священники, носильщики и толпа, следующая за ними, не смогли выдержать тяжести обрушившегося на них потока воды и двинуться с места из-за крупного града, преградившего им путь. (5) Многих детей из процессии увлекло бы и утянуло за собой сильное и неистовое течение несущихся вод, если бы не мужи, которым удалось схватить их и с большим трудом вырвать из бушующей стихии; эта смесь дождя и града представляла собой странное и необыкновенное явление, которое предсказывало скорую смерть, исчезновение и погибель в бурном и стремительном потоке.

Посмотри на еще одно чудесное явление

Это произошло днем раньше, а весь следующий день с раннего утра и до позднего вечера Город окутывало густое облако. Это явление показало, что Бог отвернулся от Города, презрел, оставил и покинул его; сокрытое облаком Божество то являлось, то исчезало. Вот так обстояли дела. И пусть никто в этом не сомневается, поскольку многие горожане и чужеземцы были свидетелями этих событий.

47 (1) Все было готово, и ничто больше не препятствовало нападению; внутреннюю и внешнюю стену пушки разрушили до основания, ров был полностью засыпан, Золотой Рог и стена вдоль него открыты для нападения, лестницы, деревянные башни и все прочее готово, Город со всех сторон находился в плотной осаде, и сама осада продолжалась уже достаточно долго (прошло около пятидесяти дней, и следовало опасаться, как бы противник не замыслил что-нибудь или же не получил помощь по морю, ведь, как было известно, к Хиосу причалила армада итальянских кораблей). И вот, царь Мехмет понял, что нельзя больше медлить и откладывать, а нужно как можно скорее с силой и натиском напасть на Город, штурмовать с суши и с моря и подвергнуть его последнему великому испытанию. (2) Он созвал свиту и своих приближенных, я говорю о сатрапах и стратигах, илархах, тагматархах, строевых командирах и хилиархах⁷⁶, сотниках и полусотниках, а также от-

борную часть войска и свою личную гвардию, а кроме того, навархов, триерархов и начальника всего флота. Созвав собрание, он сказал следующее.

*Вторая речь царя с призывом отважно сражаться и
обещание множества великих даров в награду тем,
кто проявит себя отважными воинами*

48 (1) Друзья мои и соратники, я созвал вас сюда не для того, чтобы обвинить кого-либо в легкомыслии и беззаботности по отношению к нашему предприятию, и не для того, чтобы назвать лучших, ибо я уже давно вижу, что одни из вас идут в бой с рвением и воодушевлением, предпочитая претерпеть любые мучения, нежели отступить ни с чем, а другие не только сражаются сами, но и призывают остальных всеми силами взяться за дело. (2) Да, не за этим я собрал вас здесь: во-первых, я хочу напомнить вам о том, что те блага, которыми вы обладаете, вы приобрели не легко и беззаботно, но тяжким трудом и в великих сражениях и преодолев вместе со мной многие опасности; вы получили их в награду за вашу доблесть и отвагу, а не как дар судьбы; а во-вторых, я хочу сказать о том, какое множество ценных наград ожидает вас и теперь и какая вам уготована слава, богатство и почет, чтобы вы хорошо осознавали, за сколь многое вы сражаетесь.

(3) Во-первых, этот Город обладает удивительным и несметным богатством, которое скрывается в царских покоях, в домах знатных и простых горожан, но самые прекрасные сокровища во множестве таятся в храмах: это дары и всевозможные ценности из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями и дорогими жемчугами, бесчисленное количество изысканных вещей, не говоря уже о домашней утвари и другом имуществе, — и все это станет вашим. (4) Во-вторых, вы захватите в плен отважных и знатных мужей, одни из которых станут вашими рабами, а другие будут проданы; вы получите достойнейших и красивейших жен, юных и прекрасных дев, готовых к вступлению в брак, благородных красавиц из знатных семей, до сих пор недоступных мужским взорам, некоторые из которых обручены с видными и знатными мужами, — одни из них станут вам женами, другие — служанками, а третьи будут проданы в рабство. Вы приобретете многое: наслаждение, услужение и богатство, многочисленных и прекраснейших рабов

благородного происхождения, сокровища храмов и общественных зданий, великолепные дома, сады и многое другое, что радует глаз, дарит счастье, удовольствие и наслаждение. (5) Но к чему тратить время на перечисление всего этого? Я отдаю вам на разграбление большой, многолюдный и царственный Город древних ромеев, достигший вершин богатства, удачи и славы, вставший во главе всего мира; вашей добычей станут неиссякаемое богатство, мужчины, женщины, дети, утварь и другие сокровища, — и словно на пышном пиру, вы вкусите все это, обогатитесь сами и оставите огромное наследство своим детям. Более того, вы завладеете таким Городом, молва о котором обошла весь мир, и ясно, что насколько простирается его власть и слава, настолько распространится весть о вас, кто своим мужеством и отвагой смог его покорить. (6) Подумайте, какое счастье может быть больше, наслаждение — выше, а богатство — прекраснее, чем уготованные нам вместе с почетом и славой. А более всего подумайте о том, что мы избавим наши владения от Города, который с самого начала был нашим врагом, процветал на наших бедах и всячески злоумышлял против нашей власти; но впредь мы сами будем крепко владеть этими богатствами, жить в прочном мире и безопасности, освободившись от соседства врага и открыв двери грядущему.

(7) Не думайте, что Город неодолим, его стены неприступны и несокрушимы, что он представляет немалую опасность для наступающих и что его нелегко завоевать: посмотрите, весь ров засыпан, стена в трех местах обрушена до основания, так что не только гоплиты и легковооруженные воины, как вы, но даже кони вместе с тяжеловооруженными всадниками без труда смогут войти в него. Поэтому я призываю вас с оружием в руках преодолеть не неприступную стену, а ровное поле.

49 (1) Что же я могу сказать о противниках? Их немного, и в основном это безоружные и неопытные воины; как мне известно от перебежчиков, башни защищают по двое или трое воинов и столько же — участки между ними, в итоге, один воин сражается и охраняет три или четыре зубца, да и тот или плохо вооружен, или совсем безоружен. (2) Как они смогут устоять перед натиском нашего столь многочисленного войска при том, что мы сражаемся попеременно и всегда вступаем в бой со свежими силами, имея время и на сон, и на еду, и на отдых, а они бьются напряженно и без

передышки, не имея времени ни на сон, ни на еду, ни на утоление жажды, ни на отдых, ни на что другое, — в то время как мы наступаем и тесним их в бою? (3) Мы не станем, как прежде, вести перестрелку, совершать вылазки, наступать и только пробовать свои силы, как они ожидают; мы начнем продолжительное, не прекращающееся ни днем, ни ночью сражение, без перерыва и перемирия, и будем биться до тех пор, пока, наконец, не покончим с врагом. Я думаю, что они, измученные долгим боем, ранами, голодом и бессонными ночами, легко сдадутся нам. (4) Что же касается итальянцев, держащих оборону за разрушенной стеной, то пусть их, особенно тех, которые находятся за укреплениями, считают непобедимыми и способными отразить натиск благодаря своему прекрасному вооружению и военному опыту, но мне это представляется неверным и ошибочным.

(5) Во-первых, если у них есть здравый смысл, то они не захотят сражаться за чужие блага, терпеть боль и бескорыстно подвергаться опасностям; во-вторых, они сбежали сюда отовсюду с единственным желанием — награть и уйти невредимыми, — а не для того, чтобы погибнуть в бою; они и теперь, пока мы их обстреливаем и сражаемся, еще держатся и остаются на местах, полагая, что мы и впредь будем испытывать их, как в игре. (6) Но когда они собственными глазами увидят кипящее вокруг них сражение, страшный натиск, ужас и смерть, тогда, я уверен, они немедленно бросят оружие, отступят, побегут без оглядки, и никто не станет препятствовать и удерживать их. (7) А если они останутся (может случиться и такое), то мы без труда обратим их в бегство своей силой, опытностью и отвагой, и я считаю, что здесь не о чем говорить и не о чем беспокоиться.

50 (1) Очевидно, что благодаря нашим воинам мы одержим победу и захватим Город. Как видите, весь он и с моря, и с суши заперт в ловушке, и ему не избежать нашего оружия и наших рук.

(2) Проявите же себя доблестными мужами и призывайте других отважно следовать за вами, идти в бой с рвением и воодушевлением и храбро сражаться по трем причинам: желание, стыд и повиновение начальникам; это значит, что каждый должен строго держаться своего места в отряде, идти в бой тихо, в боевом порядке, чтобы самому ясно слышать приказы и также передавать их другим, и когда нужно наступать молча — молчать, а когда нуж-

но вопить и испускать страшные крики – делать и это. Ведь то, что помогало в других сражениях, не меньше пойдет на пользу и во время этого штурма. Призывайте всех и в остальном соблюдать строй и порядок. (3) Сражайтесь храбро, достойно вас самих и свершенных вами подвигов, не расслабляйтесь, помня, за что вы сражаетесь, и не позволяйте этого другим вашим воинам. Я и сам первым вступлю в бой, буду биться вместе с вами и смотреть, как сражается каждый из вас. (4) А теперь возвращайтесь к своим отрядам, расходитесь по палаткам, подкрепитесь, отдохните и передайте мои слова вашим воинам, а проснувшись на заре, постройте каждый свой отряд спокойно и аккуратно, так чтобы никто из противников вас не увидел и не услышал. Построившись, храните молчание, а когда услышите боевой клич и увидите сигнал, то дело за вами.

Расположение отрядов и указания стратигам

51 (1) Ты, Хамза-бей, обогни на кораблях стену, обращенную к морю, и, когда часть судов окажется на расстоянии полета стрелы, прикажи лучникам и всем, кто имеет в руках орудия или туфаки⁷⁷, с палуб обстреливать зубцы стены так сильно, чтобы никто из защитников не мог выглянуть из укрытия и попытаться принять участие в сражении; другим же судам прикажи причалить к стене, если возможно, подвести к ней лестницы так, чтобы гоплиты могли подняться по ним на стены. Сражайся достойно и покажи себя храбрым мужем. (2) Ты же, Заган, переправившись по мосту, стремительно и мощно атакуй стену у Золотого Рога (в этом деле тебе помогут стоящие в заливе корабли) и прояви свое мужество. (3) А ты, Караджа, вместе со своими воинами перейди ров, подойди к пробитой тобою в стене бреши и, с силой оттеснив защитников, попытайся взойти на нее, мужественно сражаясь, как и подобает доблестному мужу. (4) А вы, Исхак и Махмут, со своими отрядами перейдя ров, попытайтесь по лестницам подняться на стены, а лучники, вооруженные пращами и туфаками, пусть обстреливают укрывающихся за зубцами, чтобы им было труднее вам помешать. (5) И вы, Халиль и Сараджа, вместе со своими отрядами сражайтесь по обе стороны от меня; когда же увидите, что я вступил в бой, стараюсь пробиться сквозь бреши в стене, одолеваю итальянцев и открываю своим воинам дорогу в Город, всеми способами

постарайтесь оттеснить оказавшихся лицом к лицу с вами противников с флангов, с силой бросайтесь на них, чтобы они не имели передышки, не могли напасть на меня и прийти на помощь тесным нами воинам. А все остальное — моя забота. Возвращайтесь в добрый час к своим отрядам, расходитесь по палаткам, ешьте и отдыхайте.

52 (1) Сказав это, он распустил собрание, и все вернулись к своим отрядам, разошлись по палаткам, а сам он после трапезы лег отдыхать. Утром, встав, он прежде всего призвал к себе пушкарей и приказал им приготовить орудия, развернуть их по направлению к пробоине в стене, чтобы в нужный момент обстрелять сражающихся там воинов. Затем он созвал свои отряды и полки, я говорю о голплитах, щитоносцах, лучниках и всей царской гвардии, построил их по симмориям, сисситиям, синомотиям⁷⁸ и отрядам по тысяче и более человек и приказал им сражаться попеременно; когда дело дойдет до схватки, одни будут биться и воевать, а остальные — спать, утолять голод и отдыхать, с тем чтобы с новыми силами вступить в бой и в свою очередь быть замененными другими; таким образом, один отряд будет сменять другой, сражение будет долгим и непрерывным, а с противником не будет заключаться никакого перемирия или соглашения. Он определил для каждого свой отряд, место и время, а также указал, где, как и когда нужно доблестно сражаться.

(3) Затем он объехал верхом и другие отряды и, осматривая их, отдавал приказания всем и каждому в отдельности, ободрял их и вдохновлял на битву, а особенно начальников отрядов, к каждому из которых он обращался по имени. (4) Он обошел все войско, осмотрел стены от моря до моря, объяснил каждому, что нужно делать, воодушевил их на битву и приказал проявить себя доблестными мужами, а до тех пор, пока они не услышат призыв и не увидят сигнал к атаке, поесть и насладиться отдыхом. Потом он вернулся в свою палатку, чтобы поесть и отдохнуть.

53 Ромеи же, увидев, что в войске противника вопреки обыновению царят тишина и покой, очень удивились, пришли в недоумение и стали строить предположения: одни ошибочно считали, что это подготовка к отступлению, другие же справедливо утверждали, что скоро состоится сражение, которого уже устали ждать; негромко окликавая друг друга, они вернулись каждый к своему отряду и начали готовиться к бою.

54 Царь же, дождавшись того момента, когда солнце уже клонилось к закату и светило осаждающим в спину, а осажденным в лицо, как он и замыслил, приказал трубам подать сигнал к сражению, а свирелям, флейтам и кимвалам⁷⁹ играть так громко, как только возможно. И когда во всех отрядах одни за другими громко и страшно грянули трубы и другие инструменты все вместе, все вокруг задрожало и заволновалось от их грома.

Посмотри на сражение

(2) Затем были подняты знамена, и лучники, пращники и воины, вооруженные другими метательными орудиями и туфакками, первыми (как им и было приказано) медленно, шагом двинулись к стене, а приблизившись на расстояние полета стрелы, остановились и вступили в сражение. Сначала противники яростно обстреливали друг друга: лучники пускали стрелы, пращники – камни, отовсюду летели железные и свинцовые ядра, пущенные из орудий и туфак; затем, сблизившись, они безжалостно, со злобой и бешеной яростью осыпали друг друга копьями, пиками и дротиками. И те и другие громко выкрикивали проклятия и ругательства, много было раненых с обеих сторон, немалое число их умерло. Это продолжалось два или три часа до самого захода солнца.

55 (1) Потом царь громогласно призвал щитоносцев, гоплитов и других отборных воинов и сказал: «Идите, друзья и дети мои, ибо настало время показать себя доблестными мужами». И они немедленно, перейдя ров, с воплями и ужасающим военным кличем приблизились к наружной стене⁸⁰. Она вся была разрушена пушками, и на ее месте остались только частокол из больших бревен, связки виноградных лоз и ветвей деревьев, а также сосуды, наполненные землей. (2) Здесь разразилась упорная рукопашная схватка: гоплиты и щитоносцы старались оружием ближнего боя потеснить обороняющихся и преодолеть частокол, ромеи же и итальянцы – отогнать их и удержать частокол; иногда гоплиты подходили к стене и частоколу, наступая быстро и не раздумывая, а иногда встречали серьезный отпор и отступали. Царь же следовал за ними, сам храбро сражался и воодушевлял их. (3) Тут же он приказал пушкарям поднести огонь к орудиям; они сделали это, каменные ядра полетели в защитников и, поражая всех, встретившихся на пути, принесли смерть многим воинам с обеих сторон. (4) Пока против-

ники так яростно и отважно сражались и бились, прошла большая часть ночи; ромеи брали верх, сохраняли еще достаточно сил, а Джустиниани со своим отрядом удерживал частокол, храбро защищал его и отражал удары нападающих. И было так.

56 (1) Другие стратиги и сатрапы со своими воинами, а с ними и предводитель флота тоже мужественно бились, штурмуя стену и с суши, и с моря на кораблях: одни пускали стрелы из луков, другие – из иных орудий, третьи придвигали к стене лестницы, мосты, деревянные башни и всевозможные орудия, а некоторые из всех сил пытались взойти на стену, в особенности там, где стояли отряды Загана и Караджи. (2) Заган без труда перешел мост, приставил к стене лестницы и мосты и попытался заставить гоплитов подняться по ним, в то время как лучники и туфаконосцы с возвышений на палубах плавающих вокруг судов из глубины гавани обстреливали стоявших за зубцами воинов. (3) Караджа же перешел ров и, храбро сражаясь, силой проложил себе путь в Город через пролом в стене. (4) Ромеи, в свою очередь, решительно оборонялись, блестяще отражали их удары, храбро защищались, одерживали верх в бою и показали себя достойными мужами; ничто из происходящего не могло заставить их отступить: ни голод, ни долгое бодрствование, ни постоянный и непрерывный бой, ни раны и увечья, ни гибель близких у них на глазах, – никакие ужасы не могли вынудить их изменить свое решение и ослабить первоначальный порыв и решимость, но, несмотря ни на что, они продолжали сражаться столь же смело, как и прежде, до тех пор пока коварная и слепая судьба не предала их.

57 (1) Царь Мехмет, увидев, что его первые отряды уже измучены боем и еще не совершили ничего достойного упоминания, а ромеи и итальянцы яростно сражаются и начинают одерживать верх, негодуя и не в силах больше бездействовать, тотчас вывел полки, которые припас напоследок, – воинов хорошо вооруженных, смелых и мужественных, много превосходящих других опытом и силой; это было отборное войско – гоплиты, лучники, копьеносцы, – его личный отряд, состоящий из так называемых янычар и других воинов. Он громогласно призвал их проявить себя доблестными мужами и сам повел их на стену, вплоть до рва. (2) Не доходя до стены лучники, пращники и туфаконосцы остановились, и он приказал им с возвышения обстреливать воинов у частоккола и в про-

ломе стены с такой силой, чтобы защитники не могли ни вступить в бой, ни выглянуть наружу из-за летящих градом стрел и прочих снарядов; остальным же гоплитам и щитносцам он подал знак перейти ров и решительно атаковать частокол. (3) И они с громким и ужасающим кличем, словно сойдя с ума от злобы и ярости, двинулись вперед, а поскольку они были молоды, сильны, исполнены отваги и, кроме того, сражались на глазах у царя, они ничуть не ослабляли натиск, но, приблизившись к частоколу, бились доблестно, без лишних раздумий и боевого порядка; они растаскивали стоящие впереди амфоры, выламывали бревна и разгребали принесенный туда материал, вынуждая защитников обратиться в бегство и отступить за частокол.

58 (1) Джустиниани же со своим отрядом и находившиеся там ромеи стойко оборонялись копьями, пиками, дротиками, длинными мечами и другим оружием ближнего боя (сражение шло рукопашную), сдерживали натиск и не давали врагу перейти частокол. (2) С обеих сторон слышался громкий крик, где воедино слились голоса орущих ругательства, оскорбления и угрозы, отесняющих и теснимых, ранящих и раненых, убивающих и убиваемых, вершащих эти ужасы с гневом и бешенством. И разразилась жестокая, рукопашная, с большим умом ведомая битва между доблестными, сражавшимися за величайшие награды мужами, одни из которых всеми силами стремились одолеть противника, занять стены и пробиться в Город к детям, женщинам и сокровищам, другие же доблестно оборонялись, старались их отеснить и защитить свои богатства, хотя, в конце концов, им не хватило сил одержать верх и сохранить их. (3) Но несчастным ромеям было суждено надеть ярмо и испытать тяготы рабства! Воины сражались доблестно, и им было не занимать отваги и смелости в бою, но Джустиниани, получив смертельную рану в грудь от стрелы, выпущенной из орудия и пронзившей его щит, упал, и его, серьезно раненного, отнесли в палатку; воины его отряда потеряли боевой дух, оставили врагу частокол и стену, где они сражались, и теперь желали только доставить на корабль своего предводителя и самим уйти невредимыми. И хотя император Константин ободрял их, уверяя, что конец сражения уже близок, воины не вняли его словам; они подняли своего предводителя, взяли оружие и, ни о чем больше не заботясь, поспешно отступили к кораблям⁸¹.

59 Император Константин совершенно отчаялся и вовсе не знал, что делать (у него не было других воинов для защиты оголенных участков и пополнения рядов защитников, ведь битва была в разгаре и все воины сражались в своих отрядах и на своих местах), но, тем не менее, император вместе с оставшимися ромеями и своими немногочисленными воинами продолжал храбро сражаться перед частоколом.

Посмотри на старания царя

60 (1) Когда царь Мехмет заметил, что частокол оголен, а разрушенная часть стены осталась без защитников (сам он сражался поблизости), что одни из противников незаметно покидают свои места, а другие из-за малочисленности сражаются слабо, он понял, что враг покидает стену и бежит, и громко крикнул своим воинам: «Друзья, Город уже наш! Противники спасаются бегством. Они не выдерживают натиска. Стена оставлена без обороны. Немного терпения и мы захватим Город. Не расслабляйтесь, будьте мужественны, покажите себя доблестными мужами, и я с вами!»

Взятие Константинополя

(2) Сказав это, царь встал во главе своих воинов. Они же с громким ужасающим кличем, опередив царя, стремительно бросились на частокол; в завязавшемся упорном сражении они отбросили находившихся там ромеев и взошли на частокол: одних из ромеев они сбросили в глубокий непроходимый ров между Большой стеной и частоколом и всех там умертвили, других же вытеснили через ворота Джустиниани в Большой стене⁸², которые тот открыл, чтобы облегчить доступ к частоколу.

Смерть царя Константина

(3) Началась страшная давка и резня: гоплиты убивали всех, кто попадался им на пути, и многих других, беспорядочно сбежавшихся отовсюду на крики; здесь погиб и царь Константин, доблестно сражавшийся вместе со своими воинами⁸³.

61 (1) В это время гоплиты уже проникли в Город через ворота, другие ворвались через пролом в Большой стене; вслед за ними с натиском и силой вступило и все остальное войско, которое быстро рассеялось по Городу⁸⁴. (2) Царь Мехмет стоял перед

Большой стеной, где были водружены знамя и боевой знак, и наблюдал за происходящим. Уже занимался день.

Посмотри на великие страдания и кровопролитие

Воины убивали каждого, кто попадался им на пути, одних на улицах Города (некоторые уже выбежали из домов на крики и неожиданно напоролись на мечи), а на других жителей янычары и другие воины без разбора и смысла нападали в их собственных домах; никому не было пощады: ни тем, кто защищался, ни тем, кто искал убежища в храмах и молился, ни мужам, ни женам, ни детям. (3) Воины убивали горожан с гневом и яростью, разозленные долгой осадой и тем, что некоторые безумцы с городских стен осыпали их насмешками и издевками на протяжении всей войны, а в целом для того, чтобы утратить, напугать и учинить резню.

Разграбление Константинополя

(4) Когда воины насытились убийствами и поработили жителей, одни, разделившись на симмории, синомотии и отряды, стали грабить дома знатных горожан, а другие расхищали святыни, захватывали общественные и частные здания, разбойничали, терзали, расхищали, убивали, издевались, уводили в плен мужей, жен, детей, старцев, юношей, священнослужителей, монахов, невзирая на возраст и положение.

Посмотри на страшное бедствие

(5) Зрелище было ужасное и тягостное, страшнее любой трагедии: воины захватывали молодых и целомудренных благородных женщин из знатных семей, ранее занимавшихся хозяйством и никогда не уходивших со двора, а красивых и прекрасных дев, славных и из славных семей, до тех пор недоступных мужеским взорам, одних они беспощадно выволакивали из их опочивален и безжалостно насиловали, перед другими, еще спящими, словно дурной сон, с видом убийц появлялись вооруженные воины с окровавленными от недавних убийств руками, дышащие яростью, издающие нечленораздельные звуки, помышляющие о самом дурном. В этой толпе смешались воины разных родов и состояний; они, словно дикие и свирепые звери, врывались в дома и безжалостно хватали,

тащили, терзали, бесчинствовали, постыдно уводили, насильовали на улицах, и каких только ужасов они не творили! Говорят, что многие женщины, смертельно напуганные одним их видом и звуком голоса, испускали дух от страха, что те приблизятся к ним. (6) Почтенных старцев тащили за их седины, а то и нещадно били, знатных и прекрасных детей уводили, священников гнали, одних почетных монахинь, презревших все и возносивших молитвы Богу, посвятивших Ему свою жизнь и самих себя, хватали и силой выволакивали из келий, других отрывали от святынь, где они искали убежища, бесчестили и осыпали бранью, жестоко били и с криком и руганью хлестали их по щекам. Нежных детей безжалостно отнимали у матерей, беспощадно разлучали молодых супругов и творили много всякого другого зла.

Разграбление святынь

62 (1) Разве можно найти слова, чтобы поведать об этом надругательстве, расхищении и разграблении святынь? Воины безо всякого почтения сбрасывали на землю иконы, статуи и другие святыни, срывали оклады, сжигали и, разбив на куски, бросали на дорогах, вскрывали могилы древних святых мужей, извлекали их останки, уничтожали их, рассеивали прах по воздуху или разбрасывали его по улицам. (2) Одни кратеры и фиалы⁸⁵ для святейших приношений они использовали для питья и пьянства, другие – разбивали, расплавляли и продавали; храмовую утварь и роскошные священные одежды, расшитые золотом, украшенные драгоценными камнями и сверкающие жемчугами, они или продавали иудеям, которые использовали их для своих нечестивых целей, или предавали огню, чтобы выплавить золото. (3) Священные божественные книги, а также множество книг по светским наукам и философии они или сжигали, или бесчинно растаптывали, а большую часть продавали за две-три номисмы, а то и обола⁸⁶, не столько ради денег, сколько в насмешку. (4) Они опрокидывали священные алтари, разрушали стены вокруг святых и неприкосновенных мест, уничтожали, разрывали, до основания перекапывали святыни в поисках золота и совершили еще множество других злодеяний.

63 (1) А в это время несчастные ромеи на другой стене вели бой и на земле, и на море, думая, что Город еще цел и невредим, а их жены и дети – свободны (ибо они не знали о том, что произошло),

храбро сражались, решительно отражали нападения и мужественно пресекали все попытки противника подняться на стену. (2) Но когда у себя в тылу они увидели противников, которые обстреливали их из Города, узрели жен и детей, связанных и постыдно уводимых в рабство, ими овладело такое отчаяние, что одни вместе с оружием бросились со стены и разбились насмерть, а другие, потеряв всякую надежду, выронили из ослабевших рук оружие и безоговорочно сдались на волю победителей.

Смерть Орхана

64 (1) Случилось так, что вместе с ними у стены сражался и Орхан, дядя царя из рода Османов, давно бежавший из страха перед братом, который стремился его убить; император Константин с большим уважением и почетом принимал его в Городе и возлагал на него определенные надежды. Увидев, что Город взят, и желая спастись, он, поскольку знал их язык, решил незаметно скрыться, выдавая себя за одного из ромейских воинов, не отличавшегося от него ни снаряжением, ни языком. Заметив же, что его узнали и преследуют (нашлись такие, кто его узнал), Орхан тотчас бросился со стены и разбился насмерть. (2) Подбежав, воины отрезали ему голову и отнесли ее царю, ибо тот желал непременно видеть Орхана, живым или мертвым⁸⁷.

65 В это время предводитель флота Хамза-бей, увидев, что Город захвачен и отдан гоплитам на разграбление, тотчас подплыл к цепи и, перерубив ее, вошел в гавань. Там он нашел ромейские корабли (ибо триеры и грузовые корабли итальянцев оттеснили их и вышли в открытое море), некоторые из них потопил на месте, а остальные захватил вместе с экипажами. Итак, поставив корабли на якорь у ворот, называемых Царскими, и увидев, что они все еще заперты, он разбил все засовы и запоры и сломал ворота; войдя вместе с войском в Город, он встретил множество выстроенных в боевом порядке и готовых к бою ромеев (ибо сухопутное войско, грабившее Город, еще не добралось до этого места), напал на них, вступил в сражение и перебил их всех, так что потоки крови вытекли даже за ворота.

66 (1) Тут подоспело и остальное войско, которое столь же победно прошло через другие прибрежные ворота, сломало их и обрушило; таким образом, уже все корабельное войско рассеялось

по Городу и принялось грабить, расхищая все, что попадалось им по пути; подобно огню или удару молнии, оно все сжигало и истребляло, и, подобно бурному потоку, уничтожало и увлекало за собой. Говорят, они искали тщательнее, чем Датис в Эретрии⁸⁸, разрушали храмы и святыни, вскрывали древние гробы, разрывали могилы, подземные ходы с колоннадами, подвалы, тайники, убежища, пещеры и погреба, – все, что было спрятано, они находили и извлекали на свет. (2) А войдя в великий храм Святой Софии и увидев огромную толпу мужчин, женщин и детей, спрятавшихся там и молившихся, они, словно опутав сетью, взяли их в плен и увели, одних на триеры, других – в лагерь⁸⁹.

Переход Галаты на сторону царя

67 (1) В это время жители Галаты, увидев, что Город уже взят и отдан на разграбление, заключили соглашение с царем, чтобы не претерпеть ничего плохого. Открыв ворота, они впустили Загана с его отрядом, и им не было причинено никакого вреда.

(2) А все войско, которое и с суши, и с моря вторглось в Город, с раннего утра, как только занялся рассвет, и до позднего вечера грабило и разбойничало и тащило всю добычу в лагерь или на корабли, но были и такие, кто как воры грабили Город, а потом тайком выходили за ворота и возвращались домой. (3) Таким образом, войско опустошило и уничтожило весь Город, словно огонь, истребило и стерло его с лица земли, так что не верилось, что когда-то здесь жили люди, были богатства, сокровища, роскошная обстановка и дома, и что прежде этот Город был таким блистательным и великим; от него остались лишь покинутые пустые дома, внушавшие ужас смотрящим на них своим безмолвием.

Число погибших в войне и взятых в плен ромеев

(4) Всего же, как говорили, за всю войну и за этот штурм погибло почти четыре тысячи ромеев и чужеземцев, мужчин, женщин и детей, в плен всего было взято немногим более пятидесяти тысяч, в том числе из войска приблизительно пятьсот человек.

*Вход царя в Константинополь,
осмотр Города и сожаление о нем*

68 (1) Затем царь вошел в Константинополь, обозрел его величину и расположение, его блеск и великолепие, величие и

красоту множества храмов и государственных строений, частных и общественных зданий, роскошь домов знатных людей, а также расположение гавани и верфей, и понял, что Город имеет все необходимое, очень удобен, красив и для всего хорошо приспособлен.

Посмотри на сострадание

(2) Он увидел также множество погибших, опустевшие дома, совершенно уничтоженный и разрушенный Город и сразу же преисполнился жалости и горького раскаяния в его гибели и разорении, из глаз у него покатались слезы, и, громко и печально вздохнув, царь произнес: «Какой Город мы отдали на разграбление и опустошение!» Так страдал он душой. (3) Ибо воистину это стало для нас великим бедствием, подобное которому не постигало ни один из некогда описанных и упоминавшихся великих городов, возьмем ли мы величину захваченного города или внезапность и жестокость произошедшего; не менее поразили всех, и посторонних, и захватчиков, и пострадавших, неожиданность и непредвиденность случившегося, грандиозность и необычайность бедствия.

Сравнение с захватом других городов.

Сравнение с захватом Трои

(4) Была захвачена Троя, но покорена она была эллинами и в течение десяти лет, так что даже если по количеству погибших и взятых в плен несчастье было и не меньшим, если не большим, то оба эти обстоятельства все-таки принесли некоторое облегчение и утешение: ибо и эллины из уважения к нашей общей судьбе более человеколюбиво отнеслись к захваченным, а непрерывная и долгая война, когда каждый день можно было ожидать взятия города, притупила непосредственное восприятие бедствий⁹⁰. Сейчас же невозможно найти никакого утешения.

Сравнение с захватом Вавилона

(5) Вавилон был захвачен Киром, но тогда он пострадал не сильно: город не был порабощен, и жены и дети не были отданы на поругание, он только поменял правителя, причем негодного на хорошего⁹¹.

Сравнение с захватом Карфагена

(6) Карфаген был захвачен Сципионом дважды, однако в первый раз, отдав заложников и оплатив военные расходы, город понес только денежные убытки, во второй же раз его жители вместе с женами, детьми и всем имуществом переселились немного дальше, так что все горожане остались невредимы, не претерпели ничего дурного и избежали такого несчастья⁹².

Сравнение с захватом Рима

(7) В первый раз Рим был захвачен кельтами и галлами, во второй раз – готами, но город не претерпел таких бедствий, а только ненадолго попал под их тиранию, лишился денег и богатства; лучшие дома были отняты, а знатные мужи изгнаны, но вскоре, освободившись, город вновь достиг вершин славы, могущества и благоденствия⁹³.

Сравнение с захватом Иерусалима

(8) Иерусалим был захвачен трижды: в первый раз – ассирийцами, во второй раз – Антиохом, в третий раз – римлянами; но в первый раз его жителям вместе с женами, детьми и всем имуществом пришлось всего лишь переселиться в Вавилон. Затем, после недолгой тирании Антиоха, город вновь обрел свободу, а при взятии города римлянами, хотя страдания и были невыносимыми, тем не менее и до войны, и во время нее происходило так много страшных мятежей, гражданских войн, грабежей, кровопролитий и безбожных убийств жителей и их близких, что горожане часто молились о захвате города, думая найти в нем освобождение от худших несчастий, пусть даже ценой смерти или рабства⁹⁴. Таким образом, падение Константинополя нельзя даже сопоставить со взятиями этих городов.

Сравнение и с другими городами

(9) Были захвачены и многие другие великие города в Азии и Европе, знаменитые своим богатством, славой, мудростью, добродетелью жителей и многими другими благами, но их падение ничто по сравнению с описываемыми мною бедствиями.

*Сравнение Константинополя с самим собой, я говорю
о его захвате латинянами и о его нынешнем падении*

69 (1) Этот несчастный Город был захвачен сначала западными народами, под властью которых он находился шестьдесят лет⁹⁵; тогда он лишился великого богатства и множества прекраснейших и драгоценнейших священных приношений, а из его великолепных, почитаемых, завидных и вожделенных достопримечательностей одни были перевезены на Запад, другие же в самом Городе уничтожены огнем, — но этим и ограничился ущерб и бедствие Города. И пусть даже это не так уж и мало, но все-таки ни один из жителей не пострадал, дети, жены и драгоценности не были тронуты и все горожане остались невредимыми и не претерпели ничего дурного⁹⁶. И вновь скинув тиранию и освободившись, Город вернул свое бывшее величие, встал во главе царства, властвуя над многими народами Азии и Европы и многочисленными островами; средоточие и образец прекрасного, он стал очагом учености, всяческого образования, мудрости, добродетели и всего самого наилучшего.

Отдельная песня и плач о Константинополе

(2) Теперь же ушло его время, и все его блага — богатство, честь, власть, слава, почет, благородные рода, добродетель, науки, мудрость, священство, царство — совершенно все утекло и пропало; и насколько высоко он поднялся до вершин счастья и благосостояния, настолько же низко низвергся на дно бедствия и неудач; если раньше многие считали его благоденствующим, то ныне меж всеми он слывет несчастным и многострадальным; и если некогда он простирали свою славу до границ ойкумены, то ныне он наполнил всю землю и море вестью о своих бедах и своем бесславии; а напоминанием о его несчастьи служат жители, мужи вместе с женами и детьми, рассеявшиеся по всему свету в позорном пленении, рабстве и посрамлении. И Город, который в почете, чести, богатстве и блестящей славе правил многими народами, теперь в бедности, бесчестии, бесславии и позорнейшем рабстве подчиняется другим; Город, который некогда являл пример всякого блага и образец блестящего процветания, ныне стал отражением несчастья, напоминанием о величайших страданиях, памятником бедствий и живым мифом.

*Напоминание о ничтожности дел человеческих,
о непостоянстве всего сущего и о том, что в нем нет
ничего прочного и надежного*

(3) Таким образом, все человеческое неверно и ненадежно, подобно Эврипу, оно кружится и носится вверх и вниз в бурлящем водовороте жизни; то игрок, то игрушка, оно не остановится в своем беспорядочном и стремительном течении и движении, в приливах, отливах и постоянной изменчивости, пока не исчезнет бытие в мире⁹⁷. (4) Я же больше всего удивляюсь совпадению имен и противоположности событий, между которыми прошло почти тысяча двести лет: ибо Константин, счастливый царь, сын Елены, основал Город и вознес его на вершину счастья и благоденствия⁹⁸, и опять же при Константине, несчастном царе, сыне Елены, он был захвачен и низвергнут в пучину ужасного рабства и страдания⁹⁹. Вот так обстояли дела.

70 (1) А тридцать триер, которые архиерей Рима послал на помощь Городу и царю Константину, причалили к Хиосу и, застигнутые встречным ветром, оставались там, ожидая удобного момента; когда же вскоре они узнали о том, что Город захвачен и что их помощь опоздала, они снова отплыли на родину, не совершив того, для чего прибыли. (2) Этому несчастному Городу суждено было пасть и претерпеть зло, поэтому он и не смог получить пришедшую отовсюду помощь, благодаря которой мог спастись, но все сошлось против него с Божьего позволения.

Посмотри на время захвата Города

71 Итак, Город был захвачен при царе Константине, седьмом из Палеологов¹⁰⁰, в конце мая, двадцать девятого числа по ромейскому календарю, в конце 6961 года от сотворения мира, от основания же и заселения Города шел год 1124¹⁰¹.

Эпитафия царю Константину

72 (1) Как я уже сказал, в сражении погиб и сам император Константин; при жизни он был благоразумным и умеренным, в высшей степени рассудительным, заботился о добродетели, был разумен даже среди людей очень образованных, а в политических делах и делах правления он не уступал ни одному из предшествену-

ющих ему славных царей; он быстро понимал, что необходимо, и еще быстрее принимал решения, был красноречив и умен, прекрасно говорил и хорошо размышлял, еще лучше занимался делами, безошибочно оценивал настоящее положение вещей, как кто-то сказал о Перикле¹⁰², в большинстве случаев мог наилучшим образом предсказать вероятное будущее и всегда был готов пострадать ради родины и своих подданных и сделать для них все; и хотя он собственными глазами видел угрожающую Городу явную опасность и мог спастись, как предлагали ему многие, он не захотел этого, но предпочел умереть вместе с родиной и с подданными, вернее, умереть раньше их, чтобы не видеть, как Город падет и как его жители будут или преданы жестокой смерти, или уведены в позорное рабство. (2) Говорят, когда он понял, что враги одолевают его и победно входят в Город через проломы в стене, он громко произнес свою последнюю фразу: «Город захватывают, а я все еще жив?» – и с этими словами бросился в самую гущу врагов и был повержен. Он был благородным мужем и покровителем своего народа, однако несчастным на протяжении всей своей жизни, в конце же ее – несчастнейшим.

Эпилог

(3) Так окончилась история великого города Константина, в свое время достигшего великой славы, могущества и богатства и совершенно затмившего все существовавшие до него города, вызывавшие восхищение своей славой, богатством, силой, величием и многими другими достоинствами.

ДУКА

О жизни византийского историка Дуки мы знаем сравнительно мало. Родился он приблизительно в 1400 году, а умер около 1470 года. Нам не известны ни точная дата и место его рождения, ни личное имя; можно только предположить, что его звали Михаил, — по давней традиции внук часто носил имя своего деда (его упоминает сам историк).

Уже в 1421 Дука исполняет обязанности секретаря при генуэзском подесте Джованни Адорно, занимается составлением дипломатических писем. Его жизнь в основном проходит в Новой Фокее, где у него был дом, и на Лесбосе. В 1452 в Дидимотике Дука наблюдает за приготовлениями Мехмета II к нападению на Константинополь. Во время осады города Дука, вероятно, находится на Хиосе. В столицу он приезжает непосредственно после ее захвата в 1453-м, и там перед ним предстают свежие следы недавней катастрофы. В эти годы Дука находится на службе у правителя Лесбоса Дорино Гаттелузи и часто выполняет дипломатические поручения. Так, в 1455 году он принимает прибывшего в Митилену турецкого адмирала. В том же 1455 году, после смерти Дорино и прихода к власти его сына Доменико, Дука отправляется в Адрианополь с данью для султана от островов Лесбос и Лемнос. Однако ему дают понять, что если Доменико Гаттелузи рассчитывает на расположение султана, то ему следует явиться самому. В 1456 году Дука приезжает в Константинополь уже вместе с Гаттелузи. Мы не знаем точно, в каком году Дука умер; повествование же его заканчивается захватом Лесбоса турками, то есть 1462 годом.

Сохранилась всего одна рукопись «Истории» Михаила Дуки – Pap. Gr. 1310. Она датируется XV или XVI веком. В начале и в конце рукописи не хватает по одному листу. Также отсутствует и заглавие. Неизвестно, начал ли историк писать свое произведение в 1453-м, после падения Константинополя, или же он приступил к работе раньше. Так или иначе, «История» создавалась в 50-е годы и в 1462 году была завершена.

Участвуя в политической жизни своей эпохи, Михаил Дука прекрасно осознавал неизбежность некоторых процессов. Он не строил иллюзий относительно судьбы Византийской империи – ей суждено было погибнуть под натиском турок. И тем не менее в своем сочинении он называет Константина, последнего правителя Византии, ὁ βασιλεὺς, то есть «царь», тогда как турецкого султана – очень редко по имени, а чаще всего – ὁ τύραννος, то есть «тиран», узурпатор. Султан предстает «кровавым зверем», предтечей антихриста. Несмотря на это, Дука уделяет много внимания собственнотурецкой истории. В том, что касается событий, происходивших при дворе Мехмета II, изложенные историком сведения имеют большую ценность. По-видимому, Дука получал интересовавшую его информацию от генуэзцев, которые бывали в турецком лагере.

Дука был сторонником политического союза с католиками. С этим связано и его положительное отношение к Флорентийской унии. Падение Константинополя, а вместе с ним и остатков Византийской империи историк склонен воспринимать как Божью кару, постигшую византийцев за их грехи; при этом он далек от религиозного фанатизма и даже явно его осуждает. Дука не приемлет жесткой позиции схизматиков. Он укоряет жителей Константинополя, которые после принятия унии избегали посещать храм Святой Софии, но в роковой для города день сбежали туда. Историк замечает, что если бы даже теперь, на краю гибели, константинопольцам было бы обещано избавление от врага в обмен на объединение с католиками, они все равно не согласились бы. Жестоко наказан Лука Нотара, утверждавший, что лучше Константинополю оказаться в лапах турок, нежели под властью латинян, – после падения города по приказу султана были казнены его дети, а затем и он сам.

Лейтмотивом произведения является неминуемость катастрофы. Трагизм повествования усиливается литературными аллюзия-

ми. Античное понятие Τύχη сопоставляется с христианскими представлениями о Божественном провидении. Очевидно, Дука верит в высшую справедливость. Византия неминуемо должна погибнуть, но за ее гибелью последует неизбежный закат и империи турок. В этом автор видит проявление мирового порядка.

В основном Дука опирается в своем труде на принцип «аутопсии», то есть сообщает главным образом то, чему сам был свидетелем. В тех случаях, где не работает этот принцип, историк пользуется свидетельствами не только своих соотечественников, но также и турок, о чем сам упоминает в тексте. Современные ученые отмечают правдивость и точность повествования Дуки.

Перевод фрагмента «Истории» Дуки, выполненный А. С. Степановым, впервые был напечатан в «Византийском временнике» (М., 1953. Т. VII). Для настоящего издания он подвергся значительной переработке. Перевод отредактирован по изданию [*Greci V. Ducas Istoria Turco-Bizantina* (1341–1462). București, 1958].

В. В. Чистякова

ИСТОРИЯ (гл. 35–42)

Глава 35. Итак, когда лето 1452 г. прошло и началась осень, тиран¹⁰³, проводя время дома, не смыкал глаз, но днем и ночью думал о Городе, — как бы взять его, как бы сделаться его господином. И вот, когда он был еще в крепости [на Босфоре]¹⁰⁴ и строил ее, из Города пришел один мастер, сооружающий камнеметные пушки; родом этот опытнейший мастер был венгр¹⁰⁵. Задолго до того явившись в Константинополь, он рассказал приближенным царя о своем искусстве, а те доложили об этом самому царю. Царь же назначил ему содержание, недостойное его знаний, — но и его, ничтожное и малое, мастеру не выдавали. Поэтому, отчаявшись, в один из дней он оставил Город и бежал к варвару. А тот, радушно приняв его, оказал почести, снабдил провиантом, одеждой, а также назначил ему плату — такую, что если бы царь дал только четвертую ее часть, не убежал бы этот мастер из Константинополя. Итак, вождь спросил его, может ли он отлить большую пушку, стреляю-

щую огромной величины камнем, способным разрушить прочную и толстую городскую стену. Он же ответил: «Я могу, если ты хочешь, изготовить пушку, которая будет стрелять каменными ядрами любой величины. Я хорошо знаю стены Города: не только их, но и стены Вавилона превратит в порошок выпущенное из моей пушки ядро. Все это дело я отлично выполняю; но самой стрельбы я не знаю и о ней не договариваюсь». Услышав это, вождь сказал: «Приготовь мне пушку; относительно же метанья камня сам посмотри». Начали собирать медь, а мастер изготовил форму для пушки. Итак, в три месяца было сооружено и выплавлено некое чудовище – страшное и необыкновенное¹⁰⁶. (2) В те дни мимо крепости Паскесен проходил из Стомия¹⁰⁷ большой венецианский корабль, – капитаном его был Ритзос. Так как корабль не спустил парусов, из крепости в него метнули огромное каменное ядро: оно пробило корабль, и, когда тот стал тонуть, капитан и остальные тридцать человек сели в лодку и добрались до берега. А турки, схватив их и сковав им руки и шеи цепью, словно на одной веревке отвели их к вождю, находившемуся тогда в Дидимотике. Тот приказал всех их обезглавить, а капитана велел лишить жизни, посадив на кол. Их тела, брошенные без погребения, я видел, когда, спустя немного дней, оказался в тех местах. (3) Явившись из Дидимотики в январе месяце в Адрианополь и подготовив все военное снаряжение, вождь пожелал испробовать пушку, которую соорудил тот мастер. И вот, как следует вложив камень и отмерив пороху, при помощи машин поставили ее пред великими воротами, у входа во дворец, построенный им в тот год¹⁰⁸. Вождь собирался разрядить пушку на следующий день. По всему Адрианоплю было объявлено, что гул и грохот будут, как от грома небесного, и сделали это, дабы от внезапного грохота люди не онемели, а беременные женщины не разрешились преждевременно. Итак, рано утром огонь был поднесен к пороху, воздух нагрелся и вытолкнул ядро, оно вылетело из пушки, наполнив воздух тяжким шумом, окутав все дымом и мглой. Гул же распространился на расстояние до 100 стадиев; а камень упал далеко от того места, откуда был выпущен, – примерно в одной миле. В месте же, где он упал, образовалась яма величиной в сажень¹⁰⁹. Такова сила взрыва пороха, толкающего камень. (4) А вождь ночью и днем, ложась в постель и вставая, во дворце или вне его стен, имел одну думу и

одну заботу: какой бы военной хитростью и с помощью каких машин овладеть Константинополем. Часто, когда наступал вечер, с двумя сопровождающим, иногда верхом, а иногда пешком, он в облике воина обходил весь Адрианополь, слушая, что говорят о нем. И если кто-нибудь из толпы догадывался, что это вождь, и, по обычаю, добрым словом хотел приветствовать его, он тотчас нещадно и безжалостно наносил смертельный удар: подобно тому как иной, растирая блоху, чувствует некоторое удовлетворение, так и он, сам достойный смерти, убивал собственной рукой и находил в этом наслаждение. (5) И вот, в одну из ночей, около второй стражи, послал он нескольких дворцовых стражников привести Халиляпашу. Они явились и передали приказ евнухам, а те, войдя в спальню Халиля, сообщили, что его зовет вождь. Тот же пришел в отчаяние, задрожал, обнял жену и детей и отправился, неся с собой золотое блюдо, полное золотых же монет. В глубине души он всегда боялся – по причине, о которой я сообщал раньше. Войдя в спальню вождя, увидел он его сидящим и одетым. Он поклонился ему и положил пред ним блюдо; а вождь сказал: «Что это, лала?» (как сказал бы кто-нибудь на нашем народном языке: «тата», т. е. наставник). Он же ответил: «Господин! Обычай есть у сатрапов: если вождь позовет кого из вельмож в неурочный час, не являться к нему с пустыми руками. Придя к тебе, я ничего из своего не принес; я принес твоя от твоих». Вождь же ответил: «Еще нет у меня нужды в твоём. Лучше я сам подарю тебе: и притом еще больше. Одного прошу: дать мне Город». Халиль же весь задрожал при этом слове, потому что всегда покровительствовал ромеям¹¹⁰; ромеи считали его своей правой рукой, а его правую руку наполняли дарами. И пели о нем все: «Кавур Ортаги», т. е. «неверных вскормленник, их помощник»¹¹¹. Тогда Халиль сказал в ответ вождю: «Господин! Бог, давший тебе в руки весьма большую часть земли ромеев, даст тебе и Город. Ибо, как мне кажется, при Божьей помощи и твоей силе не ускользнет он из рук твоих. А я и все рабы твои будем помогать тебе, – не только деньгами, а плотью и кровью, – и относительно наших намерений ты не беспокойся». Слова эти на некоторое время смягчили дикого зверя, и говорит он Халилю: «Видишь подушку? Всю ночь бродил я из одного угла спальни в другой, а из другого в следующий, – то ложился, то вставал, и сон не прикасался к очам моим. Итак, я говорю тебе: прель-

щаяся серебром или золотом, не забудь ответа, который дал ты мне сейчас; мы упорно будем бороться с ромеями и, уповая на благоволение Божье и молитву пророка, Город возьмем». Итак, вместе с этими и другими льстивыми речами, в которых содержались и язвительные намеки, от которых сжималось сердце и сохла кровь, вождь отпустил Халилия, говоря: «Ступай с миром!» (6) Проводя ночи без сна, он думал о Городе: брал в руки бумагу и чернила, чертил план Города, показывал сведущим людям, где и как следует поставить боевые машины и устроить укрепления, где провести подкопы и сделать вход в ров, к какой стене приставить лестницы. Проще говоря, всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром все делалось по его приказу, потому что руководил он находчиво и очень хитро.

Глава 36. Пройдем теперь в Город и посмотрим, как его жители думают и заботятся о том, чтобы Город спасся от руки Навуходоносора¹¹². Царь уже послал в Рим послов, прося помощи и соглашаясь с унией, подписанной во Флоренции¹¹³; папа должен был получить поминание во время богослужения в Великой церкви, а патриарх Григорий¹¹⁴ – возвратиться на свой престол. И звал император, чтобы прибыл к нему кто-нибудь от папы, чтобы папа укротил непримиримую вражду схизмы. И вот послал папа кардинала Польши – некогда был он архиепископом Руси – Исидора, мужа умного, рассудительного и сведущего в религиозных догматах, ромея по происхождению, который был одним из выдающихся отцов, присутствовавших на Флорентийском соборе¹¹⁵. С огромным генуэзским кораблем он прибыл на остров Хиос и прожил там немало дней, пока купцы того корабля торговали: что было нужно, продавали, а что им требовалось, покупали; к тому же они ожидали другой корабль, который должен был плыть вместе с ними до Каффы. Кардинал, имея с собой до пятидесяти человек из итальянцев, нанял за плату много других латинян с Хиоса. И вот, когда явился ожидаемый ими корабль, они отплыли с Хиоса, направились в Константинополь и прибыли туда в ноябре месяце 6961 г.¹¹⁶ (2) Царь принял их ласково и оказал им, как приличествовало, почести. Дошли они, наконец, и до разговоров об унии и нашли, что царь был согласен на нее, равно как и отдельные из церковников. Наибольшая же часть священнического и монашеского чина – игу-

мены, архимандриты, монахини, — все были против. Что я говорю «наибольшая»? Монахини побуждали меня говорить и писать, что никто, мол, не соглашался на унию и что даже царь сам соглашался притворно. Тем не менее те из клириков — священники и диаконы, — которые якобы принимали унию, а также царь с синклитом, придя в Великую церковь, пожелали совершить там Богу совместную литургию и без всякой задней мысли вознести молитвы Всевышнему. (3) Тогда сторонники раскола, явившись в монастырь Пантократора, к келье Геннадия — некогда Георгия Схолария¹¹⁷, — сказали ему: «А мы что будем делать?». Тот же, поскольку был затворником, взял бумагу, написал свое мнение и чрез записку объявил и совет свой. А написанное гласило: «О жалкие ромеи! Зачем вы блуждаете, зачем потеряли надежду на Бога и стали надеяться на силу франков? Вместе с Городом, в котором скоро все будет разрушено, теряете вы и свое благочестие. Помилуй меня, Господи! Свидетельствую пред лицом Твоим, что неповинен я в этом грехе. Горожане, знаете ли вы, что происходит? Вас скоро постигнет плен, а вы потеряли унаследованное от отцов благочестие и исповедуете нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд Божий!» Он написал это и многое другое, прикрепил написанное к двери своей кельи и затворился опять внутри, бумагу же все стали читать. (4) Тогда монахини, посвящающие свою жизнь Богу и православию и считающиеся в народе чистыми, по решению своему и своего наставника Геннадия, вместе с игуменами и духовниками, а также с остальными иереями и с мирянами, принялись выкрикивать анафему, проклиная и постановление Флорентийского собора, и тех, кто с ним согласился, соглашается или согласится впредь. И вот беспорядочная и праздная толпа разошлась со двора монастыря по харчевням и принялась там проклинать униатов, держа в руках чаши, полные неразбавленного¹¹⁸ вина, и пить в честь иконы Богоматери, которую призывали быть заступницей и защитницей Города, — как некогда против Хозроя, Хэгана¹¹⁹ и арабов¹²⁰, так и теперь против Мехмета: «Ибо ни помощи латинян, ни унии мы не желаем. Да изыдет от нас богослужение азимитов!¹²¹» (5) Христиане же, собравшиеся в Великой церкви, вознесли Богу долгую молитву, выслушали речи кардинала и согласились с постановлением об унии; сообщая они решили, что когда закончится турецкая осада и настанет спокойствие, некоторые из-

бренные рассмотрят определения, содержащиеся в унии, и, если есть в них что-то не совсем правильное, исправят. В полном согласии пожелали они также, чтобы в Великой церкви служилась общая литургия совместно итальянцами и греками и чтобы в диптихах при этом поминали папу Николая¹²² и находящегося в ссылке патриарха Григория. Священное же это тайнодействие было совершено в декабре месяце, 12-го дня, 6961 г.¹²³ Но были и многие, кто не принял просфоры¹²⁴, словно мерзкой жертвы, совершенной на униатской литургии. Кардинал же ясно видел всякое сердце и всякое намерение греков, и от него не были скрыты их обманы и хитрости. Но, так как и сам он происходил из того же самого народа, он поспешил, хотя и с небольшим рвением, помочь Городу: в ответе папе он довольствовался лишь изложением того, как все происходило; прочее же он возложил на Бога, всякое дело доводящего до конца. (6) Но грубая чернь – враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордыни, выжимки рода эллинов, истинное презрение, презирающее другие народы, – все сущее считала не сущим. Поэтому, когда приверженцы унии беседовали со схизматиками¹²⁵, последние говорили так: «Оставьте! Посмотрим сначала, истребит ли Бог этого врага, который выступил против нас, – этого великого дракона, хвастающего, что полностью проглотит Город: и тогда вы увидите, объединимся ли мы с азимитами». Говоря это, не соображали несчастные, что те великие и нерушимые клятвы, которые они давали во имя Святой Троицы ради сближения и единомыслия христиан, то есть церквей, на соборе в Лионе в дни первого Палеолога, на соборе во Флоренции в дни последнего царя из Палеологов¹²⁶ и, наконец, теперь, на божественном и священном этом тайнодействии, должны истребить с земли самую память о них, а с ними вместе и память о самом Городе. Несчастные! Что вы о пустом заботитесь в сердцах своих? Вот священники Твои, Твои монахини и монахи, служители и служительницы Твоих храмов, которые не пожелали причаститься Пречистого тела и крови из рук греческих священников, совершающих богослужение по церковному преданию Востока. Называя эти обряды оскверненными и нехристианскими, вы избегаете благословения священников и именуете храмы языческими капищами, а завтра будете преданы в руки варваров и осквернены и загажены и душой и телом. Ибо собственными глазами видел я

монахиню, сведущую в божественных словесах, которая не только ела мясо и носила на теле одежды варваров, но и приносила лжепророку жертву и без стыда исповедывала нечестие. Но что же было сделано за эти пять месяцев? Ибо завтра случится сие, и с плачем о том будет поведено. (7) И вот, царь послал некоторых из своих архонтов¹²⁷ на острова и в другие христианские области закупать хлеб, всевозможные плоды и иные припасы, так как весной ожидали прихода тирана. На острове Хиос собралось четыре огромных корабля со всем необходимым: с хлебом, вином, маслом, сушеной винной ягодой, сладкими рожками, ячменем и всяким другим видом плодов. Ожидали еще один грузовой корабль из Пелопоннеса. А когда дождались, пять кораблей с рослыми и мужественными моряками, — а я бы еще сказал: с многочисленными и хорошо вооруженными — поплыли в Константинополь. Все острова были в беспокойстве и печали по поводу Города. И одни люди думали, что Город будет завоеван и взят варварами; другие же полагали, что Мехмет пойдет по протоптанной дороге отца и деда, которые желали взять Город, но обманулись в своих ожиданиях.¹²⁸

Глава 37. И вот, когда прошел месяц январь и начался февраль¹²⁹, приказал Мехмет перевезти пушку к Константинополю. Для этого приготовили тридцать упряжек и пушку тащили шестьдесят быков; я бы сказал: быки из быков. А с боков двести человек с каждой стороны толкали и держали в равновесии пушку, чтобы она не упала. Впереди же упряжек шли пятьдесят плотников, чтобы готовить деревянные мосты для уравнивания дороги, и с ними двести рабочих. Прошли февраль и март, прежде чем пушка оказалась в месте, расположенном от Города в пяти милях. (2) Незадолго до этого времени к крепостям Понта, то есть к Месемврии, Анхиалу, Визе и остальным, был послан с войском Сараджабек, который их завоевал. Подобным же образом он взял штурмом и расположенные неподалеку от Силимврии башни Святого Стефана и перебил всех, кто там оказался. Прочие же укрепления ему сдались, в том числе и Эпиваты. Те, кто сдался, остались невредимы; те же, кто сопротивлялся, были обезглавлены. Силимврия же мужественно оборонялась. (3) И вот, пушка была привезена на то место, куда было приказано, и Сарадже-беку был отдан приказ охранять ее; он с войсками поспешил опустошить окрестности Горо-

да и не давал при этом ромеям возможности выйти из ворот Города. (4) Также там в течение всей зимы находилось три отряда из Мизии и Пафлагонии¹³⁰ для несения стражи – чтобы не вышли ромеи и не совершили набега на турок. Итак, вторжение было огромное, и выйти из Города ромеи не могли. Но в то же время с моря, на диерах и триерах¹³¹, они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие земли и захватывали много пленных: одних убивали, других же приводили в Константинополь и продавали...

(8) Тиран в начале марта месяца послал во все области вестников и глашатаев, объявлявших, что все должны выступить против Города. И вот стали стекаться люди, которые были записаны на военную службу. О незаписанных же, исчисляемых десятками тысяч, кто расскажет? Ибо бежал всякий и каждый, кто слышал клич «против Города»; не бежал лишь тот, кто по малолетству не умел ходить или кто от старости не имел сил бежать. Горожане же молили Бога, чтобы не напал тиран в святую седмицу¹³², поскольку слышали, что он уже на колеснице и приближается. Итак, в пятницу недели обновления Навуходоносор у ворот Иерусалима. Он раскинул свои палатки против Харисийских ворот позади холма. И все воинство его – от Деревянных ворот, находившихся близ дворца, до Золотых ворот, что к югу: и еще от Деревянных ворот до Космидия и к югу – на равнине, которую по кругу опоясывали виноградники; эти виноградники еще раньше были опустошены Караджой. Мехмет осадил Город в апреле, на шестой день, в пятницу после Пасхи. (9) Жители же Города с того дня, как в Великой церкви будто бы произошло церковное воссоединение, бежали от нее, как от иудейской синагоги; и не было в ней ни приношения, ни всесожжения, ни фимиама. Если случалось, что кто-нибудь из иереев в известный день совершал в ней Богу литургию, то молящиеся стояли в ней до момента приношения Святых даров, а затем все выходили: как женщины, так и мужчины; как монахи, так и монахини. Что можно сказать? Храм этот они считали капищем, а жертву – приносимой Аполлону. Об этом и Исаия говорит, как бы из уст Бога: «Вот, Я еще необычайно поступлю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет. Горе тем, которые думают скрыться в глубину, чтобы замысел свой утаить

от Господа, которые делают дела свои во мраке и говорят: «Кто увидит нас? И кто узнает нас?»» По этой причине говорит Господь следующее: «Горе вам, дети Мои – отступники: вы сделали совещание не по мне и договорились не по духу моему, но чтобы приложить прегрешения к прегрешениям»¹³³. (10) Геннадий же не переставал каждый день поучать и обвинять униатов; он сплетал силлогизмы и возражения против мудрейшего и блаженного Фомы Аквината и его сочинений и против господина Димитрия Кидониса¹³⁴, объявляя их еретиками; помощником же его и сообщником был первый советник из царского совета, великий дука¹³⁵, тот самый, который, когда ромеи узрели многочисленное турецкое войско, осмелился сказать против латинян, а скорее – против Города: «Лучше видеть царствующей в Городе турецкую чалму, чем латинскую тиару». А дело в том, что горожане в отчаянии говорили: «О, если бы Город был отдан в руки латинян, почитающих Христа и Богородицу, а мы не ввергнуты в лапы нечестивых!» Тогда-то он и произнес эти слова. Но ведь еще Исаия сказал Езекии: «Выслушай слово Господа Саваофа: вот, придут дни, и все, что есть в доме твоём и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется... И возьмут из сыновей твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, – и они будут евнухами во дворце царя Вавилонского»¹³⁶.

Глава 38. Царь Константин по мере сил всячески заботился о защите Города вместе с живущими в Галате генуэзцами¹³⁷, которые полагали, что если Город будет взят, то и их крепости придется плохо. Поэтому еще раньше послали они в Геную письма с просьбой о помощи; и оттуда им ответили, что на выручку Галате уже движется корабль с пятьюстами гоплитами. Также из Меотийского залива, реки Танаис и из Трапезунда прибыли венецианские торговые триеры; царь и живущие в Городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались, чтобы при необходимости помочь Городу. (2) Подобным же образом прибыл из Генуи некто по имени Джованни Лонго, из рода Джустиниани, с двумя огромными кораблями¹³⁸, на которых было множество великолепных боевых машин, а также вооруженные молодые генуэзцы, исполненные воинственного духа. Этот Джованни был мужем ловким, весьма опытным в схватках и в рукопашных сражениях. Царь принял его, положил жалованье его воинам, осыпал их милостями, а самого

Лонго удостоил сана протостратора¹³⁹, и тот взял на себя охрану стен в районе дворца¹⁴⁰. Ибо можно было видеть, как тиран устанавливает там пушки для метания каменных ядер и всякие другие приспособления для разрушения стен. Также посредством хрисовульной грамоты¹⁴¹ царь обещал подарить Лонго и остров Лемнос – в том случае, если наступление будет отражено, и Мехмет возвратится назад, ничего не получив от Города из того, на что рассчитывает. Латиняне вместе с Джованни воевали героически, делали вылазки из ворот Города, сражались на внешних укреплениях и у рва¹⁴². (3) Нередко ромеи перемахивали через ров и вступали в рукопашные схватки с турками. То они терпели поражение, то побеждали, но все это пользы не приносило, ибо, по правде сказать, на одного ромея приходилось двадцать турок, и как тут можно было уцелеть в открытом бою? Поэтому было решено, чтобы ромеи сражались со стен с помощью орудий: одни метали стрелы из кангр¹⁴³, другие – из луков, третьи пускали свинцовые ядра, которые выталкивал порох, по пяти и десяти сразу. Эти ядра, величиной с небольшие орехи с Понта, обладают такой пробивной силой, что, попадая в человека, облаченного в железные доспехи, пробивают и панцирь, и тело, вылетают наружу и могут при случае угодить еще в одного, а то и двоих, пока не ослабеет сила пороха. Так при помощи одного выстрела можно убить двоих или троих. Обучились этому и турки и пользуются такими вещами и по сию пору. (4) Половина апреля прошла в незначительных схватках, но тиран готовился к большему, и вот собраны были воины призванные и добровольцы сверх всякого числа (свидетели же говорили, что было их свыше четырехсот тысяч)¹⁴⁴. (5) А генуэзцы Галаты еще до прихода тирана, находившегося еще в Адрианополе, отправили послов, чтобы уверить его в своей искренней к нему дружбе и возобновить подписанные раньше договоры. И тот ответил, что он их друг и не забыл свою любовь к ним, вот только бы не оказалось, что они помогают Городу. И они обещали, что этого не будет. Однако, как в конце концов выяснилось, одна сторона смеялась над другой. Ибо жители Галаты думали, что теперь все будет как прежде, когда предки тирана осаждали Город, но ничего не добились и ушли с пустыми руками, а жители Галаты и им свою дружбу выказывали, и горожанам, по мере своих сил, помогали. Так и теперь обманно они выказывали ему дружбу, на самом же деле

тайно помогали в войне Городу. А тиран про себя рассуждал так: «Я позволю змее спать, пока не поражу дракона, а тогда — один легкий удар по голове, и у нее потемнеет в глазах». Так и случилось. (6) По морю к Городу были тогда стянуты и его корабли: триеры, диеры и легкие суда — числом до трехсот¹⁴⁵. Городская же гавань была заперта цепью, протянутой от городских ворот, называемых Красивыми, к берегу Галаты¹⁴⁶; ромейские корабли непрерывным рядом стояли внутри, охраняя гавань и цепь. (7) Из тех пяти кораблей, о которых мы говорили¹⁴⁷, один был царский и вез хлеб из Пелопоннеса, другие же четыре были наняты царем в Генуе и до марта месяца по каким-то своим надобностям стояли еще на Хиосе¹⁴⁸. Когда же наступил апрель, они захотели поднять якоря, но им помешал северный ветер. И испытали граждане Константинополя великую печаль, — равно как и сами моряки. Когда же северный ветер утих и задул южный, корабли вышли из гавани Хиоса. В первый день ветер дул слабо, но на второй усилился, и корабли понеслись по его воле. И пребывали жители Константинополя в ожидании великих благ, хотя и не получили никакой пользы. Итак, когда показались корабли, тотчас тиран словно дикий дракон устремился к своим триерам и остальным кораблям и приказал им сделать одно из двух: или захватить суда, или помешать им войти в гавань. Тогда турецкие корабли вышли из гавани за Золотые ворота и остановились в море, ожидая прибытия судов. А те двигались тем же путем с намерением миновать акрополь Святого Димитрия¹⁴⁹ и войти в залив Золотого Рога, но тут их встретил турецкий флот. Море же в тот час было спокойно, и ветер стих. И можно было видеть удивительное зрелище: море было усеяно мачтами трех сотен турецких и пяти больших судов и будто превратилось в сушу; тучи стрел мешали даже опустить весла на воду. Моряки же генуэзских кораблей, будто крылатые орлы, метали сверху из цангр стрелы как молнии, разбивали неприятельские корабельные снасти и учинили туркам великое побоище. Тиран же, охваченный гордыней, верхом въехал в море, будто бы желая пересечь пучину и на коне доплыть до своих кораблей, — настолько он был сердит на своих; за ним последовало и войско в боевых доспехах. В это время подул ветер, паруса надулись, и генуэзские корабли, врезавшись в строй турецких судов, поплыли, держа путь в гавань; турецкие же суда остались стоять на месте. Пусть даже перед гену-

эзскими кораблями в то время стоял бы и весь варварский флот, пять этих кораблей могли бы пустить ко дну все триста судов. Однако тиран, не зная морской науки, только кричал, а великий начальник флота не хотел его слушать, поскольку все приказания были неразумны. Тогда разгневанный тиран приказал флоту отойти к Двойным колоннам¹⁵⁰, а великого начальника флота велел привести к себе. И вот, тот был приведен и брошен на землю, и пока четверо прислужников его держали, вождь своими собственными руками бил его и нанес ему сто ударов золотой палицей, головка которой, сделанная из чистого золота, весила пятьсот фунтов¹⁵¹; эту палку он сам изготовил забавы ради. Человек же этот происходил из болгар; он был сыном одного из архонтов Болгарии по имени Палда. Задолго до этого он был обращен в рабство, отрекся от религии отцов и стал наследственным рабом Мехмета. Именно он за четыре года до того ходил на Лесбос и захватил там огромное количество пленных. Однако к своим морякам он относился недружелюбно и отнимал у них их добычу. Увидев, как тиран оскорбляет и избивает этого человека, один из азапидов¹⁵² поднял камень, ударил его по виску и выбил ему глаз¹⁵³. Корабли же тем временем подошли к гавани, и жители Города, опустив цепь, дали им дорогу. (8) Тогда тиран, видя перед собой восемь больших кораблей, более двадцати малых и, кроме того, царские триеры, триеры венецианцев и очень много других малых судов, понял, что гаванью завладеть невозможно. Однако пришла ему в голову отважная и достойная воина мысль. Он приказывает прямоком посуху пройти через лощины за Галатой, — от места, что к востоку, ниже Двойных колонн, до другого места Галаты, на берегу залива Золотой Рог, против Космидия. И когда разровняли, насколько могли, путь, поставили на катки диеры и подняли паруса, он приказал волочить суда по суше от переправы Стомия и спустить их в залив Золотого Рога. Так и было сделано. И стали волочить суда: на каждом был и помощник кормчего, и сам кормчий; третий же, управляющий снастями, натягивал паруса; кто-то бил в бубен, кто-то играл на трубе, распевая моряцкую песню. И, плывя так с попутным ветром, прошли они всю сушу, лощины и потоки, — пока, наконец, не достигли залива и не спустили в него восемьдесят диер¹⁵⁴; остальные же тиран оставил там, где они стояли раньше. Кто видел что-либо подобное или о чем-либо по-

добном слышал? Ксеркс построил мост через море, и все его столь многочисленное войско прошло по нему, как по суше¹⁵⁵. А этот новый Македонянин¹⁵⁶, последний, как мне кажется, тиран из своего рода¹⁵⁷, сушу превратил в море и как по волнам, провел корабли по вершинам гор. Но он выше Ксеркса. Ибо тот, перейдя Геллеспонт, был посрамлен афинянами и повернул назад. Этот же, перейдя сушу как море, сокрушил ромеев и взял царицу городов — золотые Афины, истинную красу мира. (9) Так обстояли дела на море. На суше же он поставил огромную пушку напротив стены близ ворот святого Романа, и мастер навел пушку на цель. По бокам стояло еще две сооруженные пушки, выбрасывающие искусно изготовленные ядра весом примерно в пятьдесят фунтов. И, когда мастер хотел разрядить большую пушку, он пристреливался, посылая снаряд сначала из малой, и только потом стрелял уже из самой большой. И когда раздался первый выстрел, и жители Города услышали гул, они онемели от ужаса и закричали: «Господи, помилуй!» (10) Тогда сбылось сказанное Богом через Иеремию: «Для чего мне ладан, который идет из Савы, и благовонный тростник из дальней страны? Всесожжения ваши неуютны, и жертвы ваши неприятны Мне. Посему так говорит Господь: вот, Я полагаю пред народом сим преткновения, и преткнутся о них отцы и дети вместе, сосед и друг его, и погибнут. Так говорит Господь: вот, идет народ от страны северной, и народ великий поднимается от краев земли; держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосерды, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою, дочь Сиона»¹⁵⁸. Мудрец же этого зла, мастер, придумал некий способ, чтобы пушка не разорвалась. Как мне известно, пушка выпускала снаряды, но после выстрела, если не была защищена и прикрыта войлоками из толстой шерсти, давала трещину, подобно стеклу. Однако даже после принятых мер, дважды или от силы трижды выстрелив, орудие обычно раскалывалось, как только воздух проникал в образовавшиеся в металле пустоты и углубления. Что же сделал мастер? После того как из пушки вылетал снаряд и она дымилась от испарений селитры и серы, он тотчас же обильно смазывал ее маслом, которое заполняло пустоты и теплом своим не позволяло образовываться трещинам; и пушка стала легко производить выстрелы, пока не довершила разрушения Города. И еще после этого она осталась целой и дей-

ствует по желанию тирана. (12) Итак, от выстрела стена дрогнула, и мастер хотел снова пустить в то же самое место еще один камень. Находившийся там посол Янк¹⁵⁹ с усмешкой сказал: «Если хочешь, чтобы стены легко упали, направь пушку в другую часть стены, на пять или шесть саженей в сторону от места попадания первого снаряда, — и тогда, равняясь по первому, пускай второй снаряд. А когда точно попадут два крайних, тогда бросай и третий, — так, чтобы все три снаряда образовали треугольник, и тогда увидишь, как рухнет эта часть стены». Мастеру понравился совет, он ему последовал, и все так и вышло. (13) А почему этот венгр решил дать совет тирану, я сейчас расскажу. Царь Венгрии в том году получил Римскую империю, был коронован папою Николаем и препоясался во власть свою¹⁶⁰; Янк же потерял свою опекунскую власть, поскольку всю заботу об управлении взял на себя царь и император¹⁶¹. Из договора с Мехметом о дружбе, заключенного на три года, — уже прошло полтора, — Янк объявил Мехмету: «Государственную власть передал я господину моему и с настоящего времени не могу отвечать за то, что обещал: возьми грамоты, которые ты дал, отдай наши и делай с царем Венгрии, что хочешь». Это и было причиной прибытия посла. Относительно же совета, который, как христианин, не должен он был давать, пишу так, как слышал. Говорят, что после третьего поражения, о котором уже говорилось¹⁶², Янк, спасаясь бегством, возвращался в отечество не так, как хотел и как было прилично. Он встретился с одним из боговдохновенных мужей и рассказал ему обстоятельства поражения, сетуя на то, что счастье оставило ромеев и с веселым лицом стало взирать на нечестивых. Старец же отвечал: «Знай, сын: пока не придет ромеям окончательная погибель, счастье не улыбнется христианам. Ибо необходимо, чтобы Город был разрушен турками: тогда и несчастья христиан придут к концу». Итак, зная об этом пророчестве, посол Янк желал, чтобы Город скорее был взят, и своим советом научил турок, что надо делать, чтобы стена легко упала. (14) И вот рухнули наземь две части стены и стоявшая в середине между ними башня, упала башня у ворот Святого Романа, и те, кто был внутри и снаружи, увидели друг друга. (15) Джованни Джустиниани со всеми своими людьми и с дворцовыми воинами храбро сражался, а вместе с ним и небольшая часть вооруженных мужей из Галаты, ибо и они выказывали любовь к Городу. Они

выходили из стен Галаты на равнину, безбоязненно подходили к турецкому лагерю и в изобилии давали тирану все необходимое и искомое: масло для орудий или иное, что требовали турки. В то же время они тайно помогали ромеям, переправлялись к ним по ночам, вместе с ними сражались весь день, а с наступлением ночи в Городе их сменяли другие, они же проводили время в своих домах или в турецком лагере и при этом старались делать все это в тайне от турок. (16) Венецианцы же вместе с ромеями сражались против турок у Царских воротах до Кинигесия. (17) Великий же дука с пятьюстами вооруженными обходил весь Город, повсюду воодушевлял воинов, проверял караулы и определял число погибших. И это делалось каждый день. А нечестивец не начинал настоящего штурма, выжидая, пока его гадатели укажут подходящий момент. (18) Царь же, увидев, как упали стены, истолковал это и как недоброе знамение для Города, и как несчастье для себя самого, ибо со времен Константина святейшего¹⁶³ в столь великих войнах со скифами, персами и арабами никогда еще не случалось, чтобы упал со стен хотя бы один камень весом хотя бы в один фунт. Поэтому теперь, увидев все это: и великое бесчисленное войско, и столь сильный флот, и широкий путь в Город, открытый для врага, — царь пришел в отчаяние и потерял всякую надежду. Он отправил послов к тирану с просьбой, чтобы тот наложил какую хочет ежегодную дань, пусть и непосильную, взял и все прочее, чего ищет, но только удалился отсюда и даровал им мир. Тиран же сказал: «Невозможно мне удалиться: или я возьму Город, или Город возьмет меня, живым или мертвым. Если же ты хочешь уйти из Города с миром, я дам тебе Пелопоннес, а твоим братьям¹⁶⁴ — другие области, и будем друзьями. Если же ты мирно не предоставишь мне входа в Город и я войду в него с боем, то всех твоих вельмож и тебя я поражу мечом, а весь остальной народ отдам на растерзание всем из нашего войска, кто пожелает; мне же хватит и пустого Города». Услышав это, царь не мог принять никакого решения, ибо невозможно было допустить, чтобы Город из рук ромеев был передан туркам. Ведь если бы это случилось, в какой христианский город ромеи могли бы переселиться, на каком пути или в каком месте их бы не оплевывали, не поносили и не оскорбляли? Не только христиане, но сами турки и евреи стали бы презирать их. (19) Тогда Джустиниани Лонго задумал приблизиться ночью к неприятель-

ским диерам и сжечь их. И вот, он подготовил одну из триер, посадил на нее опытейших итальянцев, погрузил всевозможные механические приспособления, и судно стояло, ожидая своего часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что происходит, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали дожидаться латинян. Латиняне же, ничего не зная о том, что жители Галаты сообщили обо всем нечестивцам, около полуночи подняли якоря, и триера бесшумно приблизилась к турецким судам¹⁶⁵. Турки же, бодрствовавшие в течение всей ночи, поджигают порох в пушке. И вот, в триере был пущен камень, который с величайшим шумом ударил в нее, погрузил вместе с моряками в воду и утопил в глубине. Это происшествие ввергло латинян в страх и беспокойство, а Джованни в немалое уныние, ибо все свыше полтора человека потонувших были с его корабля – юноши проворные и очень воинственные. Турки же, возгордившись, подняли громкий победный крик, – и те, которые были на кораблях, и те, которые были в палатках; они шумели так сильно, что, казалось, земля на том месте сотрясается, а жители Города и жители Галаты закричали от страха. (20) Когда наступил день, турки радостно и самоуверенно продолжали осаду Города, гордясь неожиданным потоплением триеры. Они вставили в дуло пушки другой камень, тоже преогромный. Близ ворот Галаты стоял корабль, груженный товарами всевозможных видов. Он должен был отплыть в Италию, потому что сам корабль и груз принадлежали купцам Галаты. Турки же выпустили в него камень, который рассек чрево корабля; совершенно разрушенное, судно затонуло в пучине. Этот дар был воздаянием нерушимой дружбе, которую выказывали туркам жители Галаты. Ибо в тот же самый день отправились они к турецким вельможам, зывая: «Мы ваши друзья и, поступая по дружески, сообщили вам о готовящемся нападении триеры. И конечно, если бы мы не известили вас об ее отплытии, восемьдесят ваших судов, вошедших в залив по суше, и все великие труды оказались бы ни к чему, ибо в пепел и золу, думается, превратили бы эти суда ромеи. Вы же в благодарность причинили нам величайший вред». Вельможи ответили: «Не знали мы, что это ваш корабль; мы так поступили, будучи уверены, что это корабль наших противников. Мужайтесь и молитесь, чтобы мы взяли Город. Ибо это уже не за горами, и ждать осталось недолго, – вот тогда мы и

рассчитаемся с вами и за ущерб, и за все прочее, чем вам обязаны». Услышав эти медовые слова, ушли жители Галаты и не знали, несчастные, что спустя немного времени с ними самими и с городом их произойдет то же, что с Городом Константина. (21) Тирани же построил деревянный мост от берегов Галаты в сторону Кинигесия. А постройка его шла так: приказывает тиран собрать свыше тысячи пустых винных бочек; их связывают канатами, — так, чтобы получился один длинный ряд бочек и другой, подобный первому; затем, соединив и скрепив оба ряда и приколов с обеих сторон бревна, настилают поверх доски. И мост получился такой ширины, что по нему без труда проходило пять пеших воинов в ряд.

Глава 39. Итак, приготовив все так, как ему казалось хорошо, Мехмет отправил в Город послов сказать царю: «Знай, что к штурму уже все готово, и теперь наступает время осуществить уже давно задуманное нами. Исход же нашего намерения оставляем Богу. Что скажешь? Хочешь ли оставить Город и уйти отсюда вместе с твоими архонтами и их имуществом, чтобы народ не потерпел вреда ни от нас, ни от тебя? Или хочешь сопротивляться — и тогда ты и твои приближенные потеряете и имущество, и жизнь, а народ, плененный турками, будет рассеян по всей земле?» Царь же с синклитом¹⁶⁶ отвечал: «Благодарение Богу, если ты желаешь жить в мире с нами, подобно отцам твоим. Ибо они почитали моих родителей за отцов своих и оказывали им соответствующее уважение; Город же этот они считали отчизной — ведь во время опасности все они приходили и спасались здесь. А из нападавших на него никто не жил долго. Владей же будто бы по праву несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей; отстригай и дани, — такие, какие в наших силах ежегодно давать тебе, — и уйди с миром. Ибо как знать: надеясь выиграть, получишь ли ты что-нибудь? А отдать тебе Город не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по общему нашему решению все мы добровольно умрем и не пощадим наших жизней». (2) Услышав это и отчаявшись без боя получить Город, тиран приказал, чтобы об этом было объявлено во всем войске и назвал день штурма. При этом он поклялся, что не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен Города: «Всякое же иное сокровище и пленные пусть достанутся вам». Тогда все благодарили его.

(3) Когда же настал вечер, то, послав кругом лагеря глашатаев, повелел он около каждой палатки зажечь большие огни и костры, а затем поднять с шумом и воплем свой нечистый воинский клич, обличающий их нечестие. И видно было, и слышно необыкновенное диво: ибо огни, разлившись по земле и по морю, яснее солнца освещали весь Город, Галату, все корабли и суда. За Скутари вся поверхность моря сверкала будто блеском молнии. О, если бы на самом деле это была молния, не только освещающая, но сжигающая и уничтожающая! Ромеи же думали, что в неприятельском лагере начался пожар, и выбежали на развалины стен. Видя пляски и слыша радостные военные кличи турок, они представили себе свое будущее и с сокрушенным сердцем зывали к Богу: «Господи! Пощади нас в праведном гневе Твоем и избавь нас от рук супостата!» Простолюдины, едва завидев столь величественное зрелище и услышав крик, обмерли, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. (4) Джованни же всю эту ночь провел в трудах. Повелев все найденные в Городе ветки собрать и сложить в развалинах, он соорудил изнутри другой ров, чтобы защищать разрушенные стены¹⁶⁷. И увидели ромеи, что теперь путь в Город открыт, а они даже не могут выйти за ворота и противостоять туркам во внешнем укреплении, поскольку стены обрушились и уже не могут служить им прикрытием. Некоторые из стариков знали один подземный ход в нижней части дворца, надежно обустроенный за много лет до этого; они известили об этом царя, по его приказанию ход был открыт: и воины вышли из него, под защитой сохранившихся здесь в целости стен, и на валу сразились с турками. Эта потайная калитка некогда называлась «Керкопорта»¹⁶⁸. (5) В воскресенье повелел тиран начать общий штурм. Всю ночь с самого вечера не давал он покоя ромеям. Это воскресенье пришлось на день всех святых, на двадцать седьмое мая¹⁶⁹. (6) Когда же засиял день, начал он штурм, который до девятого часа был не слишком напорист. После же девятого часа он разместил войско от дворца до Золотых ворот, а восемьдесят судов от Деревянных ворот до Платеи. Другие же суда, стоящие у Двойных колонн, окружили Город с моря, начиная от Красивых ворот вдоль акрополя Святого Димитрия и Малых ворот, что в монастыре Одигитрии, вдоль Великого дворца и порта, вплоть до Вланка; каждый из кораблей был снабжен лестницами, по высоте равными стенам, и всяким другим

снаряжением. (7) И вот, когда зашло солнце, раздался сигнал, во втором же часу ночи сам тиран выехал верхом, и началось великое сражение. На упавших стенах с оборонявшимися как львы защитниками сражались его верные рабы, молодые и сильные, числом свыше десяти тысяч. Позади же и с флангов — мужи воинственные, конные, свыше ста тысяч. В нижних же частях до гавани Золотых ворот — другие сто тысяч и более; а от места, где стоял вождь, и до оконечности дворца — еще пятьдесят тысяч; а на палубах судов — свыше всякого числа. (8) Защитники Города разделились: царь с Джованни Джустиниани стояли на упавших стенах, за укреплениями, на валу, и с ними примерно три тысячи латинян и ромеев, великий дука — в Царских воротах, и при нем — около пятисот воинов: стены же, выходящие к морю и укрепления от Деревянных ворот до Красивых ворот охраняло свыше пятисот метальщиков и стрелков; от Красивых ворот по всей окружности вплоть до Золотых ворот у каждого стенного зубца стоял один стрелок, метатель дротиков, или метальщик камней. Итак, всю ночь они провели бодрствуя и вовсе не ложились спать. (9) Турки же с вождем спешили приблизиться к стенам, неся бесчисленные, заранее приготовленные лестницы. Тиран, стоя позади войска с железным посохом в руках, гнал своих стрелков к стенам — где лестью и уговорами, а где и угрозами. Защитники Города мужественно сопротивлялись, сколько хватало сил. Со своими людьми тут же находились отважный Джованни и царь в военных доспехах; оба они дрались вместе со всем своим войском. (10) Когда военное счастье уже склонялось на сторону турок, лишил Бог войско ромеев их вождя — гиганта ростом, доблестного воина. Ибо, еще в темноте, его поразила в руку свинцовая пуля, пробившая железные доспехи¹⁷⁰. А были они кованы как оружие Ахиллеса¹⁷¹. Не мог он больше оставаться из-за ранения и говорит царю: «Не теряй отваги; я же пойду на корабль, а после перевязки вскоре вернусь». Исполнилось в тот час сказанное иудеям чрез Иеремию: «Так скажите Седекии. Так говорит Господь, Бог Израилев: вот, я обращу назад воинские орудия, которые в руках ваших, которыми вы сражаетесь с царем Вавилонским и с халдеями, осаждающими вас вне стены, и соберу оные посреди города сего; и сам буду воевать против вас рукою простертою и мышцею крепкою во гневе и в ярости и в великом негодовании; и поражу живущих в

сем городе – и людей и скот; от великой язвы умрут они. Не пощажу их, и не пожалею их»¹⁷². Царь же, увидев, что Джованни удаляется, оробел, равно как и те, кто находился с ним; тем не менее они продолжали сражаться что было сил. (11) Турки же, прикрываясь щитами, понемногу приблизились к стенам и стали приставлять лестницы. Но им мешали сбрасываемые сверху камни, они ничего не достигли и, встретив отпор, остановились. Ромеи же вместе с царем выстроились напротив врагов и все свои желания и силы устремили на то, чтобы не позволить туркам прорваться через упавшие стены в Город; а тем временем пожелавший этого Бог тайно ввел их в Город другой дорогой. Увидев ворота, о которых мы говорили выше, отпертыми¹⁷³, они ворвались внутрь Города, и около пятидесяти из названных мужей, рабов тирана, поднялись на стены¹⁷⁴; дыша огнем, они убивали вышедших им навстречу и наносили раны стрелкам. Это было зрелище, вызывающее содрогание: ромеи и латиняне старались помешать придвинуть к стенам лестницы, но одних воинов зарубили, а другие, закрыв глаза, бросались вниз со стены, разбивались и ужасным образом лишались жизни. Теперь турки уже беспрепятственно приставляли лестницы и поднялись на стену, словно парящие орлы. (12) Ромеи же, бывшие с царем, не знали о происшедшем, потому что турки ворвались в Город далеко от них, а все их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо на одного ромея приходилось двадцать турок, людей воинственных, да и не были сами ромеи столь великими воинами, как их враги – турки. Итак, все внимание и забота ромеев были направлены против противоборствующих им турок. Вдруг в это время они заметили, что сверху летят стрелы и поражают их. Посмотрев же вверх, видят они турок; увидев же, обращаются в бегство. И, не имея возможности войти через так называемые Харисийские ворота, они толпятся и теснят друг друга; более сильные топчут слабых и входят в Город. Тогда войско тирана, увидев бегство ромеев, в один голос завопило и вбежало за наружную стену, топча и убивая несчастных. Ворвавшись туда, они не могли войти в ворота внутренней стены, потому что те были загорожены телами упавших и испутивших дух. Поэтому весьма многие двинулись в Город через проломы в стенах, а выходящих им навстречу убивали. (13) Царь же, стоя и держа в руках меч и щит, в отчаянии сказал

следующее достойное скорби слово: «Не найдется ли кто из христиан, чтобы отрубить мне голову?» Ибо он был совершенно покинут всеми. Один турок нанес ему удар в лицо и ранил; но и царь ответил турку ударом. Другой же турок, оказавшийся позади царя, нанес ему смертельный удар, и он упал на землю. Но они не знали, что это царь, и, умертвив его, оставили лежать, как простого воина. (14) Входя в Город, турки потеряли только троих. А был первый час дня, когда солнце еще не воссияло над землей. Войдя же турки рассеялись от Харисийских ворот до дворца, и каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Так они убили мужей-воинов до двух тысяч. Турки боялись, поскольку всегда считали, что внутри Города найдут самое меньшее около пятидесяти тысяч воинов. Поэтому они и убили две тысячи. А если бы они знали, что во всем войске не более восьми тысяч, они не стали бы никого убивать, ведь род этот жаден до денег, и если даже убийца отца попадет им в руки, и того за золото они отпустят. Что же говорить о тех, кто не причинили этому роду обид, но сами от него их претерпели? И в самом деле: после войны я встречался со многими турками, и они рассказывали мне: «Опасаясь тех, которые впереди, мы убивали всех, кто попадался раньше других. Но если бы мы знали, что в Городе такой недостаток воинов, мы бы всех их продали, как овец». (15) Из придворных азапидов, которые называются также янычарами, одни побежали во дворец, другие — к монастырю великого Предтечи, называемому Петра, и в монастырь Хоры, в котором тогда находилась икона Пречистой Богоматери¹⁷⁵. А там — «О, язык и уста, намеревающиеся высказать, что случилось с иконой из-за прегрешений твоих!» Поскольку неверные торопились и в другие места, один из нечестивцев занес топор и своими нечистыми руками разрубил икону на четыре части, и все взяли выпавшие им по жребию куски с украшениями и, прихватив драгоценные сосуды монастыря, ушли. (16) Войдя в дом протостратора, отперли они издавна, с давних дней собиравшиеся сокровища, подняли благородных женщин с постели (уже наступило двадцать девятое мая, дело было утром, когда сон сладок глазам юношей и девушек, которые беззаботно, в полной уверенности, спали, как вчера и позавчера). (17) Многочисленная толпа нечестивцев бегом устремилась к Великой церкви, и везде можно было видеть такую картину, о которой сейчас расскажу. Было раннее утро, еще толь-

ко-только светало, многие ромей после вторжения турок в Город и бегства горожан пришли к своим жилищам, чтобы позаботиться о детях и женах. Когда они, обрызганные кровью, проходили кварталами Тавра и пробегали мимо колонны Креста, женщины спрашивали их: что же случилось? И в ответ слышали ужасные слова: «Неприятели в стенах Города и убивают ромеев». Сначала они не верили и, по правде сказать, даже ругали и выражали презрение этим дурным вестникам. Видя же позади другого, а после — еще одного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша гнева Господнего. И тогда все женщины и мужчины, монахи и монахини побежали в Великую церковь, неся на руках своих детей и оставив свои дома всякому желающему войти. И можно было видеть, что улица забита, переполнена людьми. (18) Но разве могли все войти в Великую церковь? За много лет до этого слышали они от неких лжепророков, будто бы Город будет сдан туркам, которые ворвутся внутрь с великою силою, учинят резню повсюду и дойдут до колонны великого Константина. После же этого сошедший с неба ангел, неся меч, вручит царство, вместе с мечом, некоему безвестному человеку, который будет стоять в то время у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ Господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромей будут преследовать и разить их, и выгонят их и из Города, и из областей, западных и восточных, вплоть до пределов Персии, до места, называемого «Монодендрий». Памятуя об этом, некоторые побежали и другим советовали бежать. Теперь ромей решили осуществить то, что было давно задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, то избежим грядущего Божьего гнева». По этой причине они и побежали в Великую церковь¹⁷⁶. Итак, этот огромный храм в один час наполнился мужчинами и женщинами; и внизу, и вверху, и в боковых приделах, и во всяком месте стояла толпа бесчисленная. Они заперли двери и стояли, уповая на спасение. (19) О несчастные ромей! О жалкие! В храме, который вчера и позавчера вы называли вертепом и жертвенником еретиков и внутрь которого ни один из вас не входил, дабы не оскверниться, потому что внутри его священнодействовали принявшие унию, в этом храме теперь, когда грянул гнев Божий, вы ищете спасительное избавление. Но и обрушившийся справедливый Божий гнев не подвигнул ваши души к миру. Ибо даже

в столь великой опасности, если бы ангел сошел с неба и сказал: «Если примете унию и объединение церкви, я выгоню врагов из Города», вы не согласились бы. А если бы и согласились, ложью было бы согласие. Знают это те, кто несколько дней тому назад говорил: «Лучше попасть в руки турок, чем франков». (20) Турки, нападая, убивая и беря в плен, пришли к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, обнаружив, что ворота заперты, без промедления разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо никто не сопротивлялся, но всякий сдавался, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, — кто расскажет? Какой-то турок отыскивает себе самую милостивую; вот он нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывает и уже вяжет ее; причина этой борьбы и пленения — локоны, обнажившиеся груди и сосцы, вздетые в горе руки. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девушек, которых не видело солнце, которых едва видел родитель, волокли разбойники; если же они пытались защититься, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее в безопасное место и, отдав на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители Божии, и в один час все оказались связаны: мужчины — веревками, а женщины — своими платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святилищ храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: пленники плачут, стенают, и никто их не жалеет. (21) Как я мог бы рассказать вам о храме? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитили украшения, ожерелья и браслеты, а также покров с алтаря. Блестящие лампы — одни портили, другие забирали; золотые, серебряные и из другого ценного материала изготовленные святые сосуды в один момент унесли из священного хранилища, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего там не оставив. (22) Тогда сбылось и сказанное Богом на новом Сионе чрез пророка Амоса: «Говорит Господь Бог, Бог Саваоф. Ибо в тот день, когда Я взыщу с Израиля за преступления его, взыщу и за жертвенники

в Вефиле, и отсечены будут роги алтаря и падут на землю. И поражу дом зимний вместе с домом летним, и исчезнут дома с украшениями из слоновой кости, и не станет многих домов, говорит Господь»¹⁷⁷. «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесете Мне всежожение и хлебное приношение, я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших. Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать»¹⁷⁸. «Тогда Господь сказал мне: приспел конец народу моему, Израилью; не буду более прощать ему. Песни чертога в тот день обратятся в рыдание, говорит Господь Бог... Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих, – вы, которые говорите: когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота – чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать немощных за серебро...»¹⁷⁹ «И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня, и обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши – в плач»¹⁸⁰. (23) Случилось так, что в страшный день гибели Города праздновалась и восхвалялась память преподобной мученицы Феодосии. Совершалось всенародное празднество, и очень многие мужчины и женщины всю ночь с вечера оставались у гробницы преподобной. Еще больше народу пришло рано утром, с наступлением дня; но женщины с мужьями своими, отправившись на поклонение в праздничных украшениях и нарядах, неся восковые свечи и курения, неожиданно попались в силки турок. Ибо как могли они узнать о разразившейся внезапно грозе при столь великой ширине Города? Видевшие знают его величину. (24) Гроза эта, о которой мы говорили, разразилась и пылала и у Харисийских ворот, и у ворот Святого Романа, и со стороны дворца. Сопротивление же кораблей в гавани не давало туркам возможности приставить здесь к стенам лестницы. Ромеи были сильнее турок, они бросали камни и метали стрелы до третьего часа дня, пока не подошли те турки, которые с раннего утра уже разбойничали внутри Города. Увидев, что ромеи сражаются против тех, которые находились еще снаружи, они с громким криком побежали на верх стены. Ромеи же, увидев турок внутри Города, со скорбным воплем: «Горе мне», – попадали со стены, ибо не осталось у них боль-

ше сил и бодрости. Тогда и те, кто был на кораблях, увидев турок внутри стен, поняли, что Город взят, как можно скорее приставили к стенам лестницы и устремились внутрь, а затем, разбив ворота, все вошли внутрь. (25) Великий же дука, увидев турок, дошедших до того места, где он стоял, — вместе с пятьюстами воинами он охранял Царские ворота, — прекратил оборонять ворота и отступил с немногими к собственному дому. Конечно, все они рассеялись: одни, прежде чем достичь своего жилища, оказались в плену; другие же добрались до своих домов, но увидели, что нет в них ни детей, ни жены, ни вещей, и, не успев даже поднять крики и плач, оказывались связанными; иные же, приходя в свои жилища, заставали жену и детей уже в руках турок, и их связывали и сковывали вместе с любимейшими и супругой. Турки безжалостно убивали всех стариков и старух, которые находились в доме и не могли выйти из жилища из-за болезни или старости, и выбрасывали на улицы новорожденных младенцев. (26) И вот, великий дука увидел, что дочери его, и сыновья, и жена — а она хворала, — заперлись в башне и не дают туркам войти, но тут и его схватили вместе с теми, кто за ним следовал. Тиран послал своих людей сторожить дуку и весь его дом, тем же туркам, кто схватил его и окружил дом, дал много серебра, чтобы сделать вид, будто он выкупил у них пленных ради соблюдения клятвы. Таким образом охранялся весь этот дом. (27) Турки же, войдя в Город, все — даже конюхи и пекари — волокли награбленное. (28) Тем временем Джованни Джустиниани, о котором шла речь выше, отправился на корабль, чтобы подлечить полученную им рану. Когда он еще находился в гавани, неожиданно примчались бегом некоторые из его воинов, которые рассказали, что турки вошли в Город и что царь убит. Услышав это страшное и горчайшее известие, Джустиниани приказывает глашатаям трубить в рога, чтобы созвать всех его щитоносцев и матросов. (29) Подобным же образом стали готовиться к отплытию и остальные корабли, многие из которых лишились своих капитанов, попавших в плен. А на берегу гавани можно было наблюдать зрелище, достойное жалости: отчаянно кричали мужчины, женщины, монахини, монахи; они били себя в грудь и просили тех, кто был на кораблях, взять их с собой. Но это было невозможно, и предопределено им было разом испить чашу, исполненную гнева Господнего. Ибо моряки, хотя бы и хотели, не могли

сделать этого, ведь если бы люди с судов тирана не были заняты разбоем и грабежом в Городе, они не позволили бы ни одному кораблю выйти в море. Но турки, оставив свои суда, все находились в стенах Города, и потому латиняне, уловив удобный момент, вышли из гавани. Тиран скрежетал зубами, но сделать больше ничего не мог и против воли смирился. (30) Жители же Галаты, увидев это страшное бедствие, с женами и детьми побежали на морской берег, разыскивая лодки. И если находили челнок, садились в него и устремлялись на корабли, бросая вещи и жилища. А было много и таких, которые в ужасе бросали в пучину свои сокровища и учиняли другой страшный вред. Один из визирей тирана, по имени Заган, который был любим тогда Мехметом, ибо рукоплескал тирану, желавшему войны¹⁸¹, примчался в кварталы Галаты и закричал: «Не бегите!» – и под присягой клялся головою тирана, говоря: «Не бойтесь, вы – друзья вождя, ваш город неприкасаем, и договоры, которые вы имели с царем, с нами будут еще прочней; а о прочем не заботьтесь, чтобы не прогневить вождя». Сказав это, Заган попытался воспрепятствовать франкам покинуть Галату, но все, кто смогли, все-таки убежали. Остальные же, посоветовавшись между собой, взяли ключи от укрепления и со своим подестой¹⁸² отправились на поклон к тирану. Они приветствовали его и отдали ключи; а тиран с великой радостью ключи взял и отпустил их с веселыми словами и взором. (31) Из всех кораблей только пять больших подняли паруса; другие же отплыть не смогли, ибо команды их покинули, а капитаны, ища спасения, бежали на других кораблях. И вот, эти корабли уплыли, оставив своих капитанов в плену и спаслись. Итак, они вышли из гавани и, дождавшись северного ветра, поплыли на всех парусах, стеная, рыдая и оплакивая бедствие Города. Подобным образом поступили и купеческие триеры венецианцев. (32) Турки же, находившиеся на судах, обнаружив собравшийся за Городом народ, – мужчин и всех женщин, – собрали всех, кто был, и посадили на суда. Остальной же народ расположился вне Города в палатках лагеря, как скот в хлевах.

Глава 40. Все это происходило от первого часа дня до восьмого. Тогда и тиран, отбросив всякое подозрение и страх, вступил внутрь Города вместе со своими визирями и другими сатрапами¹⁸³; впереди и позади двигались его рабы, искусством стрельбы

превосходящие Аполлона, эти новые Гераклиды¹⁸⁴ дышали огнем, и каждый готов был противостоять десяти. Подъехав к Великой церкви, тиран сошел с коня, вошел внутрь и остановился, вне себя от восхищения пред открывшимся зрелищем. Заметив, что какой-то турок ломает мрамор, спросил его, зачем он портит пол. Тот же ответил: «Веры ради!» Тогда тиран протянул руку, занес меч и поразил турка, говоря при этом следующее: «Хватит с вас сокровищ и пленных, здания же в Городе принадлежат мне!» (видя, сколько расхищается сокровищ и берется пленных, тиран раскаивался в заключенном соглашении)¹⁸⁵. Турка же этого вытащили из-под ног и полумертвым выбросили вон. А тиран потребовал к себе одного из своих мерзостных священников: позванный взошел на амвон и произнес свою мерзостную молитву. И сын беззакония, предтеча Антихриста, взобравшись на святой алтарь, сотворил молитву. (2) О горе! О приводящее в трепет знамение! (3) Выйдя из храма, тиран стал разыскивать великого дуку, и его тотчас ему представили. Когда дука пришел и приветствовал его, он сказал ему: «Разве хорошо вы сделали, не сдав мне Города? Вон сколько вреда произошло, сколько смертей и пленных!» Дука же отвечал: «Господин! Не в нашей власти было сдать тебе Город; и сам царь не мог бы это сделать. Наоборот, даже некоторые из твоих людей поддерживали царя и писали ему так: “Не бойся, потому что Мехмет слабее вас!”» Тиран, конечно, понял, что речь идет о Халиль-паше, на которого имел зуб. А услышав имя царя, он спросил, не бежал ли император с кораблями. И дука ответил, что не знает, ибо он был в Царских воротах в то время, когда турки напали и ворвались в Харисийские ворота. Тут из рядов войска вышло два молодых человека. Один из них сказал тирану: «Господин! Я убил его. Но стремясь скорее войти в Город, чтобы вместе со всеми заняться грабежом, я оставил его и бросил мертвым». Другой же сказал: «Первым я поразил его!» Тогда тиран отослал их обоих, приказав принести голову царя. Они отправились бегом, нашли тело, отрубили голову и принесли ее вождю. Тиран же сказал великому дуке: «Говори правду: действительно ли это голова твоего царя?» Тот, узнав ее, сказал: «Его, господин!» Также и другие посмотрели и признали ее. Тогда голову приколотили к колонне на форуме Августа, и находилась она там до вечера. После же этого с нее содрали кожу, набили мякиной, и тиран приказал но-

сать ее повсюду, чтобы показать этот знак победы начальнику и персов и арабов и всем туркам¹⁸⁶. (4) Другие же говорят, что дука находился с Орханом в башне замка франков и там сдался, когда увидел, что невозможно уж более противостоять туркам. Там же, вместе с дукой, находилось множество благородных архонтов. Орхан выпросил у одного монаха его одежды, надел их, а монаху отдал свои. Через бойницу Орхан выбрался из Города, но турецкие моряки схватили его, связали и бросили в трюм корабля вместе с другими пленными. Сдавших башню бросили в трюм того же корабля. Тогда один из пленных ромеев, хлопоча о своем освобождении, сказал капитану корабля: «Если ты сейчас же освободишь меня, я выдам тебе и Орхана и великого дуку». Услышав это, капитан корабля пообещал освободить его. И тогда тот показал на одетого в черную монашескую одежду Орхана. Поняв, что это действительно он, капитан корабля отрубил ему голову. Великого дуку он отвел живым к вождю в Космидий, взяв с собой и голову Орхана¹⁸⁷. Вождь облагодетельствовал капитана корабля, весьма щедро одарил его и отпустил. Великому же дуке он приказал сесть и, ободрив его, повелел, чтобы в лагере и на кораблях отыскиали его жену и детей; и их тотчас привели. Затем вождь, дав по тысяче аспров¹⁸⁸ за каждого, отпустил всех домой; отпустил он и самого великого дуку, утешив его и всячески успокоив, и при этом сказал: «Этот Город я намереваюсь вверить тебе, чтобы ты заботился о нем, и славу твою я сделаю еще больше, нежели та, какую ты имел во времена царя. Поэтому не печалься». Поблагодарив тирана и поцеловав у него руку, великий дука ушел в свой дом. От него Мехмет узнал имена благородных придворных и вельможных должностных лиц и все записал. Собрав всех с кораблей и из палаток, он выкупил их и при этом платил туркам по тысяче аспров за каждого. (5) Минул тот первый мрачный день, когда нашему роду пришла совершенная погибель, наступило утро, и тиран, войдя в Город, явился к дому великого дуки. Тот вышел ему навстречу и поклонился, и тиран вошел внутрь. Жена великого дуки была больна и лежала в постели. Тогда этот волк в овечьей шкуре приблизился к постели и сказал, обратившись к женщине: «Здравствуй, о мать! Не скорби по поводу случившегося. Да будет воля Господа! Я дам тебе еще больше, чем ты потеряла. Только выздоравливай!» Дети же великого дуки, подойдя, привет-

ствовали тирана и благодарили. Он вышел и объехал Город. Повсюду была пустыня: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей в Городе, одни лишь те, кто по слабости не мог грабить. Многие турки убивали друг друга: один тащил у другого награбленное; и сильный отнимал, а тот, кто не мог сопротивляться, получал смертельный удар и падал. На второй день, тридцатого мая, турки снова вошли в Город и стали собирать остатки добычи.

(6) Тогда тиран, объехав большую часть Города и устроив рядом с дворцом пир, развеселился. Уже пьяный, упившись вином, он призвал к себе старшего евнуха и приказал ему: «Отправляйся в дом великого дуки и скажи ему: “Вождь повелевает, чтобы ты прислал на пир своего младшего сына!”» Ибо юноша, которому шел четырнадцатый год, был красив. Услышав этот приказ, отец обмер, лицо его изменилось; и говорит он начальнику евнухов: «Не в нашем обычае собственными руками отдавать свое дитя на поругание. Лучше бы пришел палач и снял с меня голову». Старший же евнух советовал ему отдать мальчика, чтобы не воспламенить гнев тирана. Он же, не подчинившись, сказал: «Если хочешь взять его и уйти – возьми и уйди; но никогда не будет того, чтобы я его отдал по своей воле». Старший евнух, возвратившись, пересказал вождю все, что говорил великий дука и как тот не пожелал отдать юношу. Тут тиран разгневался и сказал старшему евнуху: «Возьми с собой палача, иди, возвращайся и приведи мне юношу. Палач же пусть приведет дуку и его сыновей». (7) Они пришли, и дука, услышав эту весть, обнял детей своих и жену и отправился с палачом вместе с сыновьями и зятем Кантакузином. Юношу же взял с собой старший евнух. Придя, он представил мальчика вождю; остальным же, стоявшим в воротах дворца, вождь приказал отсечь мечом головы. Тогда, отведя их немного в сторону от дворца, палач объявил им приговор. Сын дуки, услышав о казни, заплакал. Но его отец мужественно и твердо укреплял дух молодых людей, ободрял их и сказал: «Дети! вчера вы видели все потери, которые мы понесли в один роковой день. Богатство наше неисчерпаемое, слава дивная, которую мы имели в этом великом Городе, а чрез него и во всех странах, населенных христианами – все погибло. Ныне, в этот час, у нас не осталось ничего, кроме жизни. Но и она не будет бесконечна, ибо рано или поздно мы умрем. И как? Униженные, мы лишились имущества, славы, чести, власти;

все нас будут поносить, презирать и терзать до тех пор, пока не придет к нам смерть, взяв нас, презренных, из здешнего мира. Где наш император? Разве он не был вчера убит? Где мой сват и твой отец, великий domestik¹⁸⁹? Где протостратор Палеолог¹⁹⁰ и двое его сыновей? Разве они не пали вчера в бою? О, если бы и мы умерли вместе с ними! Но и этот час хорош для того, чтобы перестать нам грешить. Кто знает оружие дьявола? Ведь оставшихся в живых нас могли бы поразить его ядовитые стрелы. А ныне открыт путь; во имя Распятого за нас, умершего и воскресшего, умрем и мы, дабы с Ним вкусить и блага Его». Сказал он это, ободрив юношей, и они приготовились к смерти. А дука говорит палачу: «Сделай то, что приказано тебе, но казни прежде юношей!» И, послушавшись, палач отсек головы юношам; великий же дука стоит и говорит: «Благодарю тебя, Господи!» и еще: «Праведен ты, Господи!» Тогда сказал он палачу: «Брат, дай мне небольшую отсрочку, чтобы зайти помолиться!» Ибо в том месте стоял небольшой храм. Тот отпустил, и дука зашел и помолился. Затем он вышел из ворот храма; тела же его детей еще лежали растерзанные. Дука вновь вознес славословие Богу, и ему отсекали голову. С головами казненных палач пришел на пиршество и показал их кровожадному зверю, тела же оставил обнаженными и непогребенными¹⁹¹. (8) Подобным же образом послав палача, тиран умертвил и всех тех благородных вельмож и придворных сановников, которых он выкупил. Из жен же и детей их он выбрал для себя красивых девушек и прекрасных мальчиков и передал их старшему внуку, чтобы тот оберегал их. Остальных же пленных тиран передал другим, чтобы заботились о них, пока не будут приведены в его Вавилон – Адрианополь. (9) Повсюду виднелись палатки лагерей, а сам Город был пуст, мертв, гол, безгласен, потерял прежний вид и красоту.

Глава 42. Итак, через три дня после взятия Города он отпустил все корабли, и каждый из них, глубоко осевший под тяжестью груза, отправился в свою область или город. Что же это был за груз? Драгоценная одежда; серебряные, золотые, медные и оловянные сосуды; бесчисленные книги; пленные – священники, миряне, монахини и монахи. Все суда были полны груза. Палатки лагеря тоже были полны пленных и всего вышеперечисленного. Среди варваров можно было видеть одного – одетого в первосвященнический саккос; другого – перепоясанного золотой епитрахилью,

тянущего за собой собак на привязи, иных, облаченных вместо толстых плащей в златотканые плащаницы. Другие пировали: ели из стоявших пред ними дискосов различные плоды и пили неразбавленное вино из священных потиров¹⁹². Все же книги, сверх всякого числа, погрузили на повозки, и они рассеялись повсюду, на Востоке и на Западе. За одну номисму¹⁹³ продавалось десять книг: Аристотель, Платон, богословские и всякого иного рода книги. С богато украшенных евангелий обдирали золото и серебро, и одни продали, а другие бросили. Все иконы предавали огню; на этом пламени жарили и ели мясо. (2) Тогда на пятый день тиран пришел в Галату и приказал сделать перепись всех обитающих там; много жилищ он нашел запертыми, ибо латиняне бежали на кораблях. Повелел он открыть их дома и в каждом сделать опись всего имущества с тем, чтобы если до истечения трех месяцев хозяева вернуться, они получили все свои вещи; если же не вернуться, все должно было перейти вождю. Затем он приказал своим войскам разрушить окрестные кварталы, обрушить на землю стены Галаты и освободить местность — что и было сделано. Сокрушив обращенные к суше стены, лежащие у моря они оставили в целости. (3) Каменщикам же он повелел в течение всего августа месяца готовить известь, чтобы отстроить обрушенные стены Города. Сам же составил списки на пять тысяч семей из областей Востока и Запада и повелел им под страхом смерти до сентября месяца явиться в Город со всем домом. Начальником же над ними он поставил своего раба по имени Сулейман. И, сделав Великий Храм святилищем бога своего и престолом Магомета, остальные оставил пустыми. Победителем отправился он в Адрианополь, ведя с собой пленников сверх меры и добычу без числа. (4) Вышел он из Города восемнадцатого июня, везя всех благородных женщин и их дочерей на запряженных лошадьми повозках. Жена же великого дуки по дороге скончалась вблизи селения, именуемого Месиной, там ее и похоронили; эта целомудренная и воздержанная во всяческих душевных страстях женщина повсюду пользовалась славой благодаря своим благодеяниям и жалости к бедным. (5) В Адрианополь тиран вошел с величайшим триумфом. Можно было видеть, как все отовсюду стекаются к нему, как вожди и предводители христиан из соседних и дальних земель приветствуют его: «Здравствуй! Как сердце твое, как голова, как губы, как рот?» Но

неохотно и без желания кланялись они ему и подносили свои дары, поскольку сами боялись той же участи... (13) Выступив из Адрианополя, он вернулся в Константинополь. Еще находясь в Филиппополе, он приказал отстроить расшатавшиеся стены Города. Теперь он нашел их как следует отстроенными и хорошо укрепленными. Войдя в Город и отмерив в середине его более восьми стадиев земли, приказал обнести ее оградой, а внутри построить дворцы. Когда были возведены стены, он покрыл их сверху свинцовыми листами, взятыми с опустевших монастырей. Ведь в монастырь Пантократора пришли и расположились там валяльщики, а в середине храма работали сапожники; в Манганском монастыре поселились дервиши¹⁹⁴, во всех остальных – турки с женами и детьми. (14) Мне не следовало бы писать о том, что случилось после взятия Города. Ибо не пристало описывать победы и отважные деяния нечестивого тирана, непримиримого врага и губителя рода нашего. Но скажу о том, что все-таки побудило меня писать. Еще юношей я слышал от неких почтенных старцев, что конец тирании Османов совпадет с концом империи Палеологов¹⁹⁵. Ибо в одно и то же время Осман стал тираном, а Михаил Палеолог императором; Михаил чуть раньше, а Осман немного спустя – во времена его сына Андроника Палеолога¹⁹⁶. Но и в дни Михаила Осман был тираном, разве что не разбойничал. Поэтому надлежало, чтобы и конец пришел сначала императорам и Городу, а затем и Османам. Как-то раз Михаил гадал по полету птиц, унаследует ли его сын царство после его смерти. Ибо он мучился совестью, несправедливо захватив царство, ослепив наследника и приняв бесчисленные проклятия на свою голову и на род свой¹⁹⁷. Оракул издал неопределенный звук: «Мамаими». Прорицатель же, истолковал его так: «Сколько букв в этом бессмысленном слове, столько императоров из твоего рода будет царствовать, а затем царство будет отнято у Города и у твоего рода». Мы достигли конца времен, видели страшную, чудовищную грозу, разразившуюся над нашим родом, и теперь мечтаем об исполнении предсказания. В силу этого страстного, неудержимого желания мы возносим молитвы наказующему и вновь исцеляющему Богу, надеемся на осуществление предсказанного мудрыми мужами и описываем то, что совершил тиран после грозы Божьей...

ЛАОНИК ХАЛКОКОНДИЛ

В научной литературе имя Лаоника Халкокондила (1430–1490) обычно сопровождается эпитетом «последний афинский историк». Он родился в знатной семье в Афинах около 1430 года. После неудавшейся попытки захватить власть в Афинах в 1435 году отцу Лаоника пришлось бежать на Пелопоннес; маленького сына он, по всей видимости, взял с собой. В Мистре учителем Халкокондила стал Георгий Гемист Плифон, выдающийся ученый и своеобразный византийский «диссидент», основавший в Мистре Платоновскую академию. Одной из главных идей Плифона была мысль о возрождении мира древней языческой Эллады, путь к которому он видел в перестройке государства на принципах учения Платона. Учеба в школе Плифона во многом повлияла на формирование мировоззрения Лаоника Халкокондила.

До сих пор не установлено, кто из Халкокондилов, отец или сын, принимал участие в посольстве к Мурату II, состоявшемся в 1446 году. О дальнейшей жизни историка точных сведений мы не имеем, известно лишь, что, в то время как его отец бежал в Италию, Лаоник не покинул регион Эгейского моря. События дальнейших десятилетий Лаоник Халкокондил наблюдает из Афин или с Крита. Наиболее важным для нас является то, что во время разграбления Константинополя Мехметом II историк не был в городе и описывает все происходившее, пользуясь чужими (хотя, видимо, и достаточно надежными) свидетельствами.

Сохранилось двадцать шесть рукописей истории Халкокондила. Все они датируются XV–XVI веками и, согласно предположению последнего издателя текста Е. Дарко, восходят к трем архетипам.

«Историческое повествование» Лаоника Халкокондила, написанное примерно в 1480-е годы, охватывает период с 1298 по 1463 год. Сведения, сообщаемые автором, основаны как на собственных наблюдениях, так и на рассказах очевидцев. Несомненная связь между трудом Халкокондила и произведениями двух других византийских историков, также описавших падение Константинополя, — Критовула и Сфрандзи, хотя прямых ссылок на эти источники текст Халкокондила не содержит. Поражает цель написания истории, которую определяет для себя Халкокондил: показать падение великой империи эллинов и возвышение турок. Для византийского историка такой интерес к Турецкой империи необычен. Уникальные сведения о ранних турецких институтах, которые содержатся в его истории, не оставляют сомнений, что Лаоник Халкокондил пользовался также и турецкими источниками.

Моделью для изображения конфликта между Византией и турками в истории Халкокондила послужил конфликт между греками и персами (эллины — варвары), описанный Геродотом, который Халкокондил (ученик Плифона!) отождествил с конфликтом двух мировоззрений — христианства и ислама. При этом сторону «варваров», кроме турок, принимают также мавры и татары, а византийцы объединяются с другими европейскими христианскими народами.

Местом действия истории Лаоника Халкокондила становятся Восточная Европа, Балканский полуостров и Испания. Историк уделяет огромное внимание живущим там народам: его произведение содержит многочисленные рассказы как о турках, арабах, скифах, даках, так и о венецианцах, французах, немцах, венграх и русских, об их языках, обычаях и быте. Он подробно описывает такие города, как Париж, Лондон, Вена, Неаполь, Генуя, Прага и Венеция. В изображении Лаоника Халкокондила Византийская империя выглядит лишь частью огромного мира.

Подражание античным историкам Геродоту и Фукидиду заметно не только в структуре произведения Халкокондила, но главным образом в его языке. В тексте встречается множество форм и выражений, заимствованных из античных образцов, частым приемом являются речи, вкладываемые в уста исторических персонажей, архаизируются топонимы и этнонимы. Монотонное историческое повествование Халкокондил старается раскрасить встав-

ными новеллами, подобными тем, из которых состоит «Декамерон» Джованни Боккаччо.

Исследователи часто отмечают веротерпимость Халкокондила, так как его рассуждения об объединении церквей, характеристика ислама и христианских ересей весьма беспристрастны. Историк склонен к фатализму, о чем свидетельствуют частые упоминания судьбы (Тихи), и, несомненно, верит предсказаниям оракула. Тем не менее Лаоник Халкокондил сохраняет уверенность в великом будущем греческого народа, и эта его вера, возможно, является одним из самых ранних предвестников Μεγάλη Ιδέα – «Великой Идеи» возрождения Греции в ее прежнем величии.

Текст Халкокондила переводится по изданию: Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes. Rec. E. Darcy. I–II. Budapestini, 1922–1927.

В. В. Федченко

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

С наступлением лета¹⁹⁸ Мехмет, сын Мурата, заранее заготовив в Азии огромное количество извести, построил крепость, именовавшуюся Лемокопией¹⁹⁹, на европейском берегу Босфора рядом с Пропонтидой, в том месте, где переход из Азии в Европу был наиболее узким. Там он собрал все войска, размещавшиеся в Европе и в Азии, разделил их на отряды и начал сооружение крепости, поручив полководцам и ипархам²⁰⁰ руководить строительством. Мехмет строил ее для того, чтобы обеспечить себе безопасный переход в Азию, а также дабы латиняне, прибыв сюда на триерах²⁰¹, не имели возможности напасть на царя, помешать ему перейти в Азию и расстроить его дела там. Мехмет намеревался предпринять многое и для осады Византия²⁰². Он построил три башни, наибольшие из всех, о которых мы знаем: две из них он расположил со стороны суши, так чтобы с них можно было отражать нападение с моря, и соединил их огромнейшей стеной, кроме того, все башни были покрыты свинцом. Ширина стены достигала двадцати двух футов, а башен – и того больше, тридцати футов²⁰³.

После того как в три месяца строительство было завершено²⁰⁴, Мехмет тотчас выступил в поход на землю Византия, угрожая ему войной.

С наступлением зимы²⁰⁵ царь послал Турахану²⁰⁶ на Пелопоннес, чтобы одновременно вести войну и с братьями эллинского царя²⁰⁷. Турахан собрал войско Фессалии и Европы, которое было отведено в распоряжение полководца Европы²⁰⁸ и находилось в Феррах, и отправился на Пелопоннес, ведя с собой своих детей, а также правителей Фессалии и Македонии. Вторгшись в земли Пелопоннеса, он отправился в среднюю его часть, в древности именовавшуюся Аркадией, прошел через Тегею и Аркадию и достиг Итомы и Мессения; разорив в считанные дни местные стада, Турахан взял город Неополихну. Затем он осадил Сидерополихну, но поскольку не смог захватить город, снял осаду и стал отступать той же дорогой. В то время, когда Турахан отступал, Асень, брат жены правителя²⁰⁹, взял в плен его младшего сына Ахмата, устроив засаду около Микен, на той дороге, по которой Турахан собирался отступать. Ахмата доставили под стражей в Спарту и держали там, пока не выдали туркам.

На следующий год в самом начале весны²¹⁰ Мехмет, сын Мурата, выступил в поход на город Византий. К походу он подготовился заранее и именно для этого построил в Пропонтиде город, именованный Лемокопией. Еще в начале зимы царь²¹¹ приказал строить корабли по всему побережью Азии и Европы, снаряжать корабли и триеры, лить самые большие пушки из тех, которые, как мы знаем, в то время строились где бы то ни было. Назначив время выступления, царь сначала отправил к Византию войско Европы во главе с полководцем Сараджой, чтобы они подвели к Городу пушки, другие орудия и, конечно же, самую большую пушку. Эта пушка была такой огромной, что ее везла упряжка из семидесяти пар быков и двухсот человек²¹². Прибыв на землю Византия, Сараджа сначала взял измором те башни на земле Византия, в которых пытались спастись земледельцы, другие же он захватил силой и, выведя оттуда людей, казнил их. Вернувшись, Сараджа повел войска на землю Византия. Немногим позже и сам царь выступил в поход и расположился лагерем от моря до моря²¹³. Справа от царя, напротив так называемых Золотых ворот, расположилось все войско Азии, а слева, напротив так называемых Деревянных ворот, —

войско Европы; середину занял сам царь вместе с чужеземцами²¹⁴ и охраной, которые обычно ставили свои палатки вокруг палатки царя. Зять царя Заган-паша разбил лагерь напротив, рядом с городом Галатой²¹⁵. Говорят, что все войско достигало четырехсот тысяч человек. Как оказалось, поголовье скота в два раза превосходило число людей в лагере царя, поскольку существует обычай, чтобы войско сопровождал скот, более многочисленный, нежели оно само, дабы перевозить достаточно провианта и для самих турок, и для лошадей, и для других воинов. Только эти люди из тех, о которых мы знаем, обеспечивают себя всем необходимым, куда бы они ни отправлялись, чтобы иметь всего вдоволь, и водят с собой как можно больше верблюдов и мулов для перевозки всего необходимого, и сверх того еще мулов для всяческой роскоши. И каждый стремится показать, что именно он ведет лучших лошадей, верблюдов и мулов. Немногим позже после прибытия царя подошел флот: тридцать триер и около двухсот малых судов²¹⁶.

Когда эллины²¹⁷ узнали, что царский флот подходит под стены Города, они протянули через море железную цепь от противоположного берега вплоть до стены Византия, около так называемого акрополя, а затем подвели корабли, случайно оказавшиеся поблизости (одни были кораблями союзников, другие прибыли по торговым делам), и выстроили их для защиты цепи. Они полагали, что таким образом помешают царскому флоту войти в залив Византия²¹⁸. Залив вдавался внутрь Города на восемьдесят стадиев²¹⁹ и уходил вглубь страны на сто пятьдесят. В этом месте стена Города не была особо укрепленной и не омывалась сильным течением, которое создавало бы трудности для проплывающих мимо кораблей. С суши Город окружали две стены: одна большая и достойная упоминания, а другая – поменьше, снаружи к ней примыкал ров²²⁰. Ров был выложен камнями, ширина его достигала одного плетра²²¹. Царь и эллины посовещались и решили обороняться, выстроившись у внешней стены, к которой примыкал ров, такое же решение они приняли и некогда прежде при Мурате, когда тот осаждал Город²²².

Царь тут же подвел осадные орудия к Городу со всех сторон и, установив две пушки, начал обстреливать стену. Одна из этих пушек была поставлена напротив дворца²²³, а другая – напротив так называемых ворот Святого Романа, где стоял лагерем сам

царь. Повсюду в других местах лагеря были поставлены пушки, обстреливавшие эллинов, а те две, самые большие, посылали ядра в два таланта²²⁴ и более. Говорят, что эти черные ядра приносили в царский лагерь с Евксинского Понта те, кому это было приказано. Инженера царя звали Урбан, по происхождению он был даком²²⁵, жил сначала у эллинов, а затем, нуждаясь в средствах к существованию, оставил Элладу, прибыл ко двору царя и, получив большое вознаграждение, изготовил пушки. Они стреляли таким образом: сначала две меньшие пушки, находившиеся по обеим сторонам большой, выпускали ядра в пол таланта. И эти два ядра, выпущенные из пушек, разрушали стену. После этих двух ядер пушка стреляла большим ядром, весом в три таланта, и большая часть стены разрушалась, так как это ядро несло с огромной силой и сверхъестественным напором и производило невероятные разрушения. Говорят, что от ужасного грохота земля дрожала на сорок стадиев вокруг. Внешняя стена и башни разрушались под воздействием пушек, в то же время подвергалась обстрелу и внутренняя стена. Пушка выпускала по семи ядер днем и по одному ночью, причем цель, по которой нужно было стрелять, намечалась еще днем. Сначала эллинов охватило удивление и вместе с тем ужас. Чужеземцы и остальное войско заготовили прикрытия из белого и красного войлока и носили их из лагеря к стене и к городскому рву; турки разрыли наружную стенку рва, сделали в войлоке отверстия и начали обстреливать эллинов из пушек и из луков, а эллины их не видели и не могли причинить им никакого вреда: это было невозможно. Тем временем воины царя рыли подкопы, ведущие к стене. Кроме того, землекопы царя установили четыре высоких башни на деревянных опорах, а также маленькие башенки, чтобы с них запустить огонь в Город. Прорыть подкопы, конечно, не удалось, так как эллины, когда узнали, что враги ведут подкопы, стали и сами рыть со своей стороны, наткнулись на царских землекопов, забросали их огнем и овладели подкопами. Тогда царь построил огромную деревянную башню со множеством лестниц, ведущих наверх; с ее помощью он намеревался взойти на стену и преодолеть ее.

Таким образом царь осадил Город с суши; а что касается нападения с моря, поскольку Мехмет не мог войти в залив, для того чтобы иметь возможность атаковать Город со всех сторон, он ре-

шил перебросить корабли в гавань, перетащив их по суше через лагерь Заган-паши²²⁶. Итак, он переправил корабли, оснащенные парусами и веслами, через гору и доставил их к берегу. Царь переправил до семидесяти судов²²⁷, пятидесяти- и тридцативесельных, и собирался на следующий день спустить их на воду. Воины царя, закончив все необходимые приготовления на берегу, решили обороняться с помощью пушек на тот случай, если кто-нибудь упадет и попытается воспрепятствовать спуску судов на воду. Когда эллины увидели, что корабли, стоящие на берегу залива, готовы к спуску, они решили снарядить свои корабли, атаковать и попытаться сжечь корабли противника. Как решили, так и сделали: снарядили корабли, вооружили команду и атаковали, намереваясь сжечь суда, которые еще оставались на берегу²²⁸. Однако турки заметили приближающихся эллинов, начали стрельбу из пушек и повредили два тридцативесельных корабля. Корабли сразу пошли ко дну, а воины, не умевшие плавать, тотчас погибли. А те, кто смогли достичь берега, попали в плен к туркам; с наступлением дня турки отвели их к воротам Города и казнили. Тогда эллины – они тоже держали в плену некоторых турецких воинов – отвели узников к укреплениям, расположенным напротив лагеря царя, и казнили их; они поступили с пленниками так же, как и турки. Так как спуску судов уже никто не препятствовал, корабли направились к Городу.

Царь немедленно выстроил из деревянных сосудов, крепко связанных попарно между собой, мост, ведущий от противоположного берега земли Керамарии²²⁹ в Город, для того чтобы войска Заган-паши могли перейти из лагеря в Город. Таким образом ему удалось осадить Город со всех сторон. Положение эллинов все ухудшалось. Поскольку Город имел большую протяженность (его периметр превосходил все ныне существующие города и составлял сто одиннадцать стадиев), а воины были распределены по всей длине стен, Город не был достаточно защищен. В течение сорока дней Мехмет усиленно обстреливал стену из пушек и разрушил большую ее часть, четыре башни и башенки. Он разрушил также и башни Большой стены. Вначале и сами эллины установили свои пушки на стене и выстрелили ядром весом в полтора таланта по орудиям царя. От выстрела стены содрогнулись и даже разрушились в некоторых местах, а пушки царя остались невредимыми.

Самая большая пушка эллинов разорвалась сразу же после первого выстрела. Инженера, руководившего строительством орудий, обвинили в том, что тот был подкуплен царем; его приговорили к смерти, но поскольку точных доказательств не было, инженера отпустили²³⁰. Стену, которую постоянно обстреливали пушки царя, эллины защищали и укрепляли лестницами и деревянными сосудами, все это они продельвали по ночам и в спешке.

Между тем в то время, когда это происходило, царю сообщили, что со стороны Эгейского моря к Византию плывут два грузовых судна, везущие хлеб: одно, побольше, принадлежало генуэзцам, второе – эллинскому императору²³¹. Когда царь узнал об этом, он быстро снарядил триеры и корабли и послал их навстречу этим двум судам, которые, подгоняемые попутным ветром, уже приближались к Городу. Корабли и триеры отплыли по направлению к судам и напали сначала на корабль императора. И он был бы через некоторое время взят, если бы корабль генуэзцев не вернулся и не пришел бы ему на помощь, внезапно атаковав триеры. Царь, выкрикивавший с берега приказы своим воинам, даже въехал в море на коне. А кораблям тем временем удалось оставить позади турецкие суда и войти в залив. В этой битве адмирал царя Палдоглу был ранен в глаз своими же воинами, как он сам свидетельствовал пред лицом царя²³²; Палдоглу утверждал также, что взял бы корабли, если бы не был ранен. Таким образом ему удалось избежать наказания. Царь схватил тех, кто находился под подозрением, и заключил их под стражу, чтобы казнить²³³.

Когда Мехмету удалось в достаточной степени разрушить стены для того, чтобы чужеземцы ворвались в Город, он приказал, согласно обычаю, зажечь во всем лагере огни. Он делал последние приготовления к штурму, назначенному на послезавтра, и объявил в лагерях, что отдаст Город на разграбление и позволит уводить людей в плен.

Рассказывают следующее: когда стена пала под ударами пушек, сын Искандера, князя Синопского, по имени Исмаил обратился к эллинам с речью о мире. Он говорил так: «Эллины, как вы видите, положение у вас шаткое. Почему вы не отправите посла к царю для переговоров о мире? Если вы пожелаете поручить это мне, я добьюсь для вас заключения мира с царем, ведь я хорошо знаю, что вы будете благодарны тому, кто добьется мира. Если же

этого не произойдет, жители Города будут уведены в рабство, царь погубит всех вас, уведет в рабство жен и детей ваших, вас постигнет ужасное несчастье. Поэтому пошлите как можно скорее посла, я приведу его ко двору царя и договорюсь о мире». Так сказал Исмаил эллинам на совете. Они решили, что нужно отправить посла, который бы узнал, как царь намеревается поступить с эллинами. И после этого они уже решат, что им следует сделать, что лучше попытаться предпринять. Эллы отправили человека незнатного, чтобы тот узнал мнение царя. Когда посол, ведомый Исмаилом, прибыл ко двору, царь потребовал, чтобы эллы выплачивали сто тысяч в год; а если они не в состоянии платить, он приказал, чтобы они покинули Город, унесли с собой свое имущество и чтобы каждый ушел, куда он хочет. Когда посол рассказал об этом эллинам, они посоветовались и решили, что лучше подвергнуться опасности и защищаться, чем взойти на корабли и без боя сдать Город²³⁴. Мне кажется, что этим предложением царь хотел испытать настроение эллинов. А неудавшиеся подкопы еще в большей степени подвигли его проверить, что знают эллы о турках и насколько надежно их положение.

Эллы вели себя так, как я рассказал прежде. Когда все было готово к штурму, царь созвал чужеземцев и сказал: «Чужеземцы и сыны мои, где бы я ни сражался, вы всегда совершали прекраснейшие подвиги; захватить этот Город – ваш долг. Знайте и следующее: когда я вас спрашивал, вы говорили, что Город можно взять, только если стены будут разрушены. Проведя вас вдоль стен, я спросил вас, достаточно ли уже разрушены стены, и вы решили, что достаточно. Теперь, когда пришло время начать штурм, я предлагаю: вы, стяжавшие славу как во время моего царствования, так и прежде, помогите мне завоевать царственный Город. Вы знаете, сколько провинций в Азии и в Европе принадлежат мне, и лучшую из них я отдам тому, кто первым взойдет на стену. Я окажу ему подобающий почет, вознагражу, предоставлю в его распоряжение богатейшую провинцию и обеспечу ему славу среди всех людей нашего рода. А о ком я узнаю, что он остался в лагере и не сражается на стене, тот не сможет избежать ужасной смерти, даже если попытается улететь подобно птице. Идите на эту прекраснейшую и славную битву, и вы получите множество ценных рабов, женщин, детей и богатств Города». Когда царь закончил речь, де-

кархи и лохаги²³⁵, которые еще прежде, во время обхода стены, спрошенные царем, достаточно ли стена разрушена, чтобы ворваться в Город, посоветовали ему продолжить разрушение, а теперь убеждали царя в том, что ворвутся в Город не мешкая, попросили Мехмета оказать им услугу: помиловать воинов, взятых под стражу по подозрению в том, что ранили адмирала в глаз. Царь согласился и отпустил воинов, оказав тем самым услугу чужеземцам.

После этого царь, решивший наступать, послал в лагерь людей возвестить, что наутро будет штурм. Отличившемуся он сулил дары, а тому, кто не станет сражаться, угрожал смертной казнью. Зихиды²³⁶ обходили лагерь и напоминали воинам о том, какая слава ожидает их после смерти, о словах пророка, что погибших в бою ждет блаженство, и обо всем остальном, как это принято у них в подобных случаях. А эллины тем временем приказали генуэзцу, прибывшему к ним на помощь с большим кораблем и тремястами вооруженными воинами²³⁷, встать в том месте, где царь вместе с чужеземцами собирались осуществить прорыв, и приготовиться к обороне. В это время эллинский император вместе со своими воинами находился поблизости на случай, если понадобится помощь. Кардинал Исидор Сарматский, о котором я упомянул прежде, находился рядом и помогал эллинам сражаться, а прибыл он в Город для того, чтобы провести собор и примирить эллинов с папой римским²³⁸. Это он и сделал немногим раньше, и таким образом эллины, хотя и поздно, примирились с римлянами. Тем временем царь, решив, что пришло время штурма (это было в день Ареса утром)²³⁹, подал знак ударить в кимвалы²⁴⁰; трубачи и горнисты протрубили, и с рассветом начался штурм: варвары атаковали Город со всех сторон, завязалось жестокое сражение. Стену, выходящую на залив, эллины обороняли наилучшим образом: они отгоняли турок, рубили головы тем, кто пытался подняться по лестницам, и в конце концов удержали стену, однако в том месте, где сражался сам царь, чужеземцам удалось прорвать оборону и оттеснить генуэзцев. Сам Лонго был ранен из пищали в руку²⁴¹, некоторые другие воины также получили ранения, они покинули то место, которое обороняли, и туда тут же ринулись нападающие; турки обратили генуэзцев в бегство, преследовали их и убивали. Лонго отступал. Гоплиты, теснимые чужеземцами, отступали вслед за ним. Когда эллинский царь заметил, что генуэзцы оставили стену и

обратились в бегство, он тотчас же подбежал к Лонго и спросил, неужели тот уходит, а когда Лонго сказал, что в этой битве Бог благоволит туркам, царь обратился к Кантакузину²⁴² и некоторым другим воинам, его окружавшим, со словами: «Идемте, мужи, сражаться с варварами». Кантакузин погиб как доблестный воин. А сам царь Константин обратился в бегство, был ранен в плечо наступающими, преследующими его турками и погиб. Когда другие эллины увидели, что чужеземцы поднимаются на Большую стену, стреляют из лука и сбрасывают сверху камни, а воины Лонго отступают, они тоже обратились в бегство под натиском чужеземцев, причем каждый, желая спастись, стремился опередить остальных. Эллины достигли ворот, носивших имя Святого Романа, и тогда началась давка: воины падали, идущие следом падали сверху, напирали, стремясь пройти как можно быстрее; в воротах люди сгрудились кучей, проход оказался закрыт. Большинство воинов погибло бессмысленно, эллины пытались опередить друг друга, бросались к выходу, где перебирались через тела других эллинов, перегородивших ворота. Тем временем чужеземцы преодолели Большую стену (большая ее часть уже была разрушена пушкой), вошли в Город и разбежались, кто куда хотел. Грабеж начался²⁴³.

Когда весть о захвате распространилась по Городу, эллины устремились к заливу, к генуэзским и венецианским судам, многие в спешке взошли на корабли и бесславно погибли, так как корабли пошли ко дну. И случилось то, что обычно происходит в такой сумятице, когда все охвачены паникой и стремятся спастись, однако некоторые все же сумели избежать пленения. Когда стражники увидели, что эллины обратились в бегство и пытаются спастись на кораблях, они, по страшному недоразумению, выбросили ключи за городские стены, полагая, что если ворота будут закрыты, то эллины окажутся вынуждены вернуться и защищать Город; кроме этого, я думаю, привратники вспомнили о предсказании, которое бытовало в Городе. Оно гласило: когда враги станут теснить жителей Города и дойдут до форума Быка, эллины объединятся, дадут отпор врагам, защитят Город и восстановят свою власть в нем. Мужчины и женщины слились в одну огромную толпу, которая, постоянно увеличиваясь, двигалась к самому большому храму Города, именуемому храмом Святой Софии; там собрались мужчины, женщины и дети. Немногим позже турки захватили их

без боя, при этом многие были убиты внутри храма²⁴⁴. Остальные жители, направившиеся в другие части Города, не знали, куда бежать, и некоторые из них были вскоре убиты, а другие взяты в плен. Большинство эллинских воинов сражались доблестно и отдали жизнь за родину, дабы не видеть, как порабощают их жен и детей. Так обрел смерть и Феофил из рода Палеологов²⁴⁵, мужественно, до последнего вздоха сражавшийся с врагами. Родственники императора из рода Палеологов, отец и дети Феофила, тоже пали в битве. Достоин погибли и многие воины из ближайшего окружения царя, они не смогли увидеть, как порабощают их родину. Город был полон убивающих и убиваемых, преследующих и преследуемых. Со свитой наместника царя Нотарой²⁴⁶ и внуком Сулеймана Орханом²⁴⁷, как говорили сами эллины, произошло следующее: узнав о том, что Город взят, они поднялись на городскую башню, чтобы решить там, куда им следует бежать. И вот что случилось там: Орхан, одетый в рубище какого-то назарея²⁴⁸, выбросился с башни и погиб, а свита Нотары, сам он и его дети были окружены и взяты в плен, и многие были тому свидетелями.

Чужеземцы приводили в лагерь царя жен и детей знатнейших из эллинов, они приобрели огромные богатства и стали людьми весьма состоятельными. И повсюду в лагере можно было видеть мужей и жен, зовущих друг друга, детей, потрясенных произошедшим несчастьем. Много золота и серебра привозили чужеземцы из Города в лагерь, множество драгоценных камней и разного рода одежд, так что в один день лагерь наполнился знатными мужами, богатствами и разнообразными предметами роскоши, и многие из чужеземцев даже не знали, как распорядиться таким богатством. Поскольку чужеземцы не знали стоимости драгоценных камней, разбогатели и те, кто покупал их по низкой цене; говорят, что золото, как это случается, чужеземцы продавали как медь.

Тогда же был взят в плен и доставлен в лагерь Исидор, кардинал сабинян²⁴⁹, а когда жители его выкупили, кардинал взшел на корабль и отправился на Пелопоннес. Если бы царь знал, что это кардинал Исидор, Мехмет бы казнил его и не позволил кардиналу бежать, но так как царь полагал, что тот уже умер, он не предпринял никаких расследований. Кроме того, один из чужеземцев преподнес царю в качестве подарка голову эллинского царя и

в награду получил должность. Но каким образом умер эллинский царь, никто из чужеземцев сказать не мог. В воротах вместе с многими другими он погиб как простой воин²⁵⁰, процарствовав три года и три месяца²⁵¹. Были взяты в плен и знатные венецианцы, оказавшиеся здесь по торговым делам, и многие другие, которым случилось прибыть в Город на триерах, так как эллины удерживали их в качестве союзников, чтобы те встали на защиту Города в случае необходимости. Глава венецианцев был приведен к царю и казнен²⁵², а другие после этого были отпущены. Тем временем, пока происходили эти события и практически все, и матросы царя в том числе, обратились к разграблению Города, снявшиеся с якоря венецианские триеры понесло течением через Геллеспонт, и на третий день они достигли Эвбеи, пустые, так как эллины сняли большую часть экипажа с кораблей и выстроили на стенах для защиты Города, в результате одни венецианцы были убиты, а другие взяты в плен. Прибывшие триеры возвестили о несчастье, постигшем Византий, и местные жители не знали, куда бежать, ведь они полагали, что беда в скором времени настигнет и их. Почти все население островов Эгейского моря обратилось в бегство, эллинские правители и жители Пелопоннеса, потрясенные несчастьем, вышли в море. И из-за этого впоследствии произошел мятеж населявших полуостровов албанцев²⁵³.

Когда Византий был взят, царь тотчас приказал своему зятю Заган-паше снарядить триеры и направиться к расположенному напротив Византия городу Галате, дабы помешать его жителям отплыть на судах из города и объявить им, чтобы они оставались на своих местах и не поднимались на корабли. Глава города, узнав о том, что царь захватил Византий, испугался, как бы Мехмет не напал и на Галату и не поработил город, как это произошло с Византием, взял ключи от города, прибыл к царю и передал город в его власть, говоря при этом, что жители препоручают себя царю и обещают впредь повиноваться ему, что бы царь ни приказал. Тогда Мехмет послал Заган-пашу, чтобы тот овладел городом и не позволял никому подниматься на корабли. Когда жители Галаты увидели, что к их городу движутся триеры, они тут же устремились на корабли; турки попытались им помешать и даже учинили расправу над некоторыми из них для устрашения остальных. По прибытии Заган-паша вошел в город, установил в нем порядок и поста-

вил во главе Галаты царского наместника. Таким образом, в один день Мехмет стал властелином двух городов: один он поработил, а другой захватил и приказал жителям разрушить городские стены со стороны материка. И сделал царь это, дабы те не замыслили мятежа, если в Галату придут итальянские корабли; в случае объявления войны царь сможет войти в город через разрушенные стены и овладеть им.

Самые знатные из тех эллинов, которые остались в живых, были выкуплены в Галату. Одни освободились таким образом, а Нотару, советника эллинского царя, его жену и детей выкупил сам царь и стал расспрашивать его о том, что Нотара желал знать о своих соотечественниках, а также о том, что, насколько ему известно, можно ожидать от Италии; Мехмет оказал Нотаре почести и продержал его при себе некоторое время. Эллины, обретшие свободу, возвращались в город Византий и освобождали своих родственников и друзей. Но по прошествии некоторого времени они погибли от рук царя. И случилось это так. Царю донесли, что у Нотары есть двенадцатилетний сын, и он послал одного из своих виночерпиев с требованием привести ребенка к нему. Услышав слова виночерпия, Нотара в отчаянии и гневе произнес: «Виночерпий, это невысказано, чтобы царь похищал наших детей притом, что ныне ему не в чем нас упрекнуть, ведь выкупив нас, он простил нам все преступления. Если царь так поступает с нами, почему бы ему не приказать предать ужасной гибели и нас самих?» Так он сказал и прибавил, что не виновен и никогда не согласится отдать сына. Виночерпий осудил Нотару и посоветовал ему не говорить таких слов царю и не делать этого, чтобы самому не погибнуть, но тот не послушался. Виночерпий возвратился и сообщил царю о том, что сказали ему эллины, и Мехмет не раздумывая приказал привести Нотару, его детей и родственников и казнить. Когда прибыли палачи, Нотара стал умолять их предать казни сначала детей, а затем расправиться и с ним самим. Дети, испугавшись смерти, стали просить отца спасти их и отдать все богатства, которые у них были в Италии, чтобы не умереть. Но отец не согласился и велел детям бесстрашно принять смерть. Их казнили первыми, а потом был убит и сам Нотара²⁵⁴. Когда царь казнил его и тех, кто был вместе с ним, он велел привести и других эллинов, живших в Византии, которым удалось освободиться, и

учинил расправу над ними. Таким образом, они погибли без всякой причины. Царь пришел на казнь в сопровождении одного из эллинов-перебежчиков, дочь которого Мехмет безумно любил и, движимый любовью, благоволил к ее родственникам. Говорят, что именно этот человек убедил царя устроить казнь.

Вот что случилось с эллинами, жившими в Византии. Считается, что это великое несчастье превзошло все другие, когда-либо происходившие на этой земле; оно сравнимо с гибелью Илиона, и является возмездием Илиона всем эллинам от варваров, и римляне полагают, что эллинов постигла кара за произошедшее когда-то давно несчастье Илиона²⁵⁵.

(ПСЕВДО-)СФРАНДЗИ

Под именем Сфрандзи до нас дошли две хроники: «Малая» (*Chronicon minus*) и «Большая» (*Chronicon maius*). *Chronicon minus* – это краткий рассказ о событиях 1413–1477 годов, часто похожий на дневниковые записи, в то время как в четырех книгах *Chronicon maius* автор начинает свое повествование с 1258 года.

Нет сомнения, что *Chronicon minus* принадлежит самому Сфрандзи, очевидцу и участнику событий, об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что эта краткая версия в ряде случаев оказывается подробнее «полного варианта» и сообщает многие детали, в нем отсутствующие. В ней мы находим, например, рассказ о том, что Мануил не одобрял политику своего сына Иоанна по отношению к Османской империи. Уже Г. Дестунис, одним из первых исследовавший сочинения Сфрандзи и его биографию, называет краткую версию наброском, который впоследствии был переработан и отредактирован самим же автором¹.

Однако менее чем через полвека греческий ученый И. Пападулос поставил под сомнение тождественность авторов этих двух произведений² и предположил, что *Chronicon maius* была составлена из трудов разных историков, в число которых входил и Сфрандзи, в XVI веке митрополитом Макарием Мелиссином, или Мелиссургом. Род Мелиссинов происходит с Крита; Макарий

¹ Дестунис Г. Опыт биографии Георгия Франдзия // Журнал министерства народного просвещения. 1893. Июнь.

² Falier-Papadopoulos Jean B. «Phrantzes est-il réellement l'auteur de la grande chronique qui porte son nom? // Actes du IVe Congrès International des Etudes Byzantines. Sofia, 1953, I. P. 177–189.

жил в Монемвасии, откуда в 1571 году отправился сначала в Италию, затем в Испанию и был похоронен в Неаполе.

Пападопулос привел следующие аргументы. Ни одна рукопись *Сηγοπισον ταιυς* не датирована ранее 1511 года; все они найдены в тех местах, где побывал Макарий (Испания, Неаполь, Италия); в «Малой хронике» род Мелиссинов вовсе не упоминается (в *Сηγοπισον ταιυς* ему уделяется большое внимание). В настоящее время эта точка зрения является в науке доминирующей.

Георгий Сфрандзи родился 30 августа 1401 года в Константинополе.

Его отец занимал весьма высокое положение при дворе императора Мануила II Палеолога (1391–1425), а дядя был наставником царевича Константина (будущего императора Константина XI). С 1417 года сам Сфрандзи занимает придворную должность и получает возможность посещать покои членов императорской семьи. Особая дружба связывала его с будущим императором Константином. В 1424 года Георгий принимал участие в весьма важном посольстве к султану Мураду II.

Сфрандзи пользовался величайшим доверием Мануила, не случайно именно ему император продиктовал свою последнюю волю, назначил его душеприказчиком, а своему преемнику завещал заботиться о Сфрандзи.

С молодых лет Сфрандзи проявил себя, видимо, талантливым дипломатом. По заданию императорского двора он предпринимает многочисленные поездки к туркам, в Трапезунд, Грузию, Морею, на острова Эгейского моря, улаживая самые острые конфликты и выполняя самые деликатные поручения.

Кроме того, Сфрандзи выполнял обязанности правителя Патр, а затем и Мистры (с 1446 года).

В 1432 году Георгий получил высокий титул протовестиария.

Однако наиболее активен был Сфрандзи в годы правления последнего византийского императора Константина, с которым, как уже говорилось, он был в близких отношениях с юных лет.

В 1448 году Сфрандзи был отправлен новым государем в Османскую империю, с целью добиться благоволения султана Мурада. В 1449 году Георгий путешествует в Иберию и в Трапезунд в поисках невесты для императора, который вскоре пожаловал Сфрандзи за его труды чин великого логофета.

Во время осады Константинополя Сфрандзи почти постоянно находится рядом с императором; в его руках были все ведомости о количестве мирян и монахов, пригодных к обороне города, именно он составлял общий список защитников.

После поражения Сфрандзи попал в плен, из которого его выкупили лишь через пять месяцев. Георгий пережил большую личную трагедию. Его жена и дети тоже попали в плен и были проданы старшему конюшенному султана, а затем куплены и самим султаном. Четырнадцатилетний сын Георгия был вскоре казнен за попытку убить Мехмеда, а дочь умерла от чумы. Сам Сфрандзи после выкупа из плена оказался у морейского деспота Фомы. Ему удалось выкупить и жену, и они отправились вслед за Фомой на Керкиру. В 1466 году Сфрандзи ездил в Италию, где встречался с знаменитым кардиналом Виссарионом³.

Сам Георгий не являлся сторонником унии, но был готов поддержать политику своего государя, которому он всегда был предан. В своем сочинении он обходит вниманием теологические споры, говоря, что не его дело рассуждать о догматах.

Весь остаток жизни Сфрандзи провел на Керкире. Он был беден и страдал ревматизмом, принял монашество с именем Григорий и, уйдя в монастырь, начал писать хронику и сумел довести свой рассказ до 1477 г. Как исторический источник, особенно в отношении событий осады и взятия Константинополя, труды Сфрандзи имеют особое значение. Ведь он был единственным из четырех византийских историков, кто находился в самом осажденном городе и был непосредственным участником описанных им событий. Отрывок, приведенный ниже, взят из *Chronicon maius*, однако, как основательно полагают некоторые исследователи, восходит к рассказу самого Сфрандзи.

Текст Сфрандзи переводится по изданию: *Greco V. Georgios Sphrantzes, Memorii 1401–1477, Chronica 1258–1481*. București, 1966.

О. Н. Николаенкова

³ Около 1400–1472 – архиепископ г. Никеи. На Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 г. выступил за унию между греческой и латинской церквами. После отвержения унии греками уехал в Италию, где стал кардиналом. Переводил на латинский язык Аристотеля, Геофраста и Ксенофонта. Собранная им библиотека явилась основой знаменитой венецианской Библиотеки св. Марка.

ХРОНИКА (гл. 4–11)

IV. Когда наступила весна²⁵⁶, эмир²⁵⁷ построил флот, снарядил его и подготовил к осаде пушки и другие осадные орудия. Сперва он послал вперед Харат-пашу с войском, а затем сам подошел к Городу и окружил его. Еще до прихода эмира Харат-паша осадил и захватил башни, находившиеся в деревнях и селах за пределами Города, в которых укрылись некоторые жители при неожиданном появлении войска. Часть башен он завоевал, а часть взял измором и другими ужасными способами, пленив при этом многих христиан²⁵⁸. Тем временем к Городу подводили все необходимое для ведения войны и множество орудий – собрали огромное количество пушек. Некоторые из них были столь велики, что сорок или даже пятьдесят пар быков и более двух тысяч человек не могли сдвинуть с места одну пушку.

2. Второго апреля эмир с многочисленным войском, конным и пешим, прибыл к Городу. Придя, он разбил лагерь напротив ворот Святого Романа, а войско, бесчисленное как песок морской, расположилось от одного морского побережья до другого²⁵⁹. Войско Востока встало справа от лагеря царя и растянулось до Золотых ворот и берега моря, а войско Европы расположилось слева и достигло побережья залива Золотого Рога и Деревянных ворот. Эмир окружил лагерь глубокими рвами и деревянными частоколами. По ту сторону рва он поставил янычар²⁶⁰ и других благородных воинов, находившихся у него при дворе. Когда прибыл родственник эмира паша, он вместе с вверенным ему войском расположился лагерем над Галатой²⁶¹. В тот же день подошла и часть флота эмира и встала у морского берега напротив Города. Флот насчитывал тридцать триер, сорок легких судов, а также сто тридцать кораблей, монер²⁶² и маленьких лодок. Таким образом, он намерен был осадить Город всеми способами и средствами, окружить его на протяжении восемнадцати миль со стороны моря и суши.

3. Тогда царь приказал перекрыть вход в залив тяжелой железной цепью, чтобы она не позволяла флоту, я имею в виду вражеским кораблям, войти в гавань²⁶³. С внутренней стороны цепи он поставил первые попавшиеся корабли, чтобы еще надежнее охранять вход и отражать атаки врагов. А суда там стояли следующие: три корабля из Лигурии²⁶⁴, один испанский из Касти-

лии Иберийской, один французский из Прованса, три с Крита, один из города, именуемого Хандакс, и два из Кидонии, причем все корабли были отлично подготовлены для сражения. Среди них оказались и три большие венецианские торговые триеры, которых итальянцы обычно называют гросса галера или, точнее говоря, галеаца²⁶⁵, а также другие легкие триеры, прибывшие для защиты Города или по торговым делам²⁶⁶. Царь распорядился, чтобы и эти корабли участвовали в обороне Города, и таким образом решил проблему с заливом.

4. Со стороны суши противники поставили огромную пушку, ширина жерла которой достигала двенадцати пядей²⁶⁷, и много других пушек, достойных упоминания. Окружив лагерь эмира ровом и укрепив его высоким деревянным частоколом, они поставили перед ним пушки и начали мощный обстрел городских стен в четырнадцать местах. Под градом камней пострадали многие славные здания близ стен и особенно дворец²⁶⁸. Гремели орудия, Город сотрясали выстрелы, дрожали стены, обрушивались башни, а под обстрелом пушек, арбалетов, других орудий, под ядрами и стрелами гибли люди. Война не прекращалась ни днем, ни ночью, были и схватки, и столкновения, и перестрелки. Эмир надеялся с легкостью захватить Город благодаря нашей малочисленности и сильной усталости, и нам ни на минуту нельзя было расслабляться. Но та огромная и мощная пушка не выдержала. Вылита она была из недостаточно чистого металла, да и стрельба велась постоянно, и вот, однажды, когда пушкарь подносил к ней огонь, она разорвалась на множество мелких осколков. Было много убитых и раненых. Услышав об этом, эмир очень огорчился и приказал вместо нее отлить другое, еще более мощное орудие. В течение этого дня он ничего значительного против нас более не совершил.

5. Пятнадцатого числа того же месяца с Евксинского Понта, из Никомидии и Азии в Город прибыла оставшаяся часть флота, состоявшая из трехсот двадцати судов. Среди них было восемнадцать триер, сорок восемь диер²⁶⁹, а остальной флот, насчитывавший до 320 судов, составляли большие корабли и суда, перевозившие многочисленную пехоту и лучников. Кроме того, прибыло двадцать пять грузовых кораблей, нагруженных деревом, известью, камнем и другими материалами, необходимыми для осады Города. Но вход в за-

лив был затруднен по причине, о которой мы уже говорили, поэтому, отплыв от восточного побережья, они встали на якорь чуть южнее Двойных Колонн²⁷⁰, недалеко от церкви Святого Константина.

6. Шестнадцатого апреля эмир пересчитал флот и сухопутное войско, конное и пешее, и получил четыреста двадцать судов: триер, диер, легких монер и кораблей²⁷¹, а сухопутное войско, готовое к сражению, составляло восемь тысяч двести пятьдесят человек²⁷². А противостояли этому множеству воины Города числом четыре тысячи девятьсот восемьдесят три, не считая чужеземцев, которых было менее двух тысяч.

7. А узнал я о том, что так обстоят дела, по следующей причине: по приказу царя каждый из димархов и стратигов²⁷³ должен был переписать в своей димархии всех способных встать на защиту Города, мирян и монахов, а также узнать, какое оружие каждый из них имеет для обороны. Таким образом все димархи сдали списки своих димархий царю. И царь, отдавая приказ, сказал мне: «Это работа для тебя, она требует осторожности и скрытности. Возьми списки, сядь у себя дома и точно подсчитай, сколько каких воинов, сколько какого оружия, щитов, стрел и ядер у нас есть». Я выполнил то, что приказал мне царь, и с горечью и печалью представил господину моему и царю результат, а получившееся число осталось тайной, известной только ему и мне²⁷⁴.

8. Кроме того, были весьма немногие из знати и из народа, бездеятельные и трусливые, которые заранее со всем семейством бежали из Города, испугавшись войны и противника. Когда это достигло ушей царя, он издал горестный стон, но ничего не предпринял.

9. Тем временем из Лигурии на двух кораблях прибыл адмирал и командующий флотом, воин весьма искусный, храбрый, благоразумный, ловкий и благородный по имени Джованни Джустиниани. Зная, насколько он талантлив, император назначил его димархом и стратигом, вверив ему отряд в триста воинов²⁷⁵, назначил его полководцем и главнокомандующим и наделил его другими необходимыми военными полномочиями; царь во многом доверял Джустиниани, так как вначале он действительно совершил достойные упоминания поступки.

10. Когда же эмир восстановил взорвавшуюся пушку, он принялся нещадно обстреливать стены и днем, и ночью. В Городе

стоял ужасный грохот от всех его военных орудий, пушек, выстрелов и жесточайших рукопашных схваток, и мы подвергались самым разнообразным испытаниям. Наши воины, преодолевая всякий страх и робость, каждый день изучали военные орудия, наблюдали за пушками неприятеля, изобретали новые приспособления и военные хитрости и наносили большой ущерб противникам. Впрочем, эти немногие изобретения недолго удерживали врага, — сражались мы без малейшей передышки, а средств, необходимых для ведения боя и обороны Города, у нас не было.

11. Когда стены были разрушены в некоторых местах при помощи пушек и камнеметных орудий, они решили засыпать рвы, чтобы облегчить подход к стенам и прорваться в Город сквозь разрушенные участки. Сначала турки стали метать камни, завязалась перестрелка, а они тем временем забрасывали рвы землей, ветками и всем другим, а некоторые из усердия бросали даже собственные палатки. И страшным было зрелище, когда многие из них из-за многочисленности, тесноты и рвения, с которым трудились, падали во рвы, а идущие сзади безжалостно забрасывали их бревнами и землей, без сожаления закапывали их и отправляли живыми в ад, при этом самые сильные и свирепые, охваченные рвением и старанием, выбирали слабейших и с жестокостью швыряли их во рвы вместо веток и земли. Но и те, кто делал это, не могли остаться невредимыми: их обстреливали из пушек и арбалетов, со стен в них летели тяжелые камни, и они бесславно гибли, другие же получали ранения. Некоторые из наших тоже пострадали — враги подвезли свои пушки к земляным рвам, и тут битва стала ужасной. Наши воины тоже оказались небезыскусными; это было удивительно, но они победили, совсем не имея военного опыта: присутствие духа и храбрость одержали верх над силой врага. Турки весь день закапывали рвы, а мы всю ночь доставали из них бревна, ветки и землю, чтобы восстановить все как было. Мы носили землю корзинами, сосудами для вина и другими деревянными приспособлениями и отстраивали разрушенные башни.

12. Увидев это, эмир устыдился и рассердился из-за того, что его замысел остался невыполненным; он решил осуществить другую военную хитрость и приказал доставить воинов с хорошим глазомером, чтобы прорыть подземные ходы, по которым войско смогло бы легко пройти в Город. Воины по его приказу прибыли и

принялись за работу. Некий германец Иоганн²⁷⁶, весьма искусный в военных делах и владеющий секретом жидкого огня²⁷⁷, прослышал о замысле врагов, сделал встречный подкоп и умело оснастил его жидким огнем; когда турки радостно устремились в проход, Иоганн поджег огонь с другой стороны: ему удалось погубить множество турок, а все их замыслы превратить в ничто. Но одного вражеского подкопа отважный германец все же не заметил. Турки сами зажгли в нем приготовленный ими жидкий огонь, но ничего не добились. Из-за взрыва разрушилась только небольшая часть древней башни, которую мы тут же отстроили заново. Нашлись старцы, говорившие, что противники не раз использовали эту хитрость и прежде, но ничего не добились, так как каменные стены города уходят глубоко под землю.

13. Когда эмир потерпел неудачу и разочаровался в своих надеждах, он стал придумывать новые хитрости и способы для осады Города. Он выстроил огромную осадную башню невероятной высоты и ширины на больших деревянных колесах, покрыл ее изнутри и снаружи тремя слоями шкур быков и ланей, установил сверху башни, защитные укрепления, приспособления для подъема и спуска так, чтобы мы не могли ранить тех, кто находился внутри. Со стороны турецкого лагеря сооружение было открыто, чтобы можно было легко входить и выходить. А со стороны, обращенной ко рву, находилось трое огромных, хорошо укрепленных ворот. Внутри и снаружи сооружения было множество военных приспособлений, орудий, бревен и всего другого, чем в надлежащее время предстояло забросать ров, чтобы легче войти в Город. Множество приставных и веревочных лестниц опускались вниз на канатах и снова взмывали ввысь. Эмир придвинул к стенам и множество других орудий, каких человеческий разум и вообразить не в силах, — не думаю, что царь когда-либо делал такое с целью захвата крепости. Турки поставили множество башен на колесах и у других участков стены. Эти башни тоже были обтянуты шкурами так, как мы сказали, и снабжены орудиями для метания жидкого огня. Все эти машины были подготовлены к одному и тому же моменту, чтобы они могли все вместе атаковать Город. Сперва турки принялись обстреливать стены из той ужасной пушки и сравнивали с землей башню близ ворот Святого Романа; затем они перевезли башню и поставили ее над самым рвом. Битва была ужасной и жуткой: она

началась до восхода солнца и продолжалась весь день. Время от времени бой и сражение разгорались, а иногда турки начинали забрасывать ров бревнами, землей и всем тем, что было внутри осадной башни, при этом обломки башни и все, что они бросали, обеспечивали им прямой путь в Город. Наши храбрые воины, напротив, старались им помешать: множество турок они сбрасывали с лестниц, а иногда ломали и лестницы. В тот день мы с мужеством противостояли врагу вплоть до первого часа ночи.

14. Нечестивцы мучались от ужасных страданий и ран; они закончили битву – сражение, надеясь наутро с меньшим трудом проникнуть в Город. Но турки обманулись в своих надеждах: Джованни Джустиниани, крепкий, как алмаз, всю ночь вдохновлял и ободрял своих воинов, царь тоже пришел туда со многими другими; и всю ночь они с огромным трудом при помощи тысячи орудий рыли заново рвы, возводили упавшую башню и подожгли осадную башню противника снизу – там, где она не была покрыта шкурами. С третьим криком петухов подошли довольные турки, надеявшиеся, как мы говорили, легко проникнуть в Город, но когда увидели, что их надежды не оправдались, пришли в недоумение. Эмир весьма расстроился и устыдился, дивясь нашей ловкости, и, очень удивившись, сказал: «Если бы тридцать семь тысяч пророков сказали мне, что эти неверные, – он говорил о нас, – за одну ночь сделают то, что они сделали, я бы не поверил». Он видел, что мы не страшимся ни перестрелок, ни схваток, которые они завязывают ежедневно, ни бесчисленных пушек, ни снарядов, ни камней, которые сыплются на нас градом, что все эти опасности мы ни во что не ставим; эмир и приближенные были этим потрясены и впали в тяжкие раздумья. Вот как обстояло дело.

V. Когда произошли эти события и Город был осажден, три грузовых корабля лигурийцев, подгоняемые попутным ветром, покинули Хиос и отправились к нам. По пути они встретили еще один корабль – корабль царя, перевозивший зерно с Сицилии²⁷⁸. Они подошли к Городу ночью, а с утра соглядатаи эмира заметили корабли. Обрадовавшись, враги направили против них значительную часть флота и, надеясь с легкостью окружить корабли, стали бить в тимпаны²⁷⁹ и трубить в рога. Подойдя поближе, триеры эмира начали сражение, стали стрелять и в первую очередь самонадеянно устремились на корабль царя. На первую атаку корабль

ответил выстрелами, врагов встретили камнями, ядрами и стрелами. Подойдя к носу корабля, турки стали издали забрасывать его жидким огнем в специально приготовленных сосудах и камнями, чтобы погубить как можно больше воинов. Мы наблюдали за битвой со стен и молили Бога сжалиться над ними и над нами. Эмир сидел на коне и наблюдал за происходящим с берега. Турки выстрелили в третий раз и уже готовились с устрашающим видом и громкими криками ринуться в бой, а тем временем капитаны, кормчие и адмиралы убеждали моряков, что лучше погибнуть, чем остаться в живых, и особенно адмирал царского корабля по имени Флантанелас: он ходил от носа к корме, криками ободрял других моряков, но я не могу описать ни его возгласов, ни криков других воинов, возносившихся до небес. И схватка была жестокой, множество моряков погибли и были ранены, туркам удалось поджечь две триеры, и страх охватил всех наблюдавших за этой битвой. Когда эмир увидел, что столь великий и многочисленный флот взялся за ничего не стоящее дело, да еще и терпит поражение, он разозлился, разгневался, пришел в бешенство, заскрежетал зубами, стал извергать проклятия и бранить своих воинов, называя их малодушными, женоподобными и нерадивыми. Он натянул поводья и въехал в море на коне, — триеры находились близко от берега, на расстоянии пушечного выстрела, — большая часть его плаща вымокла в соленой морской воде. Воины, стоявшие на берегу, увидели обезумевшего эмира, пришли в негодование и стали бранить командиров кораблей; многие из тех, что были на лошадях, двинулись вслед за эмиром и приблизились к кораблям. Когда адмиралы увидели, что сделал эмир, они устыдились и волей-неволей с большим напором снова развернули свои корабли против триер и стали ревностно сражаться. Но стоит ли говорить? Они не только не причинили вреда кораблям, но и сами понесли такие потери, что даже не могли добраться до берега. Как я узнал, в тот день более двенадцати тысяч агарян²⁸⁰ было убито только на море. С наступлением ночи флоту пришлось немного отступить, и моряки, воспользовавшись представившейся возможностью, вошли в залив; при этом никто из них не пострадал, если не считать нескольких раненых, которые через несколько дней предстали перед Господом. Эмир пришел в такое бешенство и так рассердился на друнгария²⁸¹ флота, что хотел посадить его на кол и говорил, что им не удалось

захватить те корабли из-за его трусости и малодушия, а из-за его небрежности и легкомыслия триеры проникли в залив той ночью. Некоторые из членов совета, а также из людей, находившихся при дворе эмира, стали просить даровать друнгарию жизнь, а в наказание только лишить его чина и раздать все его имущество янычарам²⁸².

2. Эмир был весьма опечален и подавлен, он кусал себе локти и топал ногами, осматривая стены, которые не раз рушил, рвы, которые не раз засыпал, но вновь и вновь находил их восстановленными. А когда он вспоминал, что сто пятьдесят триер, диер и монер не смогли захватить четыре корабля противника, да еще и потеряли столько людей, он стонал из глубины своего сердца и из уст его шел пар. Эмир раздумывал, что необходимо сделать, чтобы повернуть Город в еще большее отчаяние и горе и ворваться в него с суши и с моря, и замыслил хитрость, с помощью которой его флот сможет проникнуть внутрь залива²⁸³. Сказано – сделано. Он проложил прямую дорогу, которая начиналась за Галатой и спускалась через холм к заливу, и настелил всю ее досками и бревнами, смазанными овечьим и бычьим жиром. Были изготовлены хитрые приспособления, чтобы с их помощью легко втащить триеры и диеры на холм и спустить их в гавань. Это была чудесная мысль и прекрасная военная хитрость на море. Я же думаю, он подражал Цезарю Августу, который, когда во время войны с Антонием и Клеопатрой не мог обойти Пелопоннес из-за волнения на море и встречного ветра, перетащил свои корабли через Истм к восточной части Греческого моря и быстро направился в Азию²⁸⁴. Или он подражал патрикию Никите, который тоже, переправив триеры через Истм на запад, разбил критский флот при Мефоне и Пилосе²⁸⁵.

3. Итак, эмир переправил триеры в одну ночь, и утром они оказались в заливе. Затем он построил мост: собрав лады, огромные сосуды, большое количество деревянных кувшинов и длинных бревен, он приказал связать их железными тросами и канатами так крепко и сильно, чтобы соленая вода не могла разрушить строение. Поверх ладей, сосудов и бревен он велел настелить доски и скрепить их железными кольями и прутьями, благодаря чему мост стал надежным и прочным. Он был пятьдесят саженей в ширину и сто – в длину²⁸⁶, так что можно было ступать посреди залива как

по суше. На мосту была установлена пушка. И из нее и с триер враги принялись обстреливать ближайшие участки стен.

4. Когда император и все горожане увидели это, их охватило великое смятение. Константин ужаснулся нашей малочисленности. Состоялся совет, на котором стратиги и димархи и другие лучшие мужи, итальянцы и ромеи, которых оказалось весьма немного, получили приказания, куда каждый из них должен отправиться и где ему охранять стены и сражаться с врагом. В первую очередь бальи Венеции по имени Джеронимо Минотто поручено было охранять и заботиться о дворце и обо всем вокруг него²⁸⁷. Каталонскому консулу²⁸⁸ приказано было охранять участок от Вуколеона до Кондоскалия, Джакобо Контарини²⁸⁹ – охранять участок стен внешней гавани до Псамафия, и он поступал, как подобает воинам и благородным мужам. А Мануэлю из Лигурии²⁹⁰ с отрядом из двухсот лучников и артиллеристов было поручено охранять район ворот, называемых Золотыми, поскольку напротив была установлена гелепола²⁹¹, обтянутая шкурами газелей и быков, которая потрясала наши стены ядрами. Братьям Паоло, Антонио и Трило была вверена охрана Мириандрия²⁹²: это тоже был опасный район Города. Днем и ночью там смело и отважно сражались конные и пешие отряды турок. Им не раз удавалось даже разрушить стену, чтобы ворваться в Город, но они всякий раз с позором отступали. Защитники нанесли врагу большой урон, им удалось втащить на стены часть лестниц противника, а часть – разрушить. Мужичи эти достойны наград, почестей и вечной памяти.

5. Феофилу Палеологу²⁹³, мужу опытному во всем, достигшему вершин эллинского образования и сведущему в математике, доверили охранять участок стен близ ворот, называемых Силимврийскими. Джованни Джустиниани, стратигу императора, который был хорош и надежен во всем и с которым император ничего не боялся, поскольку Джованни был смел, мужествен и отважен, именно ему с отрядом в четыреста итальянских и ромейских воинов было поручено охранять район ворот Св. Романа. Здесь турки сражались ожесточеннее всего и установили огромную гелеполу потому, что это место было выгодно для осады стен Города, и потому, что напротив был раскинут шатер эмира. Теодору Каристо²⁹⁴, мужественному и неутомимому воину, божественно искусному стрелку, а вместе с ним и германцу Иоганну, знатоку тактики боя, было

поручено охранять стены у Калигарийских ворот. А лигурийцы Джеронимо и Леонардо²⁹⁵ охраняли стены в районе ворот, называемых Деревянными, кардиналу России²⁹⁶ поручено было охранять участок от Кинигесия до храма Св. Димитрия, а великий дука Нотара²⁹⁷ охранял участок от Петрия до ворот Св. Феодосия. Охранять же район ворот, называемых Красивыми, было приказано морякам, капитанам и кормчим с критского корабля.

6. Габриэлю Тревизано, командующему триерами венецианцев, а с ним и другим пятидесяти мужам было поручено оборонять башню в центре пролива, охранявшую вход в залив²⁹⁸, до Царских ворот на противоположном берегу. И он, подобно пастырю, а не наемнику, достойно охранял вверенный ему участок. А Антонио Диедо, командующему торговыми триерами, было поручено, как уже упоминалось, охранять свои триеры и корабли, огражденные цепью²⁹⁹. Суда эти были отлично готовы к бою, и бывшие на них моряки трубили, били в барабаны и бесчисленными криками вызывали турецкие триеры и корабли на бой – стрельба там не прекращалась ни на день, пока не завязалось серьезное сражение. Другие же благородные и лучшие мужи Города распределились охранять те районы, где это было необходимо, и не прекращали делать все возможное. Монахам, священникам, клиру и другим служителям церкви приказано было, чтобы в разных участках городской стены они денно и ночью обращались с молитвами к Богу и просили о том, чтобы Он смилостивился и даровал спасение Городу. Димитрию Кантакузину вместе с его зятем Никифором Палеологом³⁰⁰ и другими мужами поручено было с отрядом в семьсот воинов совершать обход Апостолии³⁰¹ и других районов, чтобы там, где помощь необходима, оказать ее. А император вместе с Франсиско Толедским, своим родственником, в жилах которого, как говорят, течет кровь славного императора Алексея Комнина³⁰², а также и вместе с нами весь день и всю ночь верхом объезжал Город и внутренние стены. Так мы готовились к сражению³⁰³.

7. В царской казне не хватало денег на жалованье войску, поэтому император приказал взять церковную утварь, святую и посвященную Богу, и мы обратили ее в монеты³⁰⁴. Пусть никто не упрекнет нас в святотатстве, на которое нас вынудило время, как Давида: мучимый голодом, он вкусил священных хлебов предложения, которых подобает вкушать одним только священникам³⁰⁵.

Император говорил: «Если Бог освободит Город, я сторицею воздам Господу моему».

8. И тогда было решено хитростью сжечь приведенные в гавань триеры и мост, поскольку эти корабли были причиной великого волнения и представляли угрозу Городу, и способ был найден. Эту хитрость придумал Джакомо Кокко из Венеции, муж решительный в делах и в речах. Когда ему было поручено довести до конца задуманное, он приступил к делу весьма удачно и хорошо. Он сделал следующее: получив в распоряжение три весьма быстрых и маневренных ладьи, посадил в них сорок юношей, отважных, храбрых и смелых, греков и итальянцев, хорошо им все объяснив, дал приготовленные орудия с жидким огнем и приказал ночью переплыть залив, придерживаясь берега, приблизиться к Галате, достичь триер и выполнить намеченное. И случилось бы так, если бы этому не помешала наша злая судьба. Ладьи прошли весьма удачно, юноши поднялись на мост и оставили двоих с орудиями, чтобы, когда остальные приблизятся к триерам, они по условному сигналу сразу же воспламенили жидкий огонь. Однако когда они подплыли к триерам, то ли Бог за грехи наши помешал этому предприятию, то ли это произошло по оплошности одного из тех юношей, но кто-то узнал и открыл эту тайну противникам. Во всяком случае охрана и ночные стражи врага бодрствовали и, когда увидели противника, принялись метать камни из орудий, спустили на воду свои суда, одну ладью потопили, и при этом пленили часть экипажа, а другие две захватили целиком. Итак, мы не добились ничего, кроме как подожгли одну из триер, а загоревшийся на мосту огонь потушила толпа бегущих турок³⁰⁶. Тех юношей, восхитительных и прекрасных, нечестивый эмир утром приказал безжалостно казнить на наших глазах, и в Городе поднялся непрекращающийся плач по ним. Император же опечалился и тоже приказал на башнях по всей длине стен казнить пленных турок, число которых было двести шестьдесят. По этой причине начались раздоры и вспыхнула великая распря между венецианцами и лигурийцами. Лигурийцы настаивали, что они намного опытнее венецианцев во всем, что Джакомо Кокко не ведал, что творил – ни он, ни остальные венецианцы, по вине которых, как доказывали лигурийцы, погибло сорок их молодых воинов, столь безутешно оплакиваемых, и что по их вине не удалось сжечь стоящие в заливе триеры и мост.

VI. Узнав о происходящем, император обратился с речью к венецианцам и лигурийцам и с печалью молвил: «Я вас прошу, братья, примиритесь. Нам достаточно внешней войны. Не сражайтесь между собой, ради Бога». Сказав также и многое другое, он примирил их.

2. Эмир же, увидев, что наш план нанести вред его триерам провалился, скорее мы пострадали от этого, весьма обрадовался и, исполнившись гордости и надменности, сказал: «Я отплачу им за все, что они не смогли нам сделать». И он установил огромные гелеполы на холме Св. Феодора, что находится на противоположном берегу в Галате, чтобы у входа в залив топить наши корабли или же заставляя их поворачивать назад. Он сделал это не только, чтобы открыть вход в гавань, но и желая отплатить лигурийским кораблям, показать нам, сколь он ловок, хитер и всесилен. Жители Галаты, увидев, что эмир задумал нанести вред кораблям, собрались и сказали ему: «Несправедливо вредить нашим торговым судам и судам лигурийцев, ведь мы друзья». А он сказал им в ответ: «Это не торговые корабли, а пиратские, и прибыли они сюда не для торговли, а чтобы помочь императору, врагу нашему. Я же по возможности хочу проучить их как моих врагов, вы же ступайте с миром, вы мне друзья». Итак, взявшись за дело, он подал знак, по которому мастер поднес огонь к первой пушке, и она потопила судно, шедшее первым. Остальные суда, увидев опасность и ища убежища, немного приблизились к Галате и остановились, чтобы укрыться за высокими домами. Однако эмир не постыдился разрушить многие дома, чтобы без помех сразить корабли. Удивительно, что, стреляя более чем из ста тридцати пушек, он больше не повредил ни одного корабля и даже не убил ни одного человека, кроме какой-то женщины, погибшей от обрушившегося со стены камня.

3. В дни решающего сражения эмир действовал как обычно: он издали стрелял по нам и днем и ночью не прекращал наносить тяжелые удары по стенам. И те, кто не был опытен в военных делах, видя, что сражение не начинается, оставляли вверенные им участки и расходились по домам. А турки, воспользовавшись моментом, кое-где стали стаскивать вниз железными крюками корзины, наполненные землей, укрывавшие защитников в бою, в то время как димархи ставили на их место новые. Император, узнав

от стратига обо всем вышеописанном и о причине происходящего, пригрозил тем, кто покинул свои места. Они же сказали, что сделали это, потому что им, как и их женам и детям, нечего было есть и пить. Услышав это, император приказал всем, кто не может сражаться из-за старости или по какой-либо другой причине, разносить хлеб и другую еду по домам и в башню всем поровну.

4. И сражение с каждым днем все разгоралось, потому что каждый день враг получал из Азии новые отряды, а наши ряды из-за ежедневных потерь редели и таяли, подобно убывающей луне. Некоторые из наших соотечественников, вероломные и лишенные человеческого облика, видя наше жалкое положение и улучив момент для свершения своих подлых замыслов, ежедневно затевали восстания и смуты. На площадях и переулках они изливали из мерзких глоток скверну и хулу на несчастного императора и архонтов³⁰⁷, не боясь ни Бога, ни императора и не стыдясь людей. А трижды благословенный император отвечал им словами Давида: «А я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа... А враги мои живут и укрепляются, и умножаются ненавидящие меня безвинно»³⁰⁸. И некоторые подходили к нему, говоря, что тот или другой сказал следующее, а иногда он и сам слышал эти речи, когда ходил по Городу. Вот наша пословица и сбылась вся до последнего слова: «У счастливых все друзья, а у несчастных сам Создатель не друг». Вот слова некоторых поэтов о несчастии:

И если дуб падет, побеги станут хворостом.
 Суждено, чтобы одни были несчастны, а другие счастливы.
 Не твори зло мужу несчастному, ибо корни несчастья в уславе.
 Не наступай на несчастного, ибо судьба у вас общая.
 Никогда не отчаивайся в несчастье.
 Почитай все несчастья за общие.
 Увы! Внезапное несчастье лишает разума.
 Ни один счастливый не друг несчастному.

VII. Двадцать четвертого мая прошел слух, что двадцать девятого эмир хочет начать жестокое сражение с нами на суше и на море, завязать бой, схватку и ворваться в Город. Все стратиги и димархи, в особенности Джованни Джустиниани, не прекращали всеми способами противостоять противнику и всю ночь изо всех сил восстанавливали стены, обрушившиеся под ударами гелепол.

2. Тогда Джустиниани послал к великому дуке Нотаре просить его отослать несколько гелепол, которые были на охраняемом им участке. Лука Нотара же не захотел отдать их, говоря, что на этом участке они тоже нужны. Джустиниани ответил ему, что нет никакой необходимости в таком количестве гелепол на болотистом участке. Так они дошли до открытой ссоры и принялись друг друга оскорблять. Джустиниани назвал Нотару бесполезным, злодеем и врагом родины, а тот, в свою очередь, осыпал Джустиниани всякой другой бранью.

3. Услышав об этом, император пригласил их обоих и сказал: «Братья, теперь не время нам так поступать друг с другом, так говорить и сеять раздор! Простим же и ненавидящих нас и помолимся Богу, чтобы спастись из зияющей пасти этого столь явно грозящего нам дракона». Он сказал им немало других слов и примирил их: каждый вернулся на вверенный ему участок и исполнил свой долг.

4. То, как говорил Джустиниани, как он восстанавливал стены и как он действовал – в те дни все это наводило на врагов особенный ужас. Он ежедневно обстреливал противника и сражался с ним, многих взял в плен, а других сделал жертвой меча. Удачами и делами этого мужа восхищались все. Его называли освободителем и спасителем Города. Однако не до конца он вел себя столь доблестно – славу, которую он заслужил своим мужеством, погубила трусость.

5. И вот, когда мы были в таком положении, в лагере противника распространился ложный слух о том, что на помощь Городу идет флот из Италии, а за ним следует Янош, предводитель венгров³⁰⁹, с огромным конным и пешим войском. Когда потомки Агари услышали это, их охватил непреодолимый ужас, они принялись возмущаться и проклинать эмира. Они говорили, что их род будет истреблен, ибо они покусились на невозможное. Точно также и эмир был исполнен задумчивости, волнений и страхов, и все его советники были опечалены, во-первых, поскольку стало известно о подкреплении, во-вторых, – они видели, что со столь устрашающим бесчисленным войском они за столько дней не одержали верх ни на суше, ни на море. Сколько способов они измышляли, сколько сил тратили, дабы приставить к стенам лестницы, – но их отражали, сбрасывали вниз, многих убивали. Осаждавших стены ту-

рок охватывал страх. В-третьих, их заботило явившееся им знамение.

6. Свет, нисходящий с небес, всю ночь озарял Город. Сначала, когда только увидели свет, они сказали, что это Бог прогневался на христиан, пожелал сжечь их и передать в рабство туркам. Затем же, видя, что их неизменно сбрасывают со стен и с лестниц и что, прибегая к таким уловкам, они не могут одержать верх, а еще прослышав, что якобы прибыли итальянский флот и Янош, вновь заговорили об этом свечении. Это-де Бог сражается на стороне христиан и укрывает их, он их заступник, поскольку даже они (так говорили турки) не могли ничего сделать. И по этим причинам, как мы уже сказали, эмир и все его войско были опечалены и пали духом так, что решили на утро следующего дня снять осаду. Однако в тот же вечер, во время совета о завтрашнем отступлении, они снова увидели свет, спускающийся с небес, но в этот раз он не простирался высоко над Городом и не сиял всю ночь, а появившись вдали, рассеялся и тотчас исчез. Как только эмир и все приближенные увидели это, они исполнились великой радости и сказали: «Теперь Бог оставил христиан». И причастные их нечистой вере и заблуждению мудрецы и книжники рассудили, что свет этот предвещает захват Города. Тут все турки исполнились надежд, которым из-за грехов наших суждено было сбыться.

7. Халиль-паша, первый советник³¹⁰, самый славный и опытный из всех, увидев, что эмир сомневается, а остальные исполнены страха и ужаса, тоже с виду был печален, но в душе радовался. Причиной этому было то, что на совете он всякий раз говорил эмиру не начинать войны против Константинополя, чтобы западные властители, узнав об этом, не договорились собраться и изгнать турок из Европы. И тогда, вновь притворяясь опечаленным, он сказал эмиру: «С самого начала я говорил тебе, как должно было случиться, и не раз предупреждал тебя, но ты не послушал. И теперь, если тебе будет угодно, нам лучше уйти отсюда, чтобы не было еще хуже». Эмир, слушая эти слова, был убит горем и оскорблен – как мог он согласиться на такое постыдное отступление?

8. Увидев, что он медлит и сомневается, Заган-паша, его второй визирь³¹¹, посоветовал эмиру вступить с нами в сражение, он сделал это из зависти к Халилю-паше, ибо между ними была скрытая вражда. Так, ободряя эмира, он говорил: «И что же ты, эмир,

стал мрачен и печален, что за ужас тебя охватил, что за сомнения закрались тебе в душу? Бог на твоей стороне, не печалься. Разве ты не видишь в том свечении знак, что Город попадет к тебе в руки? Разве не видишь ты, сколь многочисленный народ и сколь огромное войско ты ведешь и насколько оно хорошо готово к бою? У тебя есть всякое надежное оружие, и его много. У Александра Македонского никогда не было столь огромного войска, как твое, он никогда не был так вооружен, однако завладел миром. Я не верю и не думаю, что сюда прибудет флот из Италии, как говорят некоторые, в числе которых и мой брат Халиль-паша, потому что вам хорошо известно, что в Италии и других странах Запада правление нескольких властителей одновременно делает их неуправляемыми, в них нет согласия. И даже если кто-то из них после долгих переговоров с трудом придет к согласию, в скором времени их союз расторгается. Заключив союз, они заняты тем, чтобы навредить другому, украсть что-нибудь, они опасаются и боятся друг друга. Они о многом совещаются, думают и говорят, но мало делают, и решение, принятое вечером, утром снова им неудобно. Когда же решение окончательно, они медлят с делами ради того, чтобы улучшить момент для осуществления своих желаний и намерений. Даже когда они приступают к какому-нибудь делу, ничего не выходит из-за их споров. Так и теперь, как вы знаете, часть из них находится в новых раздорах. И я повторю, что по указанным мной причинам это невозможно, но даже если флот и прибудет из Италии, то кто из них станет нам помехой? Ведь никогда их не прибудет столько, чтобы сравниться количеством с половиной нашего войска, или даже с четвертью. Поэтому мужайся, эмир, владыка наш. Теперь тебе нечего бояться, кроме Бога. Воспрянь духом, возрадуйся, соберись с силами и не бойся жидкого огня! И сегодня и завтра их стены будут насколько возможно рушиться под ударами гелепол». Его слова и совет эмиру больше пришили по душе, он был доволен и оставил печаль. Эмир отдал приказ: «Внимательно следи за войском этой ночью и узнай их настроение». Заган-паша, исполнив приказ, вернулся и сказал: «Я видел войско и узнал, сколь оно велико, так что сражайся с радостью, и победа будет за нами». Эмир же сказал ему в ответ: «Ну, Заган, тебе угодно, чтобы мы и теперь испытали судьбу, поможет ли она нам, как помогала многим другим. Отошли в Галату какую-нибудь охрану,

чтобы никто тайно не пробрался оттуда и не пришел на помощь Городу».

9. Услышав это, Халиль-паша очень огорчился и устыдился, что слова Заган-паши оказались сильнее, и из зависти захотел по мере сил расстроить их планы. Он сообщил императору о происходящем и убедил его не бояться – ведь исход войн часто бывает неясен. Поэтому и стражи стерегут неусыпно. Это было вечером двадцать седьмого мая³¹². А эмир приказал всю ту ночь и весь следующий день жечь огни и факелы и поститься весь день и семь раз совершить омовение, а после поста и очищения помолиться Богу, чтобы Город покорился им. Это было исполнено.

10. В понедельник вечером³¹³ перед заходом солнца после трапезы эмир встал и обратился к воинам с такой речью: «Драгоценные чада, во имя Бога и его пророка Мухаммеда и меня, раба его, молю и прошу вас совершить завтра дела, достойные вечной памяти, подобно тем, что совершали предки наши по сей день, как всем известно. С рвением, отвагой и мужеством, словно на крыльях, взлетайте по лестницам на стены, чтобы не погубить ту славу, которую, как мы сказали, заслужили предки наши и которую даровал им Бог. Пришло время вознести ее еще выше». Он сказал им и другие слова и вдохновлял их на мужественные и смелые поступки. Еще он сказал им: «А если кто-нибудь из вас будет убит, как это случается в бою, в нашем Коране, как вы прекрасно знаете, пророком нашим написано: погибший в такое время будет вместе с Мухаммедом есть и пить в раю и отдыхать с прекрасными женами, юношами и девственницами среди зелени и ароматных цветов, омываться в лучших банях, и у него все это будет от Бога³¹⁴. А теперь, все мое войско и мои придворные архонты, если мы победим, то с этого момента и до самой смерти каждый из вас будет получать от меня вдвое больше того, что получает теперь. Три дня весь Город будет вашим, и если вы похитите что-нибудь или найдете золотую или серебряную утварь и одежду, рабов, мужей или жен, от мала до велика, никто не посмеет потребовать их у вас или в чем-нибудь вам помешать». И закончив говорить, он поклялся им сдержать свои обещания. Слышавшие это очень обрадовались и все в один голос закричали: «Аллах, Аллах, Мехмети ресуль аллах», что означает «Божественный из богов и Мухаммед пророк его». Мы же, находящиеся в Городе, услышав такой силь-

ный крик, будто море отозвалось эхом, задумались над тем, что он означал.

VIII. Вскоре послышался крик, и мы поняли, что эмир собирается на следующий день всеми силами напасть на Город с суши и с моря. А когда мы увидели столь многочисленную орду нечестивцев (мне показалось, против одного нашего воина там было более пятисот), нам оставалось только возложить все надежды на высший промысел.

2. И тогда император приказал, чтобы первосвященники и монахи, женщины и дети со слезами пронесли вокруг стен Города священные и чтимые иконы, мощи святых и пели со слезами «Господи, помилуй», моля Всевышнего не отдавать нас за грехи наши в руки дерзких и вероломных, самых коварных на земле врагов и проявить к нам милосердие в суде своем. И они сквозь рыдания призывали друг друга мужественно противостоять врагу в час сражения.

3. В этот скорбный вечер понедельника император созвал всех начальников и им подначальных, димархов, сотников³¹⁵, прочих избранных воинов и сказал им: «Благороднейшие архонты, славные димархи и стратиги, доблестные соратники и все верное и чтимое войско, вы сами знаете, что час настал, и враг нашей веры всеми способами старается загнать нас в угол, наброситься с суши, биться на море, напасть и в жестокой схватке, если достанет сил, подобно змею, излить свой яд и, как дикий лев, проглотить нас. Поэтому я взываю к вам и прошу мужественно и доблестно противостоять врагу нашей веры, как вы делали это с самого начала и до сих пор. Я вручаю вам этот славный, всемирно известный и прославленный, величественнейший, благородный и царственный Город – нашу родину.

4. Братья, вы хорошо знаете, что мы все вместе обязались предпочесть смерть жизни ради четырех вещей: во-первых, за нашу веру и благочестие, во-вторых, – за родину, в-третьих, – за императора, помазанника Божия, в-четвертых, – за родных и близких. Итак, друзья, если мы дали клятву отдать жизнь в бою за любое из четырех, то, как понимаете, тем более мы должны принять муки за все вместе. Если за мои грехи Бог отдаст победу нечестивцам, то мы будем биться за нашу святую веру, дарованную нам кровью Христа, – и это важнее всего. Какая польза человеку, если он

приобретет весь мир, а душе своей повредит?³¹⁶ Во-вторых, мы потеряем славную родину и нашу свободу. В-третьих, мы погубим в прошлом великое, а теперь униженное, проданное и измученное царство, и оно окажется в руках нечестивого тирана. В-четвертых, мы потеряем дорогих нам детей, супруг и родных.

5. Сегодня уже идет пятьдесят седьмой день³¹⁷ с тех пор, как этот преступный эмир нас окружил и, используя всю свою силу и хитрость, не прекращает осаждать Город ни днем, ни ночью. Но, милостью всевидящего Христа, Господа нашего, мы неоднократно с позором гнали врага от наших стен. И теперь, братья, не бойтесь: даже если стена в некоторых местах обрушилась от грохота и ударов гелепол, ведь, как вы видите, ее восстановили, насколько возможно. Мы всей душой возлагаем надежды на необоримую славу Божию. Они уповают на колесницы, коней, на свои силу и многочисленность, а мы на Господа Бога и Спасителя нашего, а еще на силу наших рук и мужество, дарованные нам Всевышним.

6. Знаю, эта многотысячная орда нечестивцев двинется на нас по своему обычаю бесцеремонно, дерзко, нагло и всей силой, пользуясь нашей немногочисленностью, будет теснить и мучить нас. Они хотят устрашить нас оглушающим воем и непрекращающимися криками. Не стоит говорить об этом, вам и без того знаком этот вздор. Они будут долго наступать и метать в нас сверху, как морской песок, бесчисленные камни, стрелы и ядра. Но, как я надеюсь, они не нанесут нам вреда; я смотрю на вас, радуюсь и питаю надеждами ум свой, ведь хотя нас и немного, все вы умелые и искусные, отважные и непобедимые, мужественные и опытные воины.

7. В бою и в сражении хорошо укрывайте свои головы щитами. Пусть ваша правая рука с мечом наготове всегда будет вытянута. Ваши шлемы, щиты, крепкие латы, под стать другому оружию и весьма пригодятся в бою. Враги их не используют, да и не имеют. Кроме того, вы защищены стенами, а враги будут продвигаться с трудом, ничем не защищенные.

8. Сратники, будьте наготове, мужественны состраданием Божьим, уподобившись немногим слонам Карфагена, что своим видом и ревом прогнали многочисленных коней римлян³¹⁸. Если бессловесное животное одолело животное, то тем более сделаем это мы — хозяева диких и бессловесных животных; ведь те, что

пришли с войной к нам, — животные бессловесные и похуже свиней. Пусть ваши мечи и копья, стрелы и дротики разят их. Представьте, что вы охотитесь на стадо диких свиней, и пусть нечестивцы знают, что сражаются они не с себе подобными, но со своими господами и хозяевами, потомками эллинов и римлян³¹⁹.

9. Всем вам хорошо известно, что этот нечестивый эмир, враг нашей священной веры, разорвал те дружеские узы, что связывали нас, без всякой на то причины преступил и посчитал за ничто бесчисленные клятвы³²⁰. Он внезапно явился, построил крепость в узком месте напротив Асоматона, чтобы нападать на нас каждый день³²¹. Он сжег наши поля, угодья, сады и дома, убил или пленил наших братьев христиан, которых нашел, предал нашу дружбу.

10. А с жителями Галаты он заключил союз, и они радуются, несчастные, не зная сказку о крестьянском сыне, что жарит улиток и приговаривает: «О, глупые создания» и тому подобное.

11. Итак, братья, эмир нас окружил и начал осаду, каждый день он раззевает свою бездонную пасть и ждет удобного момента, чтобы поглотить нас вместе с этим Городом, который вознес трижды благословенный и великий Константин³²². Император посвятил его святой и святейшей госпоже нашей, Матери Божьей Пресвятой Деве Марии, и умолил Ее быть покровительницей, заступницей и оплотом нашей родины, прибежищем христиан, надеждой и радостью всех эллинов, гордостью всех живущих под солнцем Востока. И вот нечестивец решил уничтожить и обесславить этот некогда славный и прекрасный, как едва распустившаяся роза, Город, покоривший, можно сказать, почти всю поднебесную, поправший Понт и Армению, Персию и Пафлагонию, амазонок и Каппадокию, Галатию и Мидию, колхов и ивиров, жителей Босфора и албанцев, Сирию, Киликию и Месопотамию, Финикию и Палестину, Аравию и Иудею, бактрийцев и скифов, Македонию и Фессалию, Элладу, Беотию, локров и этолийцев, Акарнанию, Ахею и Пелопоннес, Эпир и Иллирик, лихнитов и Адриатику, Италию, тусканских кельтов и кельтогалатов, Ивирию до самого Кадикса, Ливию и Мавританию, Маврикию, Эфиопию, Черный Судан, Нумидию, Африку и Египет. Теперь эмир хочет завоевать этот властительный Город, подвести нас под ярмо рабства, а в священных храмах, где мы славим Святую Троицу и чтим Святого Духа, где слышно, как ангелы поют

хвалу Божьему Промыслу, домостроительству во плоти Слова Божия, этот нечестивец хочет устроить поклонение пустой болтовне и поношениям псевдопророка Мухаммеда, превратить наши церкви в стойла для верблюдов и лошадей. Братья и соратники, помните это, чтобы воспоминания и память о вас, ваша слава и свобода были вечны».

12. И тогда император обратился к венецианцам, стоявшим справа: «Благородные жители Венеции, возлюбленные наши братья во Христе, сильные и мужественные воины, испытанные в боях, не раз разившие своими сверкающими мечами орду агарян, чья кровь рекой струилась по вашим рукам, – сегодня я призываю вас стать на защиту этого истерзанного войной Города от глубины души и всем духом. Ведь вы хорошо знаете, он – ваша вторая родина и мать на все века. Еще раз обращаюсь к вам и прошу в такой час оставаться верными братьями и единоверцами».

13. Затем он обратился к лигурийцам, стоявшим слева: «Лигурийцы, почтенные братья, отважные, великодушные и славные воины, вы прекрасно знаете, что этот многострадальный Город принадлежал не только мне одному, но и вам по многим причинам³²³. Вы уже много раз с готовностью помогали и воинством своим спасали его от набегов враждебных агарян. Настало время вновь прийти на помощь, выказать любовь ко Христу, свои смелость и мужество».

14. Затем он обратился ко всем: «Теперь не время говорить, лишь вручаю вам свой униженный скипетр, дабы вы с благоразумием блюли его. Я прошу, призываю и заклинаю вас своею любовью с готовностью оказывать должное уважение и повиноваться стратигам, димархам и сотникам своего полка, отряда, корабля. Знайте, если вы сердцем будете блюсти мои приказы, то – надеюсь на Бога – мы избежим Его справедливой угрозы. Второе: вечный венец ждет вас на небесах, а на земле – бесценная память на века».

15. Так он завершил свою речь и с рыданиями и стенаниями возблагодарил Господа, а все в один голос откликнулись со слезами: «Умрем же за Христову веру и за нашу родину!» Император поблагодарил их, обещал щедрую награду, и вновь обратился со словами: «Итак, братья и соратники, будьте готовы к утру. Милостью Божией и доблестью, дарованной нам Богом и Святой Трои-

цей, на которую мы уповаем, заставим врага с позором бежать отсюда».

IX. Несчастные сердца слушавших его ромеев исполнились львиной смелости, они наперебой просили простить один другого, со слезами обнимали друг друга и, забыв о близких, женах, богатстве, думали только о том, чтобы отдать жизнь за родину. Затем каждый вернулся на предназначенное ему место и надежно охранял стены. А император отправился в пресвятой храм Божией Мудрости³²⁴, молился там со слезами и причастился чистейших Божественных Таин. Так же поступили многие в ту ночь. После этого он вернулся во дворец, недолго там оставался и попросил у всех прощения. Кто смог бы описать плачи и стенания, в тот час раздававшиеся во дворце? Даже человек из камня или из дерева не смог бы сдержать слез!

2. Мы верхом выехали из дворца и объехали Город, чтобы побудить стражей неусыпно сторожить стены. Той ночью все были на стенах и башнях, а все ворота, через которые можно было войти или выйти, были надежно заперты. С первыми криками петухов мы подъехали к Калигарийским воротам, спешили, поднялись на башню и услышали громкий шум и частые крики, доносившиеся снаружи. Причем стражники сказали, что это продолжалось всю ночь, ибо с той стороны подтягивали всевозможные орудия, приготовленные к штурму, и подвозили их к самому рву. Между тем огромные вражеские суда и триеры стояли на якоре, а мосты, что были в заливе, вплотную подходили к берегу и стенам.

3. Со вторыми петухами они без какого бы то ни было сигнала, как это бывало в предыдущие дни, завязали упорное и жестокое сражение³²⁵. Эмир приказал всем неопытным в боях – и старикам, и юношам – первыми вступить в бой и завязать сражение, чтобы немного измотать нас. А потом с большей отвагой и рвением на нас должны были двинуться более сильные, мужественные и опытные воины. Так все и случилось, бой начался и сражение вспыхнуло, словно пожар. Наши, в свою очередь, умело отражали удары, разили врагов, сбрасывали их со стен и даже разрушили некоторые из осадных машин и орудий противника. Были жертвы с обеих сторон, но больше всего – с турецкой.

4. Когда звезды на небе начали гаснуть, засиял свет дня и на востоке занялась розовая заря, все множество врагов растянулось

цепью у Города, от одной его части до другой. Грянула музыка войны: тимпаны, рога, барабаны; враги подняли оглушительный крик, поднесли огонь к пушечным зарядам и в едином порыве в одно время и час завязали бой, схватку, сражение с суши и с моря. Самые отчаянные из них взбирались по канатным лестницам и пускали стрелы в тех, кто стоял на башнях. Два часа длилась эта дикая и ужасная битва, и казалось, что успех был на стороне христиан: им удалось отеснить от морских стен бесполезные уже триеры с лестницами и мостами, а камни, пущенные со стен Города, нещадно разили врагов-агарян. То же происходило и со стороны суши, где враг встретил еще более решительный отпор.

5. Это было дикое зрелище: словно темная туча скрыла солнце и небо. Защитники лили жидкий огонь из специальных орудий и жгли противника, тяжелыми камнями сбрасывали вниз приставные и навесные лестницы и карабкавшихся по ним, отгоняли неприятеля выстрелами из пушек и луков. Они обращали пушечный огонь туда, где ряды противника были теснее, ранили и убивали многих³²⁶. Ну а измотанные и взбешенные тяжестью сражения и встреченным ими отпором враги хотели уже отступить, чтобы получить передышку, но цаусиды и дворцовые равдухи³²⁷ били их железными кнутами и хлыстами, не позволяя повернуть назад. Кто смог бы описать стенания, вопли бичуемых и их вой? Их крики и шум повсюду поднимались в небо. Некоторые из наших, видя эти страдания, громко кричали: «Не раз вы делали это и были биты». Они же с напором, то ли желая показать свое мужество, то ли нет, вновь карабкались вверх по лестницам. А самые отважные, крепкие и изобретательные из них вставали один на плечи другому, а тому – третий, так стараясь взобраться на стену. Так сильно и мощно они действовали, так беспощадно сражались у ворот и лестниц, так скрещивали мечи в рукопашной. Много погибших было с обеих сторон.

6. Наши ряды уже колебались, но Феофил Палеолог и Димитрий Кантакузин, мужи достойнейшие, вышли вперед, одолели агарян, отеснили их от стен и лестниц, сбросили вниз и рассеяли. В тот момент им на помощь подошли резервные отряды; там же оказался и император на коне, который, ободряя и воодушевляя воинов на бой, сказал: «Соратники и братья, сражайтесь мужественно, заклиная вас милостью Божией, ибо я вижу, как враг

дрогнул: его ряды понемногу рассеиваются и движутся уже не в своем обычном порядке. Я уповаю на Господа и надеюсь, что победа будет за нами. Братья, воспряньте духом, и бесценный венец, не только земной тленный, но и небесный, будет нашим. Господь Бог сражается за нас, а орду нечестивцев объемлет страх».

7. Когда император говорил это, стрела поразила стратига Иоанна Джустиниани в правую голень³²⁸. Он был не слишком опытен в военных делах и, как только увидел кровь, струившуюся из его собственного тела, весь переменялся, от страха утратил все бывшее мужество и уже ничего полезного после этого делать не мог. Он покинул свое место и безмолвно искал врачей, забыв о прежнем мужестве, чести и благородстве. Джустиниани ничего не сказал никому из соратников и не оставил вместо себя никого, чтобы начавшаяся суматоха не привела к гибели. Прошел слух, что Джустиниани сбежал, воины, оглядевшись, не увидели его и впали в замешательство и великий страх. А император, случайно оказавшийся там, увидел, как воины, словно стадо овец, бегут в смятении и страхе. Он выяснил причину и, заметив, что его стратиг Джустиниани покидает поле боя, подошел к нему и сказал: «Брат, что ты натворил? Вернись на свое место, рана твоя не опасна. Вернись, ты нам очень нужен сейчас; в твоих руках судьба Города, спаси его». Многие сказали ему император, но Джустиниани ничего не ответил, а постыдно переправился в Галату и там умер от горечи и презрения.

8. Турки, увидев смятение в наших рядах, осмелели. Заганпаша, который был там, обратился с речью к янычарам и другим воинам и стал пробуждать в них боевой дух. Один янычар, по имени Хасан, человек огромного роста, родом из Лопадия, левой рукой поднимая над головой щит, а правой сжав меч, бросился к стене, где увидел смятение в наших рядах. Соревнуясь с ним в храбрости, еще около тридцати воинов последовали за ним. Однако оставшиеся на стене наши воины метали копья, пускали стрелы и катили на врага огромные камни, а восемнадцать из них сбросили со стены. Но Хасан не ослабил натиска, пока не взобрался на стену и не обратил в бегство защитников³²⁹. Когда он сделал свое дело, другие воины последовали за ним и взобрались на стену. Наши не в силах были им помешать: их было мало, а врагов — неисчислимое множество; защитники бились врукопашную с теми

из них, кому удалось взобраться на стену, потери были велики. В бою Хасан был сражен камнем и упал: наши увидели его распростертым на земле и набросились со всех сторон, он же, поднявшись на колени, пытался защищаться, хотя правая рука и отказала ему из-за многочисленных ран. Он пал под градом стрел. Много других воинов было убито и ранено; получившие ранения были доставлены в лагерь.

9. Когда множество врагов поднялось, наши рассеялись, покинули внешнюю стену и, давя друг друга, хлынули в ворота внутренней стены³³⁰. Так это было. Изнутри, снаружи и со стороны моря раздавался крик: «Крепость взята, флаги и знамена подняты на всех башнях». И этот голос обратил наших в бегство, а врагов воодушевил, и все они с криками без страха стали карабкаться на стену³³¹.

10. Едва несчастный император и господин мой увидел это, он принялся со слезами молить Господа и убеждать воинов собраться с духом; но не оставалось уже никакой надежды на содействие и помощь. Затем он, пришпорив коня, во весь опор въехал в самую гущу нечестивцев и, как Самсон, принялся расправляться с иноплеменниками. В первом натиске он сбросил нечестивцев со стены, и было это необыкновенное чудо, которое могли наблюдать очевидцы. С львиным ревом, сжимая меч в правой руке, он рубил многих, а кровь рекой стекала с его рук и ног.

11. Дон Франциско Толедский, о котором упоминалось и раньше, как Ахиллес, сражался справа от императора и, подобно орлу, рвал противника когтями и зубами.

12. Феофил Палеолог, как только увидел императора на поле боя и понял, что Город в опасности, оглушительно и отчаянно закричал: «Лучше мне умереть, чем жить!» Он с криком бросился на врага и кого только нашел, всех рассеял, оттеснил или убил. И Иоанн Далмат³³² был там и сражался с противником отважнее всех воинов. Те, кому случилось быть там, дивились силе и отваге этих доблестных мужей. Второй и третий раз повторялся приступ, схватка и великое сражение, защитники теснили нечестивцев, многих рубили, других же сбрасывали со стен – они жарко бились, сражались и, прежде чем принять смерть, нанесли врагу большой урон. Нашли смерть в бою и другие славные воины, которые находились у ворот Св. Романа, где враги установили осадную башню и огромную гелеполу, пробившую брешь в стене, и впервые ворва-

лись в Город. В тот час я не был рядом с господином моим императором, но по его приказу отправился на разведку в другую часть Города.

Х. Когда турки ворвались в Город, они выстрелами, стрелами, дротиками и камнями прогнали еще оставшихся за внутренними стенами христиан и завладели всем Городом, кроме башен Василия, Леонтия и Алексея, которые обороняли критские моряки. Они храбро сражались до шестого–седьмого часа и убили много турок. Даже увидев столь огромное множество нечестивцев и покоренный Город, они не желали подчиниться и говорили, что предпочтут смерть жизни. Один из турецких воинов доложил эмиру об их храбрости, и тот приказал им спускаться, обещая даровать свободу, а также вернуть корабль и имущество. Только так врагам с трудом удалось убедить защитников покинуть башни³³³.

2. Два итальянца, братья Паоло и Троило, а с ними и многие другие отважно сражались на своем месте. Они оттесняли врага, сражались храбро, не спустя рукава, и смерть витала между ними, я говорю об осаждающих и осажденных. Паоло обернулся и, увидев, что враг уже в Городе, сказал брату: «Солнце – содрогнись, земля – возопи. Город взят, и прошло время сражаться, подумаем, если можно, о собственном спасении».

3. Вот так враги захватили Город. Это случилось во вторник в полтретьего дня двадцать девятого мая тысяча четыреста пятьдесят третьего года.

4. Победители грабили и брали в плен, убивали схваченных и сопротивлявшихся – и не видно было даже клочка земли, не покрытого трупами. Страшное это было зрелище: бесчисленные и разноголосые рыдания и великое множество уводимых в рабство знатных дам и дев, посвятивших себя Богу, – их турки безжалостно волокли из церквей за волосы, косы и кудри, – вопли и плач детей, грабеж почитаемых и священных домов. Страшно было даже слышать это. Кровь Христова лилась по земле, Его плоть была разбросана, священные сосуды похищены или разбиты, а те, что уцелели, – спрятаны за пазуху. То же сделали турки и с прекрасными украшениями: они топтали святые иконы, украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, снимали с них украшения и превращали в кровати и столы. А священными облачениями, сотканными из шелка и золота, покрывали коней, на других же ели.

Они хватали дорогие жемчуга из сокровищниц и топтали ногами мощи святых. Эти предтечи Антихриста терзали нас и многими другими исторгавшими слезы бесчинствами.

5. О Господи, как неизъясними и непостижими Твои мудрые решения! И можно было видеть, как в этом огромном и святом храме Божьей Мудрости, небесном царстве на земле, престоле славы Господней, колеснице Херувимской, втором оплоте, Божественном творении, великом и чудесном создании, отраде всей земли, красе всех красот краше, — здесь, в этой святыне, на священных столах они ели и пили, осуществляли и удовлетворяли свои грязные помыслы и желания с женщинами, девами и детьми. Как же не оплакивать тебя, Святой храм? Здесь повсюду творилось зло, и всякая голова разрывалась от боли.

6. Дома наполнены плачами и рыданиями, на перекрестках — вопли, в храмах — стенания, стоны мужей, слезы женщин, везде тащат, порабощают, крушат и насилуют. Знатные остались в живых ценою чести, богатые нечестивцы! На площадях, в закоулках — повсюду творилось всяческое зло, и не осталось безопасного укрытия. О Господи, освободи этот Город и всю страну, где обитают христиане, от этого горя и несчастья! Эти нечестивцы изрыли все сады и дворы в поисках спрятанных денег, они обогащались, находили во многих церквях сокровища, древние и бесценные вещи.

XI. Как только Город был взят, эмир вступил в него и без промедления начал расспрашивать об императоре, не думая больше ни о чем, кроме того, жив тот или нет. Одни приходили и говорили, что царь бежал, другие — что он скрывается в Городе, третьи — что он пал в сражении. Желая убедиться наверняка, он послал своих людей туда, где лежали горы тел убитых христиан и нечестивцев, они обмыли множество голов погибших, в надежде распознать среди них императорскую. Но они так и не смогли бы узнать его, если бы не наши мертвого тела императора, которое опознали по царским наголенникам и сандалиям с золотыми орлами, какие имели обыкновенные носить цари. Узнав об этом, эмир был очень доволен, обрадовался, и по его приказу оказавшиеся там христиане похоронили тело императора с императорскими почестями³³⁴.

2. Ах, горе, горе, в какое время меня уберегло провидение! А было всей жизни славного из императоров, этого кротчайшего человека и мученика, сорок девять лет, три месяца и двадцать дней³³⁵.

3. Эмир же, воодушевленный великой победой и исполнившись еще большего тщеславия и гордыни, стал жесток и беспощаден. Великий дука Лука Нотара пришел к нему и преклонил колена и показал ему огромное богатство, спрятанное им, драгоценные камни, жемчуга и другие сокровища, достойные императоров, а эмир и его советники смотрели и дивились этому. Нотара же сказал эмиру: «Все это я берег для твоего величества, и вот теперь я приношу тебе этот дар и заклинаю согласиться с просьбой и мольбой раба твоего». Таким образом он надеялся вместе со своими домашними получить свободу. Эмир же сказал ему в ответ: «О песье отродье, дьявольски хитрый и изворотливый, у тебя было такое богатство, и ты не спас императора, владыку своего, и Город, свою родину! Теперь же таким коварством и уловками, которым ты научился с детства, ты хочешь перехитрить меня и избежать надлежащей тебе участи? Скажи мне, нечестивец, кто дал мне твое богатство и этот Город?» Нотара сказал ему: «Бог». А эмир ответил ему: «Тогда, если Бог мне даровал все это и тебя, и всех сделал моими рабами, что ты, хитрец, мне говоришь, о чем болтаешь? Почему же ты не послал мне это раньше, прежде чем я двинулся на вас и захватил Город, чтобы я оплатил тебе тем же? Теперь же не ты принес мне эти дары, а Бог». Тотчас он приказал палачам бросить его в тюрьму и надежно охранять.

4. На следующий день он приказал им вновь привести Нотару и сказал ему: «Почему ты не захотел помочь своему императору и родине своей и дать им те несметные богатства, что у тебя были, и почему ты не посоветовал императору с миром отдать мне Город, когда я предлагал ему другие территории в залог нашей любви и дружбы, чтобы не было столько убитых»? Он ответил: «Не я виноват в этом, а венецианцы и жители Галаты, обещавшие прислать ему на помощь армию и флот». Эмир сказал на это: «Много ты знаешь лживых уловок, но теперь ложь не спасет тебя». И он приказал завтра на агоре у Ксиролофа у него на глазах казнить его двоих сыновей, за которых он просил императора (один из них был удостоен чина великого коноставла³³⁶, а другой – великого логофета)³³⁷. Затем он приказал казнить и его, что и было исполнено. Таков был конец Луки Нотары³³⁸.

5. Затем эмир приказал казнить много благородных архонтов, венецианского бальи и его сына, каталонского консула и его двух

сыновей. После этого он хотел казнить и Контарини и других венецианских вельмож, но они поднесли и посулили дары Заганпаше и были помилованы. Эмир послал воинов в Галату, и многие там были схвачены и убиты. Все, что было им обещано, он забыл и объявил их своими подданными. Халиля-пашу он заточил в башне и через несколько дней казнил и его потому, что, как мы уже говорили, тот советовал ему не начинать войну против Константинополя из страха, что владыки Запада соберутся и изгонят их из Европы и тому подобное, как я писал выше. Его смерть привела все войско эмира в отчаяние, поскольку он был любим всеми и всегда давал хорошие советы эмиру.

ПЛАЧ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Помимо исторических сочинений падение Константинополя вызвало к жизни ряд лирических стихотворных сочинений, обычно именуемых плачами. Эти небольшие произведения создавались в основном сразу после захвата Константинополя, когда чувство утраты было еще свежо, но падение «царственного города» имело такой огромный исторический резонанс, что плачи продолжали появляться и в течение последующих двух веков. Плачи очень разнообразны и стилистически, и по своей тематической структуре, но все они были посвящены одному историческому событию и создавались уже на исключительно народном языке¹.

Плач, приведенный ниже, во многом является довольно типичным образцом этого жанра. Частично он построен в виде диалога между Константинополем и Венецией. Он начинается с жалоб по поводу утраты великого города, которые затем переходят в описание былого могущества и красоты Константинополя.

К сожалению, точно датировать плач не удастся, однако неизвестный нам автор достаточно верно описывает сам город, его осаду и захват; это позволяет предположить, что если сочинитель и не был сам очевидцем описываемых событий, то, по крайней мере, оказался их современником². Уникальность этого плача состоит именно в том, что его автор не просто расточает жалобы о гибели Константинополя, а как бы пытается соединить лирическое повествование с историческим фоном.

¹ *Beck Hans-Georg*. Geschichte der Byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 163–164.

² Κουταβά-Δεληβοριά Βαρβάρα «Χρονογραφική» και Χαρτογραφική Αποτύπωση της Αλώσεως, Αθήνα, 2003, σελ. 14.

Плач переведен по изданию: Ζώρας Γ. Περί την Άλωσιν της Κωνσταντινουπόλεως. Αθήνα, 1959, σελ. 250–253.

Смешались мысли у меня и разум помутился,
Что не могу в стихи облечь падение Царьграда.
Заплачьте, горы статные, и скалы, содрогнитесь,
И родники, умолкните, и высохните, реки:
Навеки ключ потерян был от всей вселенной нашей,
Навек сомкнулись вежды христианского востока.
И ты, луна небесная, свой свет не лей на землю,
И недвижимо встаньте вы, стремительные воды.
О, сколько потеряли мы, несчастные Ромеи,
С потерей Града этого, известного повсюду,
Благословенного отцами церкви православной.
Тебя завоевали, покорили, Град прекрасный,
На гибель обрекли Тебя безжалостные звери,
Бесчисленные полчища обрушили на стены,
Как злая саранча, поля Твои опустошили.
Убили императора собаки янычары,
Смешалась его кровушка с кровинушкой народа.
Замучили придворных всех и знать поубивали,
Всех облекли на странствия по странам отдаленным,
Где будут стыд испытывать и всеми порицаться
И слезы горьки проливать об участи несчастной.
Ты был светилом на небе, Царьград благословенный,
Звездой светлой утренней, что мир весь освещала,
Лучистый свет дарующей всем странам во вселенной:
На западе Италии, империи германцев,
а также Антиохии, известной на востоке.
Служили одному Тебе четыре патриарха,
Не только царь Ромеев всех, но был Ты царь над всеми,
Над всей землей Ты властвовал, единый император.
Но был порабощен сей Град, о горе! стал рабом он!
Послушай, как отклинулась Венеция на горе,
Когда узнала страшные дня черного известья:
«Царьград, что ныне терпишь Ты, и я тем горько мучусь,
Твое несчастье горько мне, открыта в сердце рана,
Ведь был гостеприимцем Ты изгнанников и пленных,
И был Ты гордость христиан и слава православных,
Ты был прибежищем сирот и многих чужестранцев,
Не счесть было церквей твоих, монастыри повсюду,
Их купола прекрасные рассыпаны как звезды,
Дома, дворы украшены все мрамором и золотом.

И воды быстрые в Твоих источниках бежали,
Сады чудесные цвели с плодами на деревьях.
И красотой Твоей была Святейшая София,
Ведь от нее узнали все, что значит Божья мудрость.
Теперь церковью открыты двери туркам-басурманам,
В Святой Софии речь слышна лишь мусульман безбожных,
А раньше там звучало слово только православных.
Увы, как же случилось так, что в рабство обращен Ты?
Царьград, что ныне терпишь Ты и я тем горько мучусь.
О город мой, исколесила я все земли кряду,
Но нет на свете города, чтоб мог с Тобой сравниться,
Такого нет прекрасного, не встретила я краше.
Мой город славный, был Ты на земле как неба царство,
И были ангелы к Тебе добры и милосердны,
К Тебе, наследнику империй и всех царств древнейших.
Но эта сладкая свобода вдруг исчезла разом,
Как дым, как утренний туман, как будто не бывало,
И все, что гордостью считал, теперь в руках у турок».
Услышал Город эту речь и плачем отвечает:
«Ты правду говоришь, Венеция, мой стыд являя,
но ты послушай и меня, что я тебе отвечу.
Когда Великий Константин решил меня построить,
Он сделал Богородицу заступницей моею,
Чтобы она страдания и боли мне смягчала.
И правда это было так, меня она хранила,
И все напасти от меня рукою отводила.
Но вот настал тот горький час расплаты за пороки,
Восстал Господь, разгневанный на наши прегрешенья,
Обрушил наказание за наши беззаконья,
Что разом в одночасье я был низвергнут с трона.
Один бессовестный злодей, собака басурманин,
Мехмета гнусного потомок, дьявольское семя,
Мудрее многих оказался мусульманин хитрый,
В военном деле проявил себя искусным и умелым,
И с двух сторон от стен моих, ворот больших напротив
Воздвиг он укрепления огромнейших размеров,
Тараны к стенам прислонил, и так я был повергнут.
На небе нету столько звезд и листьев на деревьях,
И птиц так много не поет у нас в полях прекрасных,
Сколько отправил полчищ он, сколько отрядов выслал.
А тот безбожный негодяй в дракона превратился,
Оскал звериный обнажил, и все застыли в страхе.
И пять голов он показал – бывает так у змеев,
Огонь из них он выпустил и все объял пожаром.

Космидий оказался под его главой огромной,
А длинный хвост его до золотых ворот добрался.
Свистел он по-драконьи и как лев рычал свирепый,
И бил хвостом упругим оземь и вращал глазами,
Что страх такой заставил подчиниться королевства,
И замки пасть безропотно и сдаться – государства.
Тогда народ весь бросился бежать в Христову землю,
И Богу все молились, может он их пожалеет,
Все же Господь не сжалился, он очень был разгневан
На все мои грехи позорны, страшны преступленья.
И молнией их не спалил, и не ударил громом,
Когда святой наш крест Христов позором покрывали
Арабы, гнусные враги, что замки разрушают.
Увидел ли их в море он, услышал ли их поступь,
Как подступают их суда к моей Галаты землям
Как раз напротив Скутари к Святому Константину?
Со всех сторон нагрянули как змеи в чистом поле.
Хитрец, искусный в кознях, христианских душ губитель,
Всех православных гибель и знати всей убивец,
Тот, что командовал принесшим поражение войском,
Которое поставил он напротив стен высоких.
И вот гроза и молнии, нас ими закидал он,
И вот летят камня острые на горе Граду,
И вот сей горький час настал разрухи и мучений,
И вот послышался великий плач и причитанья,
Когда в дома врывались турки к православным людям,
Звенели стекла, и трещали сломанные двери,
Кинови грабили они, монахов убивали,
Позорили монастыри и знатных дев губили.
О, сколько горя горького принес злосчастный вторник,
О, сколько муки вытерпел наш христианский Город,
Когда был свергнут турками, с высокой башни сброшен,
Когда повергли ниц его пред стенами крутыми,
Когда развязан пояс был и смерть в глаза взглянула,
Когда раздели гордого, и на позор предстал он.
И вот сей горький час настал разрухи и мучений,
Когда от матерей несчастных деток забирают,
И тащат их как агнцев, чтобы кровь продать невинну».
Рыдайте все, оплачьте все падение Царьграда,
Судьбу несчастную второго Иерусалима,
Ведь не могу от боли я в стихах излить кручину,
Не в силах я один все страшны описать несчастья.

КОММЕНТАРИЙ

Критовул. Историческое сочинение

¹ Крепость, построенная на европейском берегу Босфора по приказу султана Мехмета II, сейчас известна под названием Румели-Хиссар; Дука на турецкий манер называет ее Паскесен, что буквально значит «перерезающая горло», а Халкокондил — «Лемокопией», что является греческим переводом ее названия с турецкого языка. Мехмет приказал возвести эту крепость напротив другой крепости, построенной на азиатском берегу Босфора еще во времена царствования Баязита I (1389–1402) и называемой сейчас Анатоли-Хиссар.

² То есть во времена султанов Мехмета I (1413–1421) и Мурата II (1421–1451).

³ Критовул намекает на попытки императора Мануила II (1391–1425) и его сына Иоанна VIII (1425–1448) дестабилизировать Османское государство, поддерживая поочередно разных претендентов на престол после смерти султана Баязита I в 1402 году.

⁴ Триера — в Древней Греции боевое гребное судно с тремя рядами весел. В византийскую эпоху так называлось двухмачтовое гребное судно, на каждом весле которого сидело по три гребца.

⁵ Греческим морем Критовул называет Мраморное море.

⁶ Речь идет о 1452 годе.

⁷ Критовул, как и Халкокондил, именует султана Мехмета II царем (βασιλεύς), хотя, согласно византийской имперской идеологии, этот титул может носить только византийский император, Дука называет Мехмета тираном (τύραννος), Сфрандзи же использует достаточно нейтральный термин «эмир» (ἔμιρας), принятый для обозначения правителей в ряде мусульманских стран.

⁸ См. примеч. 26.

⁹ Итальянский флот препятствовал переправе султана Мурата II через Босфор и Дарданеллы, когда султан Мурат II осуществлял подготовку к битве при Варне, состоявшейся в 1444 году. В битве при Варне турецкие войска одержали победу над выступившими против них крестоносными войсками, состоявшими из венгров, поляков и румын, под командованием трансильванского воеводы Яноша Хуньяди и короля польского и венгерского Владислава.

¹⁰ 1452 год.

¹¹ Симплегады – дословно «сдвигающиеся». В греческой мифологии плавающие скалы, которые расходились, а затем, когда между ними оказывался корабль, внезапно сходились и раздавливали его.

¹² Утверждение Критовула о том, что Геракл первым преодолел Симплегады, необычно, так как, согласно греческой мифологии, Геракл принадлежал к тому же поколению, что и аргонавты и в самом начале принимал участие в их походе. Ясон, в греческой мифологии правнук бога ветров Эола, возглавлял поход аргонавтов, то есть участников плавания на корабле «Арго» за золотым руном в Колхиду.

¹³ Стадий – античная мера длины, равная 178,6 метра. Критовул архаизирует наименование меры длины, и поэтому здесь нельзя ожидать точности в расчетах.

¹⁴ В отличие от Критовула Халкокондил утверждает, что строительство крепости было завершено за три месяца.

¹⁵ Локоть – античная мера длины, равная приблизительно 0,6 м.

¹⁶ Адрианополь был захвачен султаном Муратом I (1362–1389) еще в 1362 году. В 1365 году он сделал его своей резиденцией и столицей.

¹⁷ Учитывая тот факт, что новый год у византийцев начинался 1 сентября, получается, что речь идет о 1452 году от Р. Х., втором году правления царя Мехмета II, который вступил на трон в феврале 1451 года.

¹⁸ Акрополь – возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города. Здесь слово употреблено в значении «крепость».

¹⁹ Для обозначения турецких военачальников Критовул использует условные античные термины, вряд ли имея в виду какую-то конкретную должность. Сатрап обозначал правителя провинции или области в Персии, стратиг в Древних Афинах был военной, а позднее и административной должностью, а в Византии являлся наместником фемы, то есть военно-административного округа, иларх был начальником конного отряда, а тагматарх – начальником отряда или полка.

²⁰ Даем буквальный перевод. Смысл фразы не совсем ясен.

²¹ Далее Мехмет вспоминает всю историю захвата османами византийских территорий.

²² Здесь Критовул, перечисляя различные области Малой Азии и их жителей, употребляет архаизированные этнонимы.

²³ Город Пруса (современный город Бурса на северо-западе Турции) был захвачен турецкими войсками в 1326 году. Он стал первой столицей Османского государства и вторым священным городом после Мекки.

²⁴ Гелла – в греческой мифологии дочь богини облаков Нефелы, сестра Фрикса. По преданию, ее надгробный камень находится на Фракийском полуострове.

²⁵ Речь идет о захвате в 1352 году крепости Цимпе, двигаясь от которой османы под предводительством Сулеймана в марте 1354 года после разрушительного землетрясения захватили Галлиполи.

²⁶ Здесь Критовул также употребляет архаизированные этнонимы, предположительно подразумевая под мизийцами болгар, под иллирийцами албанцев, под трибаллами сербов, под вострами и далматами боснийцев, под пэонийцами венгров и под гетами влахов.

²⁷ До захвата Константинополя султаном Мехметом II в 1453 году Константинополь трижды подвергался осаде: первый раз он был осажден в 1396 году султаном Баязитом I (1389–1402), прадедом Мехмета II. Однако тогда султану помешала достичь своей цели весть о крестовом походе, который начал король Венгрии Сигизмунд при участии рыцарей из Франции, Польши, Англии и Германии. Во второй раз он осадил Константинополь в 1402 году. Осада была снята из-за внезапного вторжения Тимура (Тамерлана) в Османскую державу в Малой Азии. В результате сражения войск султана Баязита с армией Тимура при Ангоре (Анкире) 28 июля 1402 года турецкое войско было разбито, султан Баязит – захвачен в плен и вскоре умер в неволе, а гибель Византии была отсрочена еще на половину столетия. И в третий раз Константинополь был осажден отцом Мехмета II, султаном Муратом II (1421–1451), в 1422 году, однако из-за того, что его младший брат Мустафа, поддерживаемый предводителями небольших эмиратов в Малой Азии и получавший финансовую помощь от византийского императора Мануила II (1391–1425), поднял мятеж, Мурат II был вынужден снять осаду.

²⁸ В битве при Никополе на Дунае 25 сентября 1396 года султан Баязит I (1389–1402) нанес поражение армии крестоносцев под командованием венгерского короля Сигизмунда. При перечислении рыцарей из европейских стран, принявших участие в этом походе, Критовул также частично употребляет архаизированные этнонимы, подразумевая, по-видимому, под западными галатами – галлов, под кельтивирами – испанцев, а под даками – румын. См. выше примеч. 27.

²⁹ Тимур (Тамерлан; 1336–1405), среднеазиатский полководец и завоеватель. В своей архаичной манере Критовул называет Тимура скифом, подразумеывая под скифами татар. А «скифом из Вавилона» он является потому, что в 1393 году овладел Месопотамией и Багдадом, возведенным на месте древнего Вавилона.

³⁰ См. выше примеч. 27.

³¹ См. выше примеч. 3.

³² Янош Корвин Хуньяди (Янк, Иоанн Гет), незаконнорожденный сын венгерского короля Владислава IV, прославленный герой венгерского народа, воевода Трансильвании. Здесь Критовул намекает на его успешные кампании, когда он, встав во главе ополчения из венгров, сербов и других народов, нанес ряд поражений туркам в Сербии, Валахии и Болгарии в первой половине 40-х годов XV века.

³³ Так мы переводим τὰ τοῦ βασιλείου.

³⁴ Дед Мехмета никогда не предпринимал попыток захватить Константинополь. Мехмет имеет в виду своего прадеда Баязита I (1389–1402), осадившего Константинополь в 1396 году. См. выше примеч. 27.

³⁵ Когда в 1396 году султан Баязит I попытался захватить Константинополь, его намерению помешал король Венгрии Сигизмунд. См. примеч. 27.

³⁶ См. выше примеч. 27.

³⁷ Критовул намекает на споры по догматическим вопросам между представителями Западной (латинской) и Восточной (православной) церквями, особенно остро вставшие после заключения церковной унии на Ферраро-Флорентийском соборе в 1438–1439 годах. См. введение, стр. 9–12.

³⁸ Речь идет о янычарах (Критовул называет их гвардией – «αὐλή»), составлявших элитное войско султана. С начала своего появления войско янычар формировалось из взятых в плен и обращенных в рабов детей христиан. В результате военной реформы, проведенной султаном Муратом II, была введена регулярная система набора, по которой каждая христианская семья была обязана, в случае необходимости, отдать по мальчику. Дети воспитывались мусульманами, и вся их жизнь была посвящена службе султану.

³⁹ О крепостях, которыми были перегорожены проливы, см. выше примеч. 1.

⁴⁰ Эпарх – высшее гражданское должностное лицо в Константинополе. Ему принадлежали главным образом хозяйственные, полицейские и судебские функции. Здесь Критовул использует этот термин для обозначения наместника султана. Из других источников нам известно имя наместника Мехмета II в Европе – его звали Караджа.

⁴¹ Сфрандзи сообщает, что еще до прихода Мехмета земли вокруг Константинополя были разграблены турецкими войсками под предводительством Харат-паши.

⁴² В сентябре 1451 года, вскоре после вступления на престол, султан Мехмет II принял послов византийского императора Константина XI (1449–1453) в своей резиденции в Адрианополе и поклялся на Коране не предпринимать дальнейших попыток вторжения на византийскую территорию.

⁴³ Галата – генуэзская колония, образовавшаяся на другом берегу Золотого Рога еще в начале XIII века; населявшие ее генуэзцы принимали активное участие в экономической и политической жизни Константинополя.

⁴⁴ Практически все источники упоминают о цепи, которая перегораживала Золотой Рог и не позволяла турецким судам проникнуть в залив.

⁴⁵ Имеются в виду Димитрий и Фома Палеологи, морейские деспоты, сыновья Мануила II (1391–1425), братья императора Константина XI. Димитрий получил в управление столицу Мореи Мистру и юго-восточную часть полуострова, а Фома – северо-западную с Кларенцей и Патрами.

⁴⁶ Речь идет о папе Николае V (1447–1455).

⁴⁷ Здесь Критовул использует архаизированные термины: триерарх обозначает командира триеры, а наварх – командира корабля.

⁴⁸ Сведения о количестве судов, составлявших флот султана, различны: Критовул говорит о 350 судах, Дука – о трехстах, Халкокондил утверждает, что флот султана состоял из 30 триер и приблизительно 200 малых судов, а Сфрандзи сообщает о том, что к Константинополю подошло 420 турецких кораблей.

⁴⁹ Данные о численности турецкого войска также различаются: Критовул говорит о более чем 300 тысячах воинов, а Дука и Халкокондил считают, что войско султана составляло 400 тысяч воинов. Сфрандзи приводит цифру,

сильно отличающуюся от свидетельств остальных историков: по его мнению, сухопутное войско султана составляли 8250 воинов.

⁵⁰ Речь идет о заливе Золотой Рог.

⁵¹ Об итальянских судах и кораблях с Крита, принимавших участие в защите Константинополя, сообщают практически все источники.

⁵² Критовул сообщает, что Джустиниани прибыл с двумя кораблями, имея на борту 400 воинов, Дука также говорит о двух кораблях, Халкокондил утверждает, что Джустиниани прибыл только с одним кораблем и 300 воинами, Сфрандзи же упоминает о двух кораблях. Для обозначения воинов, прибывших с Джустиниани, Критовул использует античный термин: катафрактами в Древней Греции называли тяжеловооруженных конных воинов.

⁵³ Месотихий – участок стены Феодосия над рекой Ликос, считавшийся наиболее уязвимым местом городских укреплений. Мириандрий – отрезок стен, проходивший по вершине гребня, на котором находились Харисийские ворота, до стыка стен Феодосия с влахернской стеной.

⁵⁴ Заган – турецкий военачальник. Сразу после вступления на престол султана Мехмета II был назначен помощником визиря; горячо поддерживал захватнические планы Мехмета. Во время осады командовал войсками на противоположном берегу Золотого Рога. Впоследствии впал в немилость у султана и был отправлен в ссылку. Халиль – занимал пост великого визиря еще при Мурате II, отце Мехмета II. После смерти отца Мехмет сохранил за Халилем его пост. Однако поскольку Халиль всегда оставался сторонником мира с Византией и отговаривал молодого султана от его планов по захвату Константинополя, то летом 1453 года, уже после завоевания византийской столицы, он был казнен по приказу Мехмета.

⁵⁵ Лохаг – архаизированное наименование одного из младших командных чинов.

⁵⁶ Керамик – один из пригородов Константинополя.

⁵⁷ Гоплиты – древнее обозначение тяжеловооруженных пеших воинов.

⁵⁸ Комит – в Византии официальная должность с различными функциями. Что имеет в виду Критовул, употребляя этот термин по отношению к приближенному султана, неизвестно.

⁵⁹ Пядь (словом «пядь» мы переводим греческое *σπιθαμή*) соответствует приблизительно 23,4 см. Следовательно, размеры пушки были следующими: длина ствола – 9,36 м, диаметр ствола спереди – 2,81 м, диаметр пороховой камеры – 0,94 м, а толщина стенки составляла около 25 см.

⁶⁰ Один талант соответствует приблизительно 26,2 кг. Следовательно, согласно свидетельству Критовула, пушка должна была весить почти 40 тонн.

⁶¹ Под травой Критовул подразумевает порох. В XV веке еще использовали не рассыпчатый порох, а пороховую мякоть, иногда порох употребляли также в виде комков. Точных данных о месте изготовления пороха нет, но имеются сведения, что впервые он был изобретен в Китае, а затем стал известен в Индии. Некоторые историки предполагают, что предшественником пороха был греческий огонь (впервые был применен греками в VII веке), идею которого они заимствовали у арабов, последние же, в свою очередь, – у китайцев. В XIV веке порох проник в Западную Европу.

⁶² В некоторых источниках утверждается, что немецкий алхимик Бертольд Шварц в начале XIV века случайно открыл состав пороха и что ему же принадлежит идея изобретения огнестрельного оружия. Однако задолго до его изобретения, еще в 1118 году, пушки применялись при осаде маврами Сарагосы.

⁶³ У Критовула мы узнаем только о подкопах, которые сделали воины султана, а Халкокондил и Сфрандзи сообщают, что византийцам удалось обнаружить эти подкопы и овладеть ими.

⁶⁴ Этот эпизод упоминается только у Критовула.

⁶⁵ Упоминания об этом эпизоде также больше не встречаются ни у одного историка.

⁶⁶ Об этом эпизоде мы также можем прочитать только у Критовула.

⁶⁷ Со стороны суши Константинополь был защищен двойной стеной. Снаружи перед ней находился глубокий ров, шириной примерно 18 м, отдельные участки которого при необходимости могли быть заполнены водой. По внутренней стороне рва проходил бруствер, высотой около 5 м. Затем возвышалась наружная стена, высотой 8 м и шириной около 3 м, а за ней следовала внутренняя стена, достигавшая в высоту 15 м, а в ширину 4,5 м. Как на наружной, так и на внутренней стене через равные промежутки были возведены башни. Все источники сообщают, что защитники Константинополя приняли решение держать оборону на наружной стене.

⁶⁸ Согласно свидетельству Критовула, установка заграждения началась сразу после возвращения Мехмета от крепостей Студия и Ферапия, задолго до решающего штурма; Дука сообщает другие сведения: он утверждает, что возведение заграждения началось в ночь перед штурмом.

⁶⁹ Имеется в виду великий дука Лука Нотара — один из приближенных императора Константина, который во время осады исполнял обязанности главнокомандующего флотом и руководил обороной морских стен города.

⁷⁰ В отличие от Критовула Дука утверждает, что кораблей было пять (один византийский и четыре генуэзских), Халкокондил говорит только о двух кораблях, один из которых был генуэзским, а другой принадлежал византийскому императору, а Сфрандзи сообщает, что к Константинополю подошли три генуэзских и одно византийское судно.

⁷¹ Историки по-разному описывают этот эпизод: Дука считает, что командующий турецким флотом был ранен уже после сражения своими же воинами, Халкокондил предлагает другую версию событий, говоря, что Палдоглу был ранен в сражении, но своими воинами, в то время как Сфрандзи совсем умалчивает об этом эпизоде.

⁷² Двойные колонны — место стоянки турецкого флота на Босфоре. Находилось, по-видимому, недалеко от Галаты.

⁷³ Согласно свидетельству Геродота (Herod., IV, 7), во время похода персидского царя Ксеркса на Грецию в 481 году до н. э. он приказал прокопать узкий канал, отделявший Афон от материка, чтобы корабли могли пройти по нему в полной безопасности.

⁷⁴ Дука сообщает о 80 судах, а Халкокондил считает, что судов было 70.

⁷⁵ Первое упоминание о мосте см. на стр. 42.

⁷⁶ Хилиарх – начальник отряда в тысячу человек.

⁷⁷ Туфака – переносное метательное орудие.

⁷⁸ Симмория, сиссития и синомотия – в античности сообщества, организованные с различными целями (уплата налогов, общие трапезы, решение политических задач и т. д.). Здесь эти термины употребляются в стертом значении для обозначения войсковых соединений турецкой армии.

⁷⁹ Кимвалы – ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических тарелок.

⁸⁰ Сведения, данные Критовулом, Халкокондилом и Сфрандзи о времени начала решающего штурма, немного различаются: Критовул утверждает, что штурм начался на закате, Халкокондил – на рассвете, Сфрандзи – со вторыми петухами (т. е. около двух часов ночи), в то время как Дука дает совершенно другие сведения: он сообщает, что штурм начался в воскресенье, 27 мая, но так же, как и остальные историки, говорит, что в город турки вошли 29 мая, во вторник.

⁸¹ Сведения о ранении Джустиниани очень различны: Сфрандзи утверждает, что Джустиниани был ранен в правую голень, а Халкокондил и Дука – что в руку. В отличие от Критовула Дука всячески старается оправдать Джустиниани и утверждает, что тот хотел продолжать сражение.

⁸² Эта дверца, которую Критовул называет «воротами Джустиниани», а Дука – «Керкопортой», находилась в самом углу Влахернской стены, недалеко от места ее соединения с двойной стеной Феодосия. Критовул называет ее таким образом, вероятно, потому, что итальянцы вынесли раненого Джустиниани именно через эту дверцу.

⁸³ Обстоятельства смерти последнего византийского императора так и до конца и не выяснены: Дука утверждает, что Константин погиб от руки турка, напавшего на него сзади, и что после того, как голова византийского императора была доставлена Мехмету и Лука Нотара подтвердил, что это голова Константина, Мехмет приказал выставить ее на обозрение; Халкокондил и Сфрандзи ничего не сообщают об обстоятельствах смерти Константина, однако последний описывает, как по приказу Мехмета тело императора было найдено, опознано по царским наколенникам и сандалиям с золотыми орлами и похоронено с императорскими почестями.

⁸⁴ Сфрандзи, как и Критовул, сообщает, что турки проникали в город двумя путями: большая часть – через брешь в Большой стене, другие же (согласно Критовулу) вошли через Керкопорту или (по утверждению Сфрандзи) – через ворота во внутренней стене. Дука рассказывает, что константинопольцы, совершавшие вылазки через Керкопорту, однажды забыли запереть ее, и именно этим путем около 50 турецких воинов ворвались в город; Халкокондил ничего не говорит о потайной дверце и считает, что все турки проникли в город через проломы в стене.

⁸⁵ В Древней Греции кратером назывался сосуд для смешивания вина с водой, а фиалом – чаша или бокал с широким дном. Критовул использует эти античные названия для обозначения церковной утвари.

⁸⁶ В поздней Византии слово «номисма» обозначало серебряную монету. Оболом в Древней Греции называлась медная монета. Здесь под этим словом, видимо, подразумевается византийская мелкая медная монета.

⁸⁷ Орхан с детства жил в Константинополе, и султан Мехмет выплачивал деньги на его содержание. Во время осады Константинополя Орхан отважно сражался на стороне защитников города, так как он был потенциальным претендентом на оттоманский престол и в случае поражения султан вряд ли сохранил бы ему жизнь. В отличие от Критовула Дука и Халкокондил утверждают, что Орхан пытался спастись, переодевшись монахом, а Сфрандзи совсем не упоминает о том, что он принимал участие в обороне города.

⁸⁸ Персидские полководцы Датис и Артаферн во время похода в Грецию в 490 году до н. э. захватили Эретрию на о-ве Эвбея, разграбили храмы и поработили жителей (Herod., VI, 101).

⁸⁹ Дука и Халкокондил также сообщают о множестве византийцев, искавших убежища и защиты в храме Святой Софии; Дука объясняет это предсказанием, согласно которому турки не смогут двинуться дальше колонны Константина Великого; у Халкокондила вместо колонны говорится о форуме Быка.

⁹⁰ Описание Троянской войны содержится в «Илиаде» Гомера. По преданию, она длилась десять лет.

⁹¹ Персидский царь Кир (558–529 годы до н. э.), первый представитель династии Ахеменидов, захватил Ново-Вавилонское царство и его столицу Вавилон в 539 годы до н. э.

⁹² Во время Второй Пунической войны (218–201 годы до н. э.) римский полководец Публий Корнелий Сципион, получивший впоследствии почетное прозвище «Африканский», одержал победу над карфагенянами в битве при Заме в 202 году до н. э., после которой Карфаген признал свое поражение и заключил с Римом мирный договор на очень тяжелых для себя условиях. В Третьей Пунической войне (149–146 годы до н. э.) римское войско под командованием Сципиона Младшего Эмилиана захватило Карфаген. Город был сожжен, а его жители (вопреки утверждению Критовула) или преданы смерти, или порабощены.

⁹³ Имеются в виду события, отделенные друг от друга почти восемью веками. В конце V века до н. э. племена кельтов, или галлов, перешли Альпы, проникли на Апеннинский полуостров и постепенно заселили долину реки По. В 387 году до н. э. они захватили и разграбили Рим. В 401 году н. э. племя вестготов под предводительством Алариха проникло в Италию; в 410 году они завоевали Рим, и Аларих отдал его своему войску на трехдневное разграбление.

⁹⁴ В 586 году до н. э. Иерусалим был захвачен царем Вавилонии Навуходоносором II, и почти все население Иудеи было угнано в Вавилонию; царь Сирии Антиох IV покорил Иерусалим в 168 году до н. э. и пытался эллинизировать население; в 70 году н. э. римское войско под командованием Тита, сына Веспасиана, захватило Иерусалим и сожгло Храм.

⁹⁵ Речь идет о захвате Константинополя в 1204 году участниками Четвертого крестового похода; после захвата города на его месте сформировалось новое государство, Латинская империя. Она существовала вплоть до 1261 года, когда Михаил VIII Палеолог отвоевал город. Таким образом, Латинская империя существовала 57 лет; Критовул округлил эту цифру до шестидесяти.

⁹⁶ Здесь Кривовул явно преуменьшает масштабы грабежа и разбоя, учиненные крестоносцами.

⁹⁷ Устойчивое выражение: Эврип, узкий пролив между Эвбеей и Аттикой, меняет направление течения в зависимости от приливов и отливов.

⁹⁸ Константин Великий (306–337), сын Елены и Констанция Хлора, первый византийский император (324–337). В 330 году он сделал город Византий столицей, и в его честь город был назван Константинополем, «городом Константина».

⁹⁹ Константин XI Палеолог, сын Елены Драгаш и Мануила II.

¹⁰⁰ Первым Палеологом был Михаил VIII (1259–1282), затем следовали Андроник II (1282–1328), Андроник III (1328–1341), Иоанн V (1341–1391), Мануил II (1391–1425) и Иоанн VIII (1425–1448).

¹⁰¹ То есть соответственно в 1453 году от Рождества Христова. Датой основания Константинополя считается май 330 года. Таким образом, хронологические выкладки Кривовула совершенно правильны.

¹⁰² Намек на «Историю» Фукидида (Тус., I 138,3). Однако Фукидид говорит не о Перикле, а о Фемистокле.

Дука. История

¹⁰³ О том, как греческие историки именуют султана Мехмета II, см. примеч. 7 к Кривовулу.

¹⁰⁴ Речь идет о крепости, известной сейчас под названием Румели-Хисар. Подробнее о ней и ее строительстве см. примеч. к Кривовулу 1.

¹⁰⁵ Из «Истории» Халкокондила мы узнаем его имя, — этого мастера звали Урбан.

¹⁰⁶ Подробно об этой пушке см. у Кривовула стр. 43–46.

¹⁰⁷ Стомий — место переправы через Босфор.

¹⁰⁸ Адрианополь (город Эдирне в современной Турции) был захвачен султаном Муратом I (1362–1389) еще в 1362 году. В 1365 году он сделал его своей резиденцией. Резиденция султана Мехмета II также находилась в Адрианополе, где в 1452 году он приказал отстроить новый роскошный дворец.

¹⁰⁹ Здесь Дука использует названия античных мер длины: стадий равен 178,6 м, миля составляет около 1480 м и сажень — приблизительно 1,8 м.

¹¹⁰ Халиль — великий визирь. Подробнее о нем см. примеч. 54 к Кривовулу.

¹¹¹ «Лала» — персидско-турецкое заимствование (lala) — действительно обозначает учителя или воспитателя (Дука приводит греческий эквивалент *táta*, что обозначает «отец»). Арабско-турецкое заимствование *gavur ortađı* («Кавур Ортађи») Дука так же правильно переводит как «помощник неверных».

¹¹² Дука, также как и Кривовул, сравнивает падение Константинополя с захватом Иерусалима Навуходоносором. Видимо, этот сюжет был широко распространен. Подробнее об этом см. примеч. 94 к Кривовулу.

¹¹³ На Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439) была подписана уния между Православной и Католической церквами. Представители Византии со-

гласились с главенством папы, но в самой Византии уния не получила поддержки и осталась только на бумаге. Подробнее об этом см. введение, стр. 9–12.

¹¹⁴ Григорий, патриарх Константинопольский (1443–1450), был сторонником унии с католиками. Пришедший в 1448 году к власти император Константин XI Палеолог не оказал Григорию поддержки, которой тот ожидал, и в 1451 году Григорий уехал в Рим.

¹¹⁵ Исидор действительно был митрополитом Руси и присутствовал на Ферраро-Флорентийском соборе в качестве представителя Русской церкви. По возвращении на Русь он был арестован как сторонник унии с католиками, бежал в Рим, перешел в католичество и стал кардиналом.

¹¹⁶ То есть в ноябре 1452 года.

¹¹⁷ Георгий Схоларий (ок. 1400 – ок. 1468) – византийский философ, мыслитель. Присутствовал на Ферраро-Флорентийском соборе, будучи еще светским лицом. В то время он поддерживал идею объединения с Католической церковью, однако позднее изменил точку зрения и стал противником унии. Впоследствии Георгий принял монашество под именем Геннадий. В 1453 году, после захвата города турками, он стал Константинопольским патриархом.

¹¹⁸ Обычай разбавлять вино водой идет со времен Древней Греции. Еще тогда употребление неразбавленного вина считалось признаком варварства.

¹¹⁹ Речь идет о Хозрое (или Хосрое, или Хосрове) II Парвизе, шахе Ирана (590–628) из династии Сасанидов; в 604–628 он вел войну с Византией, в 626 – подошел к Константинополю, но захватить его так и не сумел. Хаган – наименование верховного правителя у ряда народов Центральной Азии. Дука, видимо, принимает этот термин за имя собственное.

¹²⁰ В некоторых рукописях говорится об аварях.

¹²¹ Азимитами называли византийцев-католиков.

¹²² Диптих – список имен людей здравствующих и умерших, зачитываемых в церкви во время евхаристии. Совместное поминание римского папы и греческого патриарха должно было служить символом единения церквей. Римским папой в это время был Николай II (1447–1455).

¹²³ Первая общая литургия состоялась в храме Святой Софии 12 декабря 1452 года.

¹²⁴ Просфора – хлеб для Причастия.

¹²⁵ Здесь под схизматиками подразумеваются противники унии, то есть православные, не желавшие объединения с католиками.

¹²⁶ Собор в Лионе состоялся в 1274 году. Византийским императором в это время был Михаил VIII Палеолог (1258–1282), первый император в династии Палеологов. Тогда, как и на Флорентийском соборе в период правления императора Иоанна VIII Палеолога (1425–1448), уния между Православной и Католической церквами была подписана, но в действительности не реализована. Неясным остается утверждение Дуки о том, что Иоанн VIII был последним из Палеологов, так как на самом деле последним императором в этой династии являлся его брат Константин XI Палеолог (1449–1453).

¹²⁷ Архонты – в Византии архонтами называли глав административно-территориальных единиц, архонтий.

¹²⁸ Подробнее о предыдущих попытках осады Константинополя турецкими войсками см. примеч. 27 к Кривовулу.

¹²⁹ Здесь и далее речь идет о 1453 годе.

¹³⁰ Мизия и Пафлагония – области в Малой Азии.

¹³¹ Диера – одномачтовое гребное судно, где на каждое весло приходилось по два гребца.

Триера – название одного из видов боевых судов. См. примеч. 4 к Кривовулу.

¹³² То есть в Пасху, которая в 1453 году пришлось на 1 апреля.

¹³³ Ис. 29:14–15; см. также Ис. 30:1.

¹³⁴ Фома Аквинский (1225/1226–1274) – крупнейший средневековый философ и теолог. Автор более шестидесяти трудов по теологии, основным из которых являются «Сумма против язычников» и «Сумма теологии». В 1323 году канонизирован Католической церковью. В XIX веке его учение было провозглашено единственной истинной философией католицизма. Димитрий Кидонис – византийский богослов XIV века. Стал первым греком, начавшим перевод «Суммы теологии» Фомы Аквинского.

¹³⁵ Имеется в виду великий дука Лука Нотара – один из приближенных императора Константина, который во время осады исполнял обязанности главнокомандующего флотом и руководил обороной морских стен города.

¹³⁶ Ис. 39:5–7.

¹³⁷ О Галате см. примеч. 43 к Кривовулу.

¹³⁸ Относительно количества прибывших с Джустиниани кораблей остальные историки приводят другие данные (см. примеч. 52 к Кривовулу).

¹³⁹ Протостратор – одна из высших придворных и военных должностей в Византии.

¹⁴⁰ Речь идет о Влахернском дворце.

¹⁴¹ Хрисовульная грамота – один из типов византийской императорской грамоты, появившийся в конце IX века. Скреплялся золотой печатью с изображением императора. Хрисовул собственноручно подписывался императором красными чернилами.

¹⁴² Об укреплениях Константинополя см. примеч. 67 к Кривовулу.

¹⁴³ Цангра – род арбалета, распространенный в средневековой Европе.

¹⁴⁴ Данные историков о численности турецкого войска разнятся. См. примеч. 49 к Кривовулу.

¹⁴⁵ Сведения историков о численности турецкого флота также отличаются. См. примеч. 48 к Кривовулу.

¹⁴⁶ Практически все источники упоминают о цепи, которая перегораживала Золотой Рог и не позволяла турецким судам проникнуть в залив. Один ее конец был прикреплен к башне Евгения под Акрополем, другой – к одной из башен морских стен Перы (Галаты); на воде цепь поддерживали деревянные понтоны.

¹⁴⁷ Первое упоминание о кораблях см. на стр. 84.

¹⁴⁸ О количестве кораблей, прибывших в Константинополь, см. примеч. 70 к Кривовулу.

¹⁴⁹ Акрополь Святого Димитрия – название одного из константинопольских монастырей.

¹⁵⁰ Двойные колонны – место стоянки турецкого флота на Босфоре. Находилась, по-видимому, недалеко от Галаты.

¹⁵¹ Фунт – мера веса, равная 327 граммам.

¹⁵² Азапидами Дука называет янычар, составлявших элитную гвардию султана. См. примеч. 38 к Кривовулу.

¹⁵³ Историки по-разному передают этот эпизод. О версиях остальных историков см. примеч. 71 к Кривовулу.

¹⁵⁴ О количестве судов, вошедших в Золотой Рог, см. примеч. 74 к Кривовулу.

¹⁵⁵ О переправе персидского царя Ксеркса через Геллеспонт рассказывает Геродот (Herod., VII, 33–35). Во время похода в Грецию в 480–479 годах. Ксеркс решил переправить свои войска из Азии в Европу через Геллеспонт по понтонному мосту. Однако первый построенный им мост был разрушен бурей, и тогда Ксеркс приказал высечь непокорное море. Переправа все-таки была осуществлена, но поход оказался неудачным – персы понесли потери в битве со спартанцами при Фермопилах, а затем были разбиты афинянами на море (при Саламине) и на суше (при Платеях).

¹⁵⁶ Дука сравнивает Мехмета с Александром Македонским.

¹⁵⁷ Эту мысль Дука далее разовьет более подробно. Историк надеется, что с концом империи Палеологов придет конец и династии Османов, к которой принадлежит Мехмет.

¹⁵⁸ Иер. 6: 20–23.

¹⁵⁹ Из известных нам греческих источников, посвященных падению Константинополя в 1453 году, только Дука сообщает о присутствии Яноша Хуньяди в турецком лагере. О Яноше Хуньяди см. примеч. 32 к Кривовулу.

¹⁶⁰ В 1452 году в Риме папа Николай V короновал императором Фридриха III Габсбурга, который претендовал в том числе и на престол Венгрии.

¹⁶¹ После гибели своего отца в 1444 году в битве при Варне Янош стал регентом при своем малолетнем сводном брате Владиславе V, который достиг совершеннолетия как раз в 1453 году.

¹⁶² В 1448 году венгерские войска под командованием Яноша Хуньяди были разбиты турками в битве на Косовом поле. Два предыдущих поражения произошли: первое – в 1396 году в битве при Никополе (см. примеч. 27, 28 к Кривовулу), а второе – в 1444 году в битве при Варне (см. примеч. 9 к Кривовулу).

¹⁶³ См. примеч. 98 к Кривовулу.

¹⁶⁴ Речь идет о Димитрии и Фоме Палеологах, морейских деспотах, братьях императора Константина XI. См. примеч. 45 к Кривовулу.

¹⁶⁵ Все историки, кроме Кривовула, сообщают о попытке защитников Константинополя поджечь турецкие суда, однако, по мнению Сфрандзи, план принадлежал венецианцу Джакомо Кокко, Дука говорит, что операцию осуществил Джустиниани, а Халкокондил утверждает, что все спланировали сами византийцы.

¹⁶⁶ Синклит – высший совет византийской знати. В его состав входили чины первых двенадцати степеней.

¹⁶⁷ В отличие от Дуки Критовул утверждает, что установка заграждения началась задолго до решающего штурма, еще в апреле 1453 года.

¹⁶⁸ Эта дверца, которую Критовул называет «воротами Джустиниани», находилась в самом углу Влахернской стены, недалеко от места ее соединения с двойной стеной Феодосия.

¹⁶⁹ Сведения Дуки о времени начала решающего штурма отличаются от свидетельств других историков. См. примеч. 80 к Критовулу.

¹⁷⁰ Каждый историк приводит свою версию о ранении Джустиниани. О свидетельствах других историков см. примеч. 81 к Критовулу.

¹⁷¹ Согласно «Илиаде» Гомера оружие и щит Ахиллеса, одного из величайших героев Троянской войны, были выкованы Гефестом, богом огня и кузнечного дела в древнегреческой мифологии.

¹⁷² Иер. 21: 3–6.

¹⁷³ Речь идет о Керкопорте. Первое упоминание см. на стр. 95.

¹⁷⁴ Свидетельства историков о путях проникновения турок в город несколько отличаются. О версиях других историков см. примеч. 84 к Критовулу.

¹⁷⁵ В монастыре Хоры, иначе называемом монастырем Христа Спасителя, находилась икона Богородицы Одигитрии. Это было самое почитаемое в Византии изображение Девы Марии. По преданию, его написал сам евангелист Лука. До 1453 года икона эта находилась в церкви Богородицы рядом с царским дворцом, однако в начале осады Константинополя ее перенесли отсюда в монастырь Хоры.

¹⁷⁶ Видимо, существовало несколько версий этого пророчества. О том, как его излагают другие историки, см. примеч. 89 к Критовулу.

¹⁷⁷ Амос 3: 13–15.

¹⁷⁸ Амос 5: 21–23.

¹⁷⁹ Амос 8: 2–6.

¹⁸⁰ Амос 8: 9–10.

¹⁸¹ Заган – турецкий военачальник. См. примеч. 54 к Критовулу.

¹⁸² Подеста – в итальянских городах XII–XVI веков глава судебной и исполнительной власти.

¹⁸³ Здесь Дука использует античный термин для обозначения турецких военачальников: сатрап у древних служил обычным обозначением правителя провинции или области в Персии.

¹⁸⁴ Стрелы древнегреческого бога Аполлона, так же как и стрелы его сестры Артемиды, губительны и иногда поражают без всякого повода. Гераклиды – в греческой мифологии потомки Геракла и его супруги Деяниры. Видимо, сравнивая турок с Гераклидами, Дука намекает на мифологический сюжет о вторжении Гераклидов на Пелопоннес.

¹⁸⁵ Согласно мусульманским военным обычаям султан Мехмет II пообещал своим воинам отдать им Константинополь на разграбление в течение трех дней.

¹⁸⁶ Каждый историк приводит свою версию рассказа о смерти последнего византийского императора. См. примеч. 83 к Критовулу.

¹⁸⁷ Орхан – родственник султана Мехмета II, потенциальный претендент на османский престол. См. примеч. 87 к Критовулу.

¹⁸⁸ Аспры – серебряные монеты.

¹⁸⁹ Великий домestik – главнокомандующий императорским войском.

¹⁹⁰ Речь идет о Феофиле Палеологе, двоюродном брате императора Константина XI, погибшем во время последнего штурма.

¹⁹¹ В отличие от Дуки и Халкокондила, которые утверждают, что Лука Нотара мужественно принял смерть, не желая отдавать своего сына султану, Сфрандзи сообщает, что он пытался подкупить султана и благодаря этому сохранить себе жизнь.

¹⁹² Саккос – туникообразное одеяние священнослужителей высокого ранга, обычно не сшитое по бокам, с короткими широкими рукавами. Епитрахиль – часть облачения священника; расшитый узорами передник, надеваемый на шею. Дискос – специальный сосуд, используемый для проскомидии, то есть для приношения даров. Потир – литургический сосуд для освящения вина и принятия Причастия.

¹⁹³ В поздней Византии слово «номисма» обозначало серебряную монету.

¹⁹⁴ Дервиш – нищенствующий мусульманский монах.

¹⁹⁵ Предсказание не сбылось – династия Османов потеряла власть только в 1922 году.

¹⁹⁶ Михаил VIII Палеолог, основатель императорской династии Палеологов, правил с 1258 по 1282 год, Андроник II Палеолог – с 1282 по 1328; Осман, основатель турецкой династии, – с 1288 по 1326 года.

¹⁹⁷ В 1261 году Михаил ослепил Иоанна IV Ласкаря, при котором был регентом, и таким образом стал полноправным императором.

Лаоник Халкокондил. Историческое повествование

¹⁹⁸ 1452 год. Лаоник Халкокондил редко приводит точные датировки.

¹⁹⁹ Эта крепость известна сейчас под названием Румели-Хиссар. Подробнее о ней и ее строительстве см. примеч. 1 к Критувулу.

²⁰⁰ Ипарх – помощник полководца, наместник.

²⁰¹ Триера – название одного из видов боевых судов. См. примеч. 4 к Критувулу.

²⁰² Византий – бывшая греческая колония на Босфоре, которую в 330 г. Константин Великий (306–337), первый византийский император (324–337) сделал столицей Восточной Римской империи, и в честь которого город был назван Константинополем – «городом Константина».

²⁰³ Фут – мера длины, примерно равная 0,3 м. Сфрандзи, по-видимому, преувеличивает реальные размеры, утверждая, что ширина стены была свыше 6 м, а башен – 9 м.

²⁰⁴ Критувул, в отличие от Халкокондила, считает, что строительство крепости продолжалось пять месяцев, с середины весны до конца лета 1452 года.

²⁰⁵ Зима 1452 года.

²⁰⁶ Турахан – один из турецких военачальников, наместник Фессалии.

²⁰⁷ Речь идет о Димитрии и Фоме Палеологах, морейских деспотах, братьях императора Константина XI. См. примеч. 45 к Кривовулу.

²⁰⁸ Из других источников известно, что его звали Караджа.

²⁰⁹ Асень – брат жены морейского деспота Димитрия, одного из братьев императора Константина XI, происходившей из православной греко-болгарской семьи Асений.

²¹⁰ Здесь и далее речь идет о 1453 годе.

²¹¹ О том, как греческие историки именуют султана Мехмета II, см. примеч. 7 к Кривовулу.

²¹² Подробно об этой пушке см. у Кривовула стр. 43–46.

²¹³ То есть от залива Золотой Рог до Мраморного моря.

²¹⁴ Чужеземцами Халкокондил называет янычар, составлявших элитную гвардию султана. См. примеч. 38 к Кривовулу.

²¹⁵ О Галате см. примеч. 43 к Кривовулу.

²¹⁶ Данные историков о численности турецкого войска и турецкого флота отличаются. О данных других историков см. примеч. 48, 49 к Кривовулу.

²¹⁷ Эллыны – в последние два столетия существования Византийской империи в связи с гуманистическими тенденциями в культуре слово «эллин», в предыдущий период являвшееся синонимом слова «язычник», теряет отрицательные коннотации и начинает использоваться для обозначения ромеев.

²¹⁸ О цепи, перегораживавшей залив Золотой Рог, см. примеч. 146 к Дуке.

²¹⁹ Стадий – античная мера длины, равная 600 футам, или 178,6 м.

²²⁰ Об укреплениях Константинополя см. примеч. 67 к Кривовулу.

²²¹ Плетр – античная мера длины, равная 100 футам или 29,6 м.

²²² Об осаде Константинополя султаном Муратом II (1421–1451) см. примеч. 27 к Кривовулу.

²²³ Имеется в виду Влахернский дворец.

²²⁴ Талант – мера веса, равная 26,2 кг.

²²⁵ Даки – архаизированный этноним; под даками византийцы, как правило подразумевали румын. Однако, как известно из других источников, Урбан был венгром.

²²⁶ Заган – турецкий военачальник. Его лагерь находился на противоположном берегу Золотого Рога. См. примеч. 54 к Кривовулу.

²²⁷ Дука утверждает, что кораблей было 80, а Кривовул говорит о 67 кораблях.

²²⁸ Все историки, кроме Кривовула, сообщают о попытке защитников Константинополя поджечь турецкие суда, однако приписывают разработку этого плана разным людям. См. примеч. 165 к Дуке.

²²⁹ Керамария – область к северо-западу от Галаты, напротив Константинополя.

²³⁰ Из греческих источников только Халкокондил и Сфрандзи упоминают, что византийцы также использовали пушки при обороне города. Однако Сфрандзи, очевидец событий, ничего не сообщает о разрушении стен города от выстрелов этих пушек, о разрыве самой большой из них и об обвинении, предъявленном инженеру, руководившему строительством орудий.

²³¹ О количестве кораблей, прибывших в Константинополь, см. примеч. 70 к Кривовулу.

²³² Историки по-разному передают этот эпизод. О версиях остальных историков см. примеч. 71 к Кривовулу.

²³³ Здесь Халкокондил искажает последовательность событий. Историк полагает, что битва, в которой был ранен Палдоглу, произошла уже после переправки турецких кораблей в залив Золотого Рога, но из других источников известно, что битва произошла между 15–20 апреля, а корабли были переправлены 21–22 апреля.

²³⁴ Исмаил – сын перешедшего в мусульманство грека, которого султан сделал князем Синопа, находился в лагере Мехмета II. Этот эпизод не встречается в других греческих источниках.

²³⁵ Декарх – младший командир в византийской армии. Под его началом находилось десять воинов. Лохаг – архаизированное наименование одного из младших командных чинов.

²³⁶ Зихид – арабско-турецкое заимствование (zāhid) – т. е. набожный человек, отшельник.

²³⁷ Под генуэзцем Халкокондил подразумевает Джустиниани Лонго, подробный рассказ о котором можно найти в труде Кривовула (см. стр. 40–41). Относительно количества прибывших с Джустиниани кораблей остальные историки приводят другие данные (см. примеч. 52 к Кривовулу).

²³⁸ Исидор Сарматский (Русский) – митрополит Руси, впоследствии римский кардинал. В Константинополь в качестве папского легата прибыл в ноябре 1452 года. Подробнее о нем см. примеч. 15 к Дуке.

²³⁹ Согласно античной системе обозначения дней недели, днем Ареса именовался вторник. Халкокондил утверждает, что именно в этот день, утром 29 мая 1453 года, султан Мехмет II начал решающий штурм. О версиях других историков о времени начала штурма см. примеч. 80 к Кривовулу.

²⁴⁰ Кимвалы – ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических тарелок.

²⁴¹ Каждый историк приводит свою версию о ранении Джустиниани. О свидетельствах других историков см. примеч. 81 к Кривовулу.

²⁴² Димитрий Кантакузин Палеолог – двоюродный брат императора Иоанна VIII (1425–1448). Во время осады командовал обороной участка от Золотых ворот вплоть до Мраморного моря.

²⁴³ Свидетельства историков о путях проникновения турок в город несколько отличаются. О версиях других историков см. прим. 84 к Кривовулу.

²⁴⁴ См. примеч. 89 к Кривовулу.

²⁴⁵ Феофил Палеолог – двоюродный брат императора Константина XI. Во время осады командовал обороной стен в районе Пигийских ворот.

²⁴⁶ Лука Нотара, великий дука, один из приближенных императора Константина. Во время осады исполнял обязанности главнокомандующего флотом и руководил обороной морских стен города.

²⁴⁷ Сулейман – старший сын султана Баязита (1389–1402). В 1402 году, после смерти своего отца, провозгласил себя султаном. Был убит в 1409 году

при попытке бежать в Константинополь. Орхан – родственник султана Мехмета II, потенциальный претендент на османский престол. См. примеч. 87 к Критовулу.

²⁴⁸ Назареи – название первых христиан из иудеев. Византийские писатели употребляли это слово для обозначения монахов.

²⁴⁹ Речь идет об Исидоре Сарматском (см. выше примеч. 238 и примеч. 115 к Дуке), однако здесь Дука называет его кардиналом сабинянин, имея в виду итальянцев.

²⁵⁰ Каждый историк приводит свою версию рассказа о смерти последнего византийского императора. См. примеч. 83 к Критовулу.

²⁵¹ Император Константин был коронован 6 января 1449 года и погиб 29 мая 1453 года.

²⁵² Речь идет о Джеронимо Минотто, главе венецианской колонии в Константинополе. Командовал обороной стен в районе Влахернского дворца.

²⁵³ По-видимому, речь идет о мятеже против морейских деспотов (см. примеч. 45 к Критовулу), который возглавил Мануил Кантакузин, один из потомков императора Иоанна VI Кантакузина. Его поддержала морейская знать и албанцы, жившие на Пелопоннесе. Деспоты были вынуждены обратиться к султану Мехмету II, который в ответ на оказанную им помощь заставил их признать зависимость от Стамбула.

²⁵⁴ О смерти Луки Нотары см. примеч. 191 к Дуке.

²⁵⁵ Римляне видели в троянцах своих прародителей и поэтому рассматривали падение Византии как отщепенство за поражение, нанесенное эллинами их предкам. Эта версия о причинах гибели Византии получила достаточно широкое распространение в литературе того времени. Описание Троянской войны и захвата эллинами Илиона (Трои) содержится в «Илиаде» Гомера.

(псевдо-)Сфрандзи. Хроника

²⁵⁶ Здесь и далее речь идет о 1453 годе.

²⁵⁷ О том, как греческие историки именуют султана Мехмета II, см. прим. 7 к Критовулу.

²⁵⁸ Критовул сообщает, что земли вокруг города были разграблены наместником Европы Караджой.

²⁵⁹ То есть от побережья Золотого Рога до Мраморного моря.

²⁶⁰ О войске янычар см. примеч. 38 к Критовулу.

²⁶¹ Из других источников известно, что речь идет о Заган-паше, зяте султана Мехмета II. См. примеч. 54 к Критовулу. О Галате см. примеч. 43 к Критовулу.

²⁶² Триера – название одного из видов боевых судов. См. примеч. 4 к Критовулу. Монера – судно с одним рядом гребцов.

²⁶³ О цепи, перегораживавшей залив Золотой Рог, см. примеч. 146 к Дуке.

²⁶⁴ Лигурия – Генуя.

²⁶⁵ Гросса галера (grossa galera), или галеаца (galeazza), переводится с итальянского как большая галера.

²⁶⁶ Практически все источники говорят об итальянских судах и кораблях с Крита, которые участвовали в обороне Константинополя, но только Сфрандзи с такой точностью перечисляет все иностранные суда, стоявшие в Золотом Роге.

²⁶⁷ Пядь (словом «пядь» мы переводим греческое *πλάσις*) соответствует приблизительно 23,4 см. Критовул также сообщает, что диаметр ствола самой большой пушки султана составлял двенадцать пядей. Подробно об этой пушке см. у Критовула на стр. 43–46.

²⁶⁸ Речь идет о Влахернском дворце, находившемся в той части города, где крепостные стены подходили к заливу Золотой Рог.

²⁶⁹ Диера – одномачтовое гребное судно, где на каждое весло приходилось по два гребца.

²⁷⁰ Двойные Колонны – место стоянки турецкого флота на Босфоре. Находилось, по-видимому, недалеко от Галаты.

²⁷¹ В подсчетах Сфрандзи явное несоответствие: согласно сказанному им ранее первая часть флота султана состояла из 200 судов, вторая – из 345. Таким образом, общая численность турецкого флота должна была составлять 545 судов. Это противоречит новому сообщению Сфрандзи, что флот султана состоял из 420 судов. Обе цифры весьма отличаются от свидетельств других историков. См. примеч. 48 к Критовулу.

²⁷² Относительно численности сухопутного войска султана Сфрандзи также приводит цифру, весьма отличающуюся от данных других историков. См. примеч. 49 к Критовулу.

²⁷³ Димарх – глава округа, димархии, на которые был разделен византийский город. Стратиг – в Византии стратигами чаще всего именовали наместников фем. В данном случае Сфрандзи употребляет слово в нейтральном значении, как «воинский начальник».

²⁷⁴ Из греческих историков только Сфрандзи называет точное число защитников Константинополя.

²⁷⁵ Подробный рассказ о Джустиниани Лонго можно найти в труде Критовула (см. стр. 40–41). Относительно количества прибывших с Джустиниани кораблей остальные историки приводят другие данные (см. примеч. 52 к Критовулу).

²⁷⁶ Речь идет об Иоганне Гранте, который прибыл в Константинополь вместе с Джованни Джустиниани.

²⁷⁷ Речь идет о греческом огне, зажигательной смеси, впервые примененной греками еще в VII веке. Вероятно, она состояла из селитры, серы, смолы и других горючих материалов.

²⁷⁸ О количестве кораблей, прибывших в Константинополь, см. примеч. 70 к Критовулу.

²⁷⁹ Тимпаны – ударный музыкальный инструмент, то же самое, что литавры.

²⁸⁰ Агарянами средневековые писатели часто называют турок и арабов. Последние, согласно Ветхому Завету, происходили от Агари, наложницы библейского патриарха Авраама.

²⁸¹ Друнгарий флота – чин в византийском флоте: командующий императорскими боевыми кораблями. Этот чин появился еще при императоре Алексее Комнине (1081–1118). Здесь речь идет о начальнике турецкого флота. Из других источников нам известно его имя – Палдоглу.

²⁸² Другие авторы сообщают, что в этом бою командующий турецким флотом был ранен. См. примеч. 71 к Критовулу.

²⁸³ То есть в Золотой Рог.

²⁸⁴ Греческим морем Сфрандзи называет Эгейское море. Возможно, этот эпизод стал известен Сфрандзи из сочинения византийского хрониста Иоанна Зонары (Zon., X, 30).

²⁸⁵ Речь идет об адмирале Никите Оорифе. Для этого эпизода источником также, возможно, является Зонара (Zon., XVI, 9).

²⁸⁶ Сажень (греч.) – античная мера длины, равная приблизительно 1,8 м. Таким образом, ширина моста составляла около 90 м, а длина – 180 м.

²⁸⁷ Бальи – в некоторых странах Западной Европы королевский чиновник, правитель округа. Джеронимо Минотто – глава венецианской колонии в Константинополе. Командовал обороной стен в районе Влахернского дворца.

²⁸⁸ Каталонский консул – Пере Хулиа. Командовал отрядом, выставленным каталонской колонией в Константинополе.

²⁸⁹ Джакомо Контарини – представитель знатной венецианской семьи, добровольно принявший участие в защите Константинополя.

²⁹⁰ Мануэль из Лигурии – Сфрандзи единственный автор, который упоминает некоего генуэзца Мануила, державшего оборону в районе Золотых ворот.

²⁹¹ Гелепола – осадная башня. Однако из контекста ясно, что имеются в виду пушки. Сфрандзи называет их башнями (видимо, потому, что орудия закреплялись на платформах из камней, покрытых досками).

²⁹² Трое братьев Боккиарди прибыли из Генуи во главе небольшого отряда солдат, который они снарядили за собственные деньги. Мириандрий – отрезок стен, проходивший по вершине гребня, на котором находились Харсийские ворота, до стыка стен Феодосия с влахернской стеной.

²⁹³ Феофил Палеолог – двоюродный брат императора Константина XI, погиб во время последнего штурма.

²⁹⁴ Теодор Каристо – также один из венецианцев, принявших участие в обороне Константинополя.

²⁹⁵ Джеронимо и Леонардо де Лангаско – генуэзцы, добровольно прибывшие в Константинополь, чтобы принять участие в его защите.

²⁹⁶ Речь идет о кардинале Исидоре, митрополите Руси, впоследствии римском кардинале. Подробнее о нем см. примеч. 15 к Дуке.

²⁹⁷ Великий дука Лука Нотара – один из приближенных императора Константина, который во время осады исполнял обязанности главнокомандующего флотом и руководил обороной морских стен города.

²⁹⁸ Речь идет о башне Леандра на Босфоре.

²⁹⁹ Габриэль Тревизано и Антонио Диедо – капитаны венецианских торговых судов; их корабли стояли на якоре в Золотом Роге, когда пришло известие об осаде.

³⁰⁰ Димитрий Кантакузин Палеолог – двоюродный брат императора Иоанна VIII (1425–1448). Никифор Палеолог – зять Дмитрия Кантакузина Палеолога.

³⁰¹ То есть церкви Свв. Апостолов.

³⁰² Алексей Комнин – византийский император (1081–1118), основатель династии Комнинов. О Франсиско Толедском сообщается только у Сфрандзи, и, скорее всего, это упоминание является вставкой Макария Мелиссина. Достоверных сведений о родственных связях семьи Толедо с императорским домом Комнинов нет, однако это утверждение было распространено в испанской литературе XV века.

³⁰³ Именно благодаря Георгию Сфрандзи, который сам находился в Константинополе во время осады, мы узнаем имена византийцев и иностранцев, принимавших участие в обороне города.

³⁰⁴ Император мог пойти на такой шаг только в чрезвычайных обстоятельствах, и, конечно, такое решение не могло не вызвать осуждение со стороны церкви.

³⁰⁵ 1 Цар. 21: 4–6.

³⁰⁶ Все историки, кроме Критовула, сообщают о попытке защитников Константинополя поджечь турецкие суда, однако приписывают разработку этого плана разным людям. См. примеч. 165 к Дуке.

³⁰⁷ Архонты – см. примеч. 127 к Дуке.

³⁰⁸ Пс. 37: 14–15, 20.

³⁰⁹ Янош Корвин Хуньяди (Янк, Иоанн Гет) – воевода Трансильвании, герой венгерского народа. Подробнее о нем см. примеч. 32 к Критовулу.

³¹⁰ Халиль – великий визирь. Подробнее о нем см. примеч. 54 к Критовулу.

³¹¹ Заган – турецкий военачальник. См. примеч. 54 к Критовулу.

³¹² Среди греческих историков сведения о том, что Халиль-паша информировал византийского императора о происходящем в турецком лагере, содержатся только в труде Сфрандзи.

³¹³ 28 мая.

³¹⁴ Здесь Сфрандзи рисует образ мусульманского рая. В Коране см. 47: 16–17, 55: 54–76, 56: 12–39, 76: 12–22.

³¹⁵ Сотник – командир отряда в сто человек.

³¹⁶ Мф. 16, 26.

³¹⁷ Таким образом, осада началась 2 апреля.

³¹⁸ Карфагенский полководец Ганнибал собрал в Испании огромное войско и с неизвестными в Европе боевыми слонами двинулся в Италию. В 216 году до н. э. ему удалось истребить огромную римскую армию в битве при Каннах.

³¹⁹ Византия образовалась как восточная часть Римской империи на месте греческой колонии Византий. Долгое время языком администрации там оставался латинский язык, а языком культуры – греческий. Весьма характерно, что Сфрандзи устами Константина XI говорит о Византии как о наследнице всей античной цивилизации, как греческой, так и римской. Такое представление было совершенно чуждо «классикам» Византии.

³²⁰ В сентябре 1451 года, вскоре после вступления на престол, султан Мехмет II принял послов византийского императора Константина XI (1449–1453) в своей резиденции в Адрианополе и поклялся на Коране не предпринимать дальнейших попыток вторжения на византийскую территорию.

³²¹ Речь идет о крепости, известной сейчас под названием Румели-Хиссар. Подробнее о ней и ее строительстве см. примеч. 1 к Кривовулу.

³²² См. примеч. 98 к Кривовулу.

³²³ Жители Галаты, генуэзской колонии, образовавшейся на другом берегу Золотого Рога еще в начале XIII века, принимали активное участие в экономической и политической жизни Константинополя.

³²⁴ То есть, в храм Св. Софии.

³²⁵ Сведения историков о времени начала решающего штурма совпадают не полностью. См. примеч. 80 к Кривовулу.

³²⁶ Из греческих источников только Халкокондил и Сфрандзи упоминают, что византийцы также использовали пушки при обороне города. Однако в произведении Халкокондила включены эпизоды, отсутствующие у Сфрандзи: так, Халкокондил сообщает о разрушении стен города от выстрелов этих пушек, а также о разрыве самой большой из них и об обвинении, предъявленном инженеру, руководившему строительством орудий.

³²⁷ Чаусиды, от тур. *çavuş* – средний военный чин в регулярной армии Османской империи. Равдухи – нечто вроде жандармов; исполняли полицейские функции при дворе императора.

³²⁸ Каждый историк приводит свою версию о ранении Джустиниани. О свидетельствах других историков см. примеч. 81 к Кривовулу.

³²⁹ Этот эпизод есть только в «*Chronicon maius*» и представляет собой рассказ, взятый из неизвестного источника; по-видимому, это вставка Макария Мелиссина.

³³⁰ Об укреплениях Константинополя см. примеч. 67 к Кривовулу.

³³¹ Свидетельства историков о путях проникновения турок в город несколько отличаются. О версиях других историков см. примеч. 84 к Кривовулу.

³³² Иоанн Далмат – об Иоанне Далмате известно лишь то, что сообщает нам Сфрандзи, а именно, что в последней битве он сражался плечом к плечу с императором.

³³³ Об этом эпизоде сообщает только Сфрандзи.

³³⁴ Каждый историк приводит свою версию рассказа о смерти последнего византийского императора. См. примеч. 83 к Кривовулу.

³³⁵ Константин XI действительно прожил 48 лет, 3 месяца и 20 дней.

³³⁶ Великий коноставл – командующий войском в Никейской империи и при Палеологах, один из высших военных чинов.

³³⁷ Великий логофет – в византийском государственном аппарате с конца XII века чиновник, под контролем которого находилось все гражданское управление.

³³⁸ О смерти Луки Нотары см. примеч. 191 к Дуке.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агарь, библ. 141
Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.), великий полководец и государственный деятель 143
Алексей Комнин, византийский имп. (1081–1118) 137
Амос, библ., пророк 100
Андроник II Палеолог, византийский император (1282–1328) 109
Антиох IV Эпифан (II в. до н. э.), царь государства Селевкидов 72
Антоний Марк (ок. 83–30г. до н. э.), римский полководец 135
Антонио Боккиарди, генуэзец, один из защитников К-ля 136
Антонио Диедо, капитан торгового венецианского корабля 137
Аполлон, мифол. 85, 104
Арес, мифол. 119
Аристотель, греческий философ (384–322 до н. э.) 108
Асень, брат жены морейского деспота Димитрия, одного из братьев имп. Константина XI 113
Ахиллес, мифол., герой «Илиады» 96, 152
Ахмат, младший сын турецкого полководца Турахана 113
Баязит I, турецкий султан (1389–1402) 31, 32, 34
Габриэль Тревизано, капитан торгового венецианского корабля 137
Георгий (Геннадий) Схоларий (ок. 1400 – ок. 1468), византийский ученый, после падения Константинополя – патриарх (1453–1459) 82, 86
Геракл, мифол. 25
Григорий III, патриарх Константинопольский (1443–1450) 81, 83
Давид, библ. 137, 140
Датис, персидский полководец (V в. до н. э.) 70
Джакомо Контарини, венецианец, один из защитников К-ля 136
Джакомо Кокко, венецианец, один из защитников К-ля 138
Джеронимо де Лангаско, генуэзец, один из защитников К-ля 137
Джеронимо Минотто, бальи, глава венецианской колонии в К-ле 136
Джустиниани Лонго, Иоанн (Джованни), кондотьер, предводитель отряда генуэзцев 40, 41, 48, 49, 55, 64, 65, 86, 87, 91–93, 95–97, 102, 130, 133, 136, 140, 141, 151
Димитрий Кантакузин Палеолог, двоюродный брат императора Иоанна VIII (1425–1448) 137, 150
Дмитрий Кидонис, византийский ученый, писатель, дипломат (1324–1397/8) 86
Езекия, библ., иудейский царь 86
Елена, мать Константина Великого 74
Елена, мать Константина XI Палеолога 74
Заган, визирь, командующий войсками Мехмета II 42, 61, 64, 70, 103, 114–116, 122, 123, 142–144, 151, 156
Иеремия, библ., пророк 90, 96
Иоанн Гет, см. Янош 32
Иоанн Далмат, один из защитников К-ля 152

- Иоганн Грант, один из защитников К-ля 132, 136
- Исаия, библ., пророк 85, 86
- Исидор Сарматский, русский митрополит, затем католический кардинал, папский легат в К-ле 81, 119, 121
- Искандер, князь Синопский 117
- Исмаил, сын Искандера, князя Синопского 117, 118
- Исхак, визирь при Мурате II, наместник Мехмета II в Азии 42, 61
- Кантакузин Димитрий**, двоюродный брат императора Иоанна VIII (1425–1448) 120
- Кантакузины, знатный византийский род 106
- Караджа, наместник европейских провинций при Мехмете II, военачальник 42, 61, 64, 85
- Кир II, персидский царь (VI в. до н. э.) 71
- Клеопатра (69–30 гг. до н. э.), египетская царица 135
- Константин XI Палеолог (1405–1453), византийский император (1448–1453) 22–24, 27, 36, 41, 51, 65, 66, 69, 74, 86, 120, 136
- Константин Святейший/Великий (306–337), византийский император (324–337) 74, 75, 92, 94, 147
- Контарини, см. Джакомо Контарини 156
- Ксеркс, персидский царь (486–465 до н. э.) 55, 90
- Леонардо де Лангаско**, генуэзец, один из защитников К-ля 137
- Лонго, см. также Джустиниани Лонго 87, 119, 120
- Магомед**, пророк 108
- Мануэль, генуэзец, один из защитников К-ля 136
- Махмут, приближенный Мехмета II, великий визирь в 1453 42, 61
- Мехмет II Завоеватель/Фатих (1432–1481), турецкий султан (1451–1481) 22–27, 38, 41, 42, 46, 48, 50, 53–55, 57, 64, 66, 82, 84, 85, 87, 89, 91, 94, 103–105, 112, 113, 115–117, 119, 121–124
- Михаил VIII Палеолог, византийский император (1258–1282) 109
- Мурат II, турецкий султан (1413–1421), отец Мехмета II 112–114
- Мухаммед, пророк, см. также Магомед 144, 148
- Навуходоносор**, царь Вавилонии (605–562 г. до н. э.) 81, 85
- Никита Оориф, адмирал 135
- Никифор Палеолог, зять Димитрия Кантакузина Палеолога 137
- Николай V, папа римский (1447–1455) 83, 91
- Нотара Лука, великий дука 121, 123, 137, 141, 155
- Орхан**, родственник Мехмета II (внук Сулеймана I) 69, 105, 121
- Осман, турецкий султан (1288–1326), основатель династии 109
- Османы, турецкая династия (1300–1922) 69, 109
- Палда**, отец Палдоглу 89
- Палдоглу, начальник флота Мехмета II 39, 43, 47, 49, 51–53, 117
- Палеологи, знатный византийский род, императорская династия 74, 83, 109, 121
- Паоло Боккиарди, генуэзец, один из защитников К-ля 136, 153
- Перикл (ок. 490–429 до н. э.), афинский стратиг (444–431, 429) 75
- Платон, греческий философ (427–347 до н. э.) 108
- Ритзос (Риццо)**, капитан венецианского корабля 79

- Саваоф, библ. 86, 100
 Самсон, библ. 152
 Сараджа, визирь при Мурате II, а затем при Мехмете II 43, 61, 84, 113
 Седекия, библ., иудейский царь 96
 Сулейман, султан (1359–1362), старший сын Баязита (прадеда Мехмета II), 121
 Сулейман, первый турецкий правитель К-ля 108
 Сципион Старший, римский полководец, участник Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) 72
 Сципион Младший, римский полководец, участник Третьей Пунической войны (149–146 гг. до н. э.) 72
 Теодор Каристо, венецианец, один из защитников К-ля 136
 Тимур (Тамерлан) (1336–1405), монгольский хан 32, 34
 Троило Боккиарди, генуэзец, один из защитников К-ля 136, 153
 Турахан, полководец Мехмета II 113
 Урбан, инженер Мехмета II 115
 Феодосия, мученица 101
 Феofil Палеолог, полководец, двоюродный брат императора Константина XI 107, 121, 136, 150, 152
 Флантанелас, адмирал флота Константина XI 134
 Фома Аквинат (1225/26–1274), итальянский философ и богослов 86
 Франсиско Толедский, кастильский дворянин, один из защитников К-ля 137, 152
 Халиль, великий визирь Мурада II, а затем Мехмета II 42, 43, 61, 80, 81, 104, 142–144, 156
 Хамза, начальник флота Мехмета II 53, 61, 69
 Харат-паша, военачальник Мехмета II 128
 Хасан, янычар 151, 152
 Хозрой II Парвис, персидский шах династии Сасанидов (591–628) 82
 Цезарь Август (Октавиан Август) (63г. до н. э.–14 г. н. э.), римский император (с 27 г. до н. э.) 135
 Янк, см. Янош 91
 Янош Корвин Хуньяди (ок. 1407–1456), воевода Трансильвании, регент Венгрии, см. также Янк и Иоанн Гет 141, 142
 Ясон, мифол. 25

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЭТНОНИМОВ

- Августа форум (в К-ле) 104
Агаряне, турки 134, 148, 150
Адрианополь, г. на Балканах 27, 40, 79, 80, 87, 107–109
Адриатика 147
Азия 22–24, 28–30, 32, 34, 35, 39, 42, 72, 73, 112, 113, 118, 129, 135, 140
Азия Нижняя, западная часть Азии 29
Акарнания, обл. Греции 147
Албанцы 122, 147
Алексея башня (в стене К-ля) 153
Амазонки, миф. 147
Анхиал, крепость у Черного моря 84
Апостолия, церковь св. Апостолов (в К-ле) 137
Арабы 82, 92, 105
Аравия 147
Аркадия, обл. на Пелопоннесе 113
Армения 147
Асоматон, деревня на азиатском берегу Босфора 147
Ассирийцы, жители Ассирии и Вавилонии 72
Афины 90
Афиняне 90
Африка 147
Афон, Св. гора, п-ов в Эгейском море 55
Ахея, обл. Греции 147
Бактрийцы, жители Бактрии (обл. в Средней Азии) 147
Беотия, обл. Греции 147
Божьей Мудрости храм, см. Св. Софии храм 149, 154
Болгария 89
Болгары 89
Большая стена (в К-ле) 48, 66, 67, 116, 120
Босфор, пролив 22, 24, 78, 112, 147
Быка форум (в К-ле) 120
Вавилон, Багдад 32, 71, 72, 78, 86, 107
Василия башня (в стене К-ля) 153
Великий Храм, см. Софии св. храм 108
Великая церковь, см. Софии св. храм 81–83, 85, 98, 99, 104
Великий дворец (в К-ле) 95
Венгрия 91
Венгры 141
Венецианцы 22, 86, 89, 92, 103, 122, 137–139, 148, 155
Венеция 86, 136, 138, 148
Вефилъ 100
Виза, крепость у Черного моря 84
Византий, первое название Константинополя 40, 112–114, 117, 122–124
Вифинцы, жители Вифинии (обл. на северо-западе Малой Азии) 29
Вланк, р-н К-ля 95
Востры 30
Вуколеон, дворец (в К-ле) 136
Галата, г. на берегу Золотого Рога 38, 42, 43, 50, 55, 70, 86–89, 91–95, 103, 108, 114, 122, 123, 128, 135, 138, 139, 143, 147, 151, 155, 156
Галатия, обл. Малой Азии 147
Галаты 29
Галаты западные 31

- Галлиполи, г. 24, 39, 43, 53
 Галлы 72
 Геллеспонт, Дарданеллы, пролив 22, 29, 39, 90, 122
 Геллы камень 29
 Генуэзцы 86, 87, 93, 117, 119, 120
 Генуя 86, 88
 Германцы 31, 132, 136
 Геты 30
 Готы 72
 Греки 29, 83, 138
 Греческое море, Мраморное 135
- Даки** 31, 32, 34, 115
 Далматы 30
 Двойные Колонны, местность на побережье Босфора неподалеку от Галаты 54, 89, 95, 130
 Деревянные ворота (в К-ле) 42, 85, 95, 96, 113, 114, 128, 137
 Джустиниани ворота (в К-ле), см. также Керкопорта 66
 Дидимотика, г. 79
 Димитрия Св. акрополь, м-рь (в К-ле) 88, 95, 137
- Евгения** ворота (в К-ле) 38
 Евксинский Понт, соврем. Черное море, см. также Понт 22, 25, 29, 30, 115, 129
 Евреи 92
 Европа 22-24, 28-30, 32, 34-36, 39, 42, 72, 73, 112-114, 118, 128, 142, 156
 Египет 147
- Золотой Рог**, бухта у европейского берега Босфора 38, 42, 43, 49, 51, 54, 55, 57, 61, 88, 89, 128
 Золотые ворота (в К-ле) 43, 85, 88, 95, 96, 113, 128, 136
- Ивирия**, Испания 147
 Ивиры, см. испанцы 147
 Иерусалим 72, 85
 Израиль 100, 101
- Илион, Троя 124
 Иллирийцы 29, 30
 Иллирик, обл. на северо-востоке Адриатики 147
 Ионийцы, греки, жившие в Малой Азии 29
 Ионический залив 30
 Испанцы, см. также ивиры и кельти-виры 31
 Истм, перешеек 135
 Источников Долина, местность к северо-западу от Галаты 55
 Истр, соврем. Дунай 29-32
 Италия 34, 38, 51, 93, 123, 141, 143, 147
 Итальянцы 22, 23, 34, 60, 61, 63, 64, 69, 81, 83, 93, 129, 136, 138
 Итома, г. на юго-западе Пелопоннеса 113
 Иудея 147
- Кадикс**, г. на юге Испании 147
 Калигарийские ворота (в К-ле) 137, 149
 Каппадокия, обл. Малой Азии 147
 Каппадокийцы 29
 Карийцы, жители Карии (обл. Малой Азии) 29
 Карфаген, г. в Африке 72, 146
 Кастилия Иберийская 128, 129
 Каффа, г., соврем. Феодосия (в Крыму) 81
 Кельтивиры, см. испанцы 31
 Кельтогалаты, см. кельты 147
 Кельты, см. также кельтогалаты 31, 72
 Кермария, обл. к северо-западу от Галаты, напротив К-ля 116
 Керамик, пригород К-ля 42
 Керкопорта, ворота (в К-ле) 95
 Кидония, г. на Крите 129
 Кизик, г. в Малой Азии на побережье Мраморного моря 85
 Киликия, обл. Малой Азии 29, 147
 Кинигесий, р-н К-ля 92, 94, 137
 Колхи, древ. грузинские племена 147

- Кондоскалий, р-н К-ля 136
 Константина Багрянородного дворец (в К-ле) 42
 Константина колонна (в К-ле) 99
 Константина св. церковь (в К-ле) 130
 Константинополь 22, 27, 28, 36, 40, 41, 51, 66, 67, 70, 72, 73, 78, 80, 81, 84, 85, 88, 109, 142, 156
 Космидий, м-рь рядом с К-лем на берегу Золотого Рога 85, 89, 105
 Красивые ворота (в К-ле) 88, 95, 96, 137
 Креста колонна (в К-ле) 99
 Крит, о-в в Средиземном море 40, 129
 Ксиролоф, холм (в К-ле) 155
- Латиняне**, западные народы, католики 73, 81, 82, 86, 87, 93, 96, 97, 103, 108, 112
 Лемнос, о-в в Эгейском море 41, 87
 Лемокопия, см. Паскесен 112, 113
 Леонтия башня (в стене К-ля) 153
 Лесбос, о-в в Эгейском море 89
 Ливия, северо-западная часть Африки 147
 Лигурийцы, генуэзцы 133, 137–139, 148
 Лигурия 128, 130, 136
 Лидийцы, жители Лидии (обл. Малой Азии) 29
 Ликия, обл. в Малой Азии 29
 Лион, г. во Франции 83
 Лихниты 147
 Локры 147
 Лопадий, г. в Вифинии (Малая Азия) 151
- Маврикия**, обл. в Ливии 147
 Мавритания, обл. в Африке 147
 Македония 29, 113, 147
 Малая стена (в К-ле) 48
 Малые ворота (в м-ре Одигитрии) 95
 Манганский м-рь (в К-ле) 109
 Масилия, соврем. Марсель 31
 Месемврия, крепость около Черного моря (в Европе) 36, 84
- Месина, местность между Константинополем и Адрианополем 108
 Мессения, обл. на юго-западе Пелопоннеса 113
 Месопотамия 147
 Месотихий, часть стены К-ля 42, 46
 Мефон, г. на Пелопоннесе 135
 Мидия, обл. в Азии 147
 Мизийцы 29
 Мизия 1. обл. в Малой Азии; 2. Болгария 85
 Микены, г. на северо-востоке Пелопоннеса 113
 Мириандрий, ворота (в К-ле) 42, 43, 136
 Монодендрий, местность около Константинополя 99
 Меотийский залив, соврем. Азовское море 86
- Неополихна**, г. на Пелопоннесе 113
 Никомидия, г. в Вифинии (Малая Азия) 129
 Нумидия, обл. в Северной Африке 147
- Одигитрии** м-рь (в К-ле) 95
- Палестина** 147
 Памфилия, обл. в Малой Азии 29
 Пантократора м-рь (в К-ле) 82, 109
 Паскесен, турецкое название Румели-Хиссар, крепости на западном берегу Босфора, см. также Лемокопия 79
 Пафлагония, обл. в Малой Азии 85, 147
 Пафлагонцы 29
 Пелопоннес 30, 38, 84, 88, 92, 113, 121, 122, 135, 147
 Персия 99, 147
 Персы 92, 105
 Петра, м-рь Предтечи (в К-ле) 98
 Петрий, р-н К-ля 137
 Пилос, г. на Пелопоннесе 135
 Пиренейцы, жители Пиренейского п-ова 31

- Пиринф, г. во Фракии 36
 Платея, р-н К-ля 95
 Польша 81
 Понт, см. Евксинский Понт 22, 84, 87, 147
 Принкипо, о-в в Мраморном море (из т. н. Принцевых о-вов) 47
 Прованс 129
 Пропонтида, совр. Мраморное море 112, 113
 Пруса, г. в Вифинии (Малая Азия) 29
 Псамафий, р-н К-ля 136
 Пэонийцы 23, 30–32, 34
- Рейн**, река 31
 Рим 38, 72, 74, 81
 Римляне 72, 119, 124, 146, 147
 Римская империя 91
 Родос, о-в в Эгейском море 41
 Романа святого ворота (в К-ле) 40, 90, 91, 101, 115, 120, 128, 132, 136, 152
 Ромеи, византийцы 23, 24, 27–30, 36, 39–42, 48, 49, 51, 53, 55, 56, 59, 62–66, 68–70, 80–82, 85–87, 90–93, 95–97, 99, 101, 105, 136, 149
 Россия 137
 Русь 81
- Сабиняне**, древ. италийское племя 121
 Сава, обл. Аравии 90
 Саос, приток Дуная 30
 Св. Софии храм, главный православный собор Константинополя, см. также Божьей Мудрости храм, Великая церковь и Великий храм 70, 121
 Сидерополихна, крепость на юге Пелопоннеса 113
 Силимврийские ворота (в К-ле) 136
 Силимврия, г. во Фракии 36, 84
 Симплегады, мифол., плавучие скалы, о которые разбивались корабли 24
 Синоп, г. на Черноморском побережье Малой Азии 29
 Сион, холм (в Иерусалиме) 90, 100
- Сирия 147
 Сицилия, о-в 133
 Скифы 92, 147
 Скутари (Хрисополис), г. в Азии, напротив Константинополя 95
 Спарта, г. на юге Пелопоннеса 113
 Стефана святого башни, укрепления неподалеку от Силимврии 84
 Стомий, место переправы через Босфор 79, 89
 Студий, крепость неподалеку от К-ля 47
- Тавр**, гора в Малой Азии 29
 Тавра кварталы (в К-ле) 99
 Танаис, совр. Дон 86
 Тегея, г. на Пелопоннесе 113
 Трапезунд, г. на Черном море 86
 Трибаллы 29
 Троя 71
 Турки 79, 85, 87, 88, 91–106, 109, 113–116, 118–122, 131–134, 136, 138, 139, 142, 151, 153
 Тусканские кельты 147
- Феодора св. холм** (в К-ле) 139
Феодосия св. ворота (в К-ле) 137
 Ферракий, крепость на берегу Босфора 46
 Ферры, г. в Македонии 113
 Фессалия, обл. на северо-востоке Греции 113, 147
 Филиппополь, соврем. Пловдив 109
 Финикия, древ. обл. на восточном побережье Средиземного моря 147
 Флоренция 81, 83
 Фракия, обл. на востоке Балканского полуострова 29
 Франки 82, 100, 103, 105
 Фригия Верхняя, восточная часть Фригии (обл. Малой Азии) 29
 Фригия Нижняя, западная часть Фригии (обл. Малой Азии) 29
- Халибы**, жители одной из обл. Малой Азии 29

- Хандакс, г. 129
Харисийские ворота (в К-ле) 42, 85, 97, 98, 101, 104
Херсонес, г. во Фракии 29
Хиос, о-в в Эгейском море 41, 57, 74, 81, 84, 88, 133
Хоры м-рь (в К-ле) 98
- Царские ворота** (в К-ле) 69, 92, 96, 102, 104, 137
- Черное море**, см. также Евксинский Понт 36
Черный Судан, Судан 147
- Эвбея, о-в в Эгейском море 122
Эврип, пролив между Аттикой и Эвбеей 74
Эврос, соврем. р. Марица 27
Эгейское море 22, 117, 122
Эллада 115, 147
Эллины 71, 83, 114-124, 147
Эпиваты, крепость неподалеку от Кля 36, 84
Эпир, обл. на севере Греции 147
Эретрия 70
Этолийцы, жители Этолии (обл. Греции) 147
Эфиопия 147

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Конец тысячелетней империи. Т. И. Соболев	7
Михаил Критовул. Историческое сочинение (гл. 6–72). Перевод Т. И. Соболев, О. Н. Николаенковой, Н. С. Евсеенко, В. В. Федченко, В. В. Чистяковой, С. А. Забелиной, Н. Д. Волковой, А. В. Авинской, Д. В. Агафоновой, Н. Н. Белова	18
Дука. История (гл. 35–42). Перевод А. С. Степанова	76
Лаоник Халкокондил. Историческое повествование. Перевод В. В. Фед- ченко	110
(псевдо-)Сфрандзи. Хроника (гл. 4–11). Перевод О. Н. Николаенко- вой, В. В. Федченко	125
Плач о Константинополе. Перевод А. Б. Борисовой	157
Комментарий. Составитель Т. И. Соболев	161
Указатели. Составитель В. В. Чистякова	182

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОРИКИ
О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
в 1453 году

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *Т. В. Христин*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
193019, СПб., пр. Обуховской обороны, 13.
Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53
E-mail: aletheia@rol.ru
www.orthodoxia.org/ / [aletheia](http://aletheia.org/)

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 05.05.2005. Формат 60х88¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,7. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3355

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙ» ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

1. Библио-Глобус, 101990, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 921-58-03
2. Дом книги «Москва», 125009, ул. Тверская, д. 8, стр. 1.
Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55
3. Магазин «Православное слово». Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
4. Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60.
6. Магазин «Московский книжник», ул. М. Ульяновой, д. 17, к. 2.
Тел. (495)131-11-38
7. ООО «Паолине», ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
8. Магазин РГГУ «Гуманитарная книга», 125267, Миусская пл., д. 6.
Тел. (495) 973-43-01
9. Магазин «Гнозис». Тел. (495) 247-17-57
10. Магазин «Русское зарубежье» 103375, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
11. Магазин Издательства УРСС, 117312, пр. 60-летия Октября, д. 9
12. Магазин «Музыкальный парк», 109369, Новочеркасский б-р, д. 41, корп. 1
13. Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
14. Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 229-88-21, 504-47-95
15. Сеть магазинов «Букбери». Тел. (495) 240-48-09, 240-48-67
16. Галерея книг «Нина», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
17. Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
18. «Новое книжное агентство», 103062, ул. Покровка, д. 27, стр. 1.
Тел. (495) 916-28-14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1. Магазин «Историческая книга», ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
2. «Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ, Университетская наб.,
д. 11. Тел. (812) 328-95-11
3. Магазин «Классное чтение», 6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
4. Книжный салон РНБ «Дом Крылова», 191069, ул. Садовая, д. 18.
Тел. (812) 310-44-87
5. «Дом книги», Невский пр., д. 62
6. Магазин «Слово», 191186, Невский пр., д. 22-24
7. Издательско-торговый дом «Летний сад», Большой пр. П. С., д. 82.
Тел. (812) 232-21-04, 233-19-62
8. Магазин «Гуманитарная книга», 1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 323-54-95
9. Магазин «Академический проект», ул. Рубинштейна, д. 26. Тел. 764-81-64
10. Магазин «Перемещенные ценности», 2-я линия В. О., д. 27
11. Магазин «Подписные издания», 191104, Литейный пр., д. 57
12. Магазин «Культпросвет», 191040, ул. Пушкинская, д. 10
13. Книжная лавка писателей, Невский пр., д. 66
14. Магазин «Золотой лотос», ул. Пушкинская, д. 9

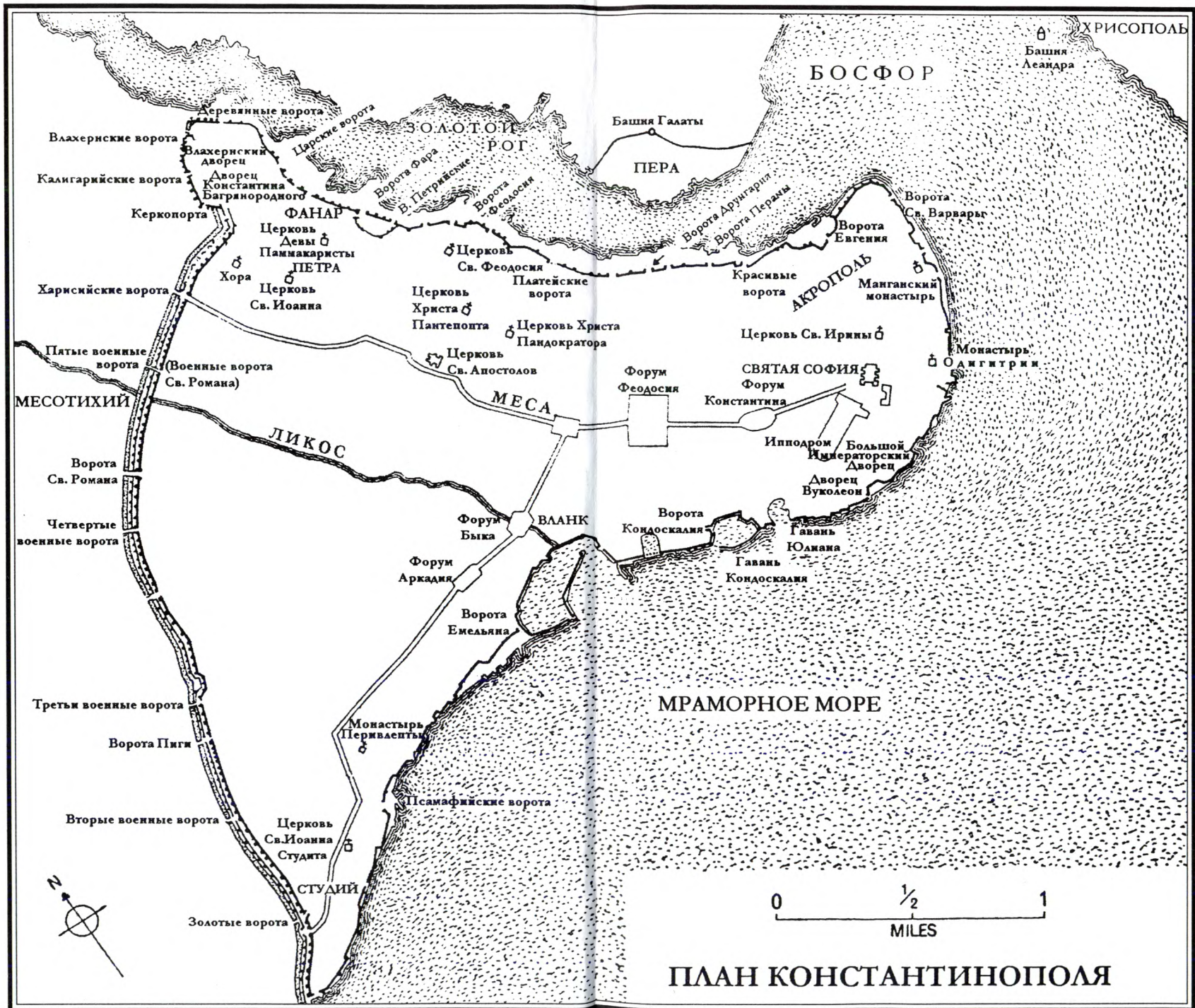
ЕКАТЕРИНБУРГ

«Дом книги», ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Дом книги», ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА» (НОВОСИБИРСК)
<http://www.top-kniga.ru>. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

ПЛАН КОНСТАНТИНОПОЛЯ